

№ 48
252

СТРАТИЛАТОВЪ

МОСКВА

И

ЕЯ ПАМЯТНИКИ

ТВЕРЬ
Типо-Литографія Н. М. Родионова.
1901.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 11 Декабря 1900 г.

2004175421

I. ВСТУПЛЕНИЕ.

Москва не только сердце Россіи, но и книга ея исторіи. Листы этой книги—храмы, дворцы, башни, статуи и другіе памятники. Какъ достоинство книги состоитъ въ ея полнотѣ и ясности изложенія, такъ и древній историческій городъ долженъ бы отличаться этими же качествами. Но обыкновенно бываетъ не такъ. Памятники большею частію нагромождаются какъ попало, какъ мѣсто позволить и при томъ имѣются далеко не всѣ изъ тѣхъ, которымъ надлежало бы быть въ данномъ городѣ. Если событія и время оставляютъ памятники не о всѣхъ замѣчательныхъ періодахъ исторіи и не о всѣхъ знаменитыхъ людяхъ, то позднѣйшія поколѣнія должны, кромѣ охраны дошедшаго до нихъ, еще возстановлять бывшее, но исчезнувшее и прибавлять отъ себя то, чего вовсе не было, но что можетъ служить напонианіемъ потомству о славныхъ дѣятеляхъ минувшаго. При этомъ самое размѣщеніе

памятниковъ должно быть не случайное, примѣнительно только къ мѣсту, но такое, чтобы всѣ они имѣли между собою связь и послѣдовательность, какъ по времени, такъ и по значенію. Памятники ставятся не для украшенія только мѣста, а для поученія и возбужденія въ народѣ добрыхъ чувствъ и возвышенныхъ стремленій. Изящная внѣшность служить только къ тому, чтобы привлечь вниманіе и не давать ему слабѣть при разсмотрѣніи памятника. Конечно сооруженій уже существующихъ, говоря вообще, нельзя передвигать не потому только, что это трудно или пусть даже невозможно, но главное потому, что такое измѣненіе отношеній къ окружающимъ мѣстамъ и зданіямъ само по себѣ было бы уже разрушеніемъ стараго и только въ исключительныхъ случаяхъ это допустимо. Мѣста же для новыхъ памятниковъ должны выбираться крайне осторожно и съ расчетомъ не только для настоящаго времени, но и для будущаго, для чего слѣдуетъ ставить ихъ до нѣкоторыхъ предѣловъ просторнѣе, однако же и не разбросано. Это особенно относится къ памятникамъ статуямъ, проще и нагляднѣе всѣхъ другихъ уподобляющихся листамъ историчес-

кой книги. Таковъ долженъ быть каждый великій и древній городъ, такова должна быть и Москва.

Наша древняя столица не богата памятниками статуями, но расположеніе ихъ, за не большимъ исключеніемъ, весьма удачно, по крайней мѣрѣ въ настоящее время; въ ближайшемъ же будущемъ, кажется далеко не такъ. Нечего распространяться о старѣйшемъ московскомъ памятникѣ — о статуяхъ Минина и Пожарскаго, обращенныхъ на спасенный ими Кремль, какъ символъ всей Россіи. Лучше какъ самага памятника, такъ и положенія его едвали можно придумать. Здѣсь можно сказать только слѣдующее. При замѣнѣ старыхъ верхнихъ рядовъ новыми въ первое время казалось, что этотъ памятникъ много потеряетъ отъ обширности и большей близости новаго зданія. Но съ этимъ можно и не соглашаться. Конечно, говоря вообще, чѣмъ просторнѣе площадь и чѣмъ меньше окружающія постройки, тѣмъ памятникъ будетъ казаться больше, виднѣе. Но здѣсь есть предѣлъ: роскошный памятникъ, окруженный пустынной съ бѣдными постройками площадью значительно потеряетъ и самъ приметъ видъ унылый. Лучше ужъ ему стоять совсѣмъ въ

пустынѣ или въ лѣсу. Другая крайность: въ тѣснотѣ очень большихъ и разнообразныхъ зданій статуя совсѣмъ затеряется. Лучше ужъ ей стоять въ особомъ зданіи или въ музеѣ. Слѣдовательно здѣсь есть середина. Настоящій видъ Красной площади по отношенію къ „Минину и Пожарскому“ кажется близокъ къ этой серединѣ,—хотя конечно математически доказать этого нельзя. Однообразный бѣлый фасадъ рядовъ составляетъ красивую раму для темнаго памятника.

II. ПАМЯТНИКЪ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ II.

Перейдя отсюда къ вновь открытому памятнику Императору Александру II, мы замѣчаемъ обширность и нѣкоторую пустынность площади не совсѣмъ соответствующую величинѣ новаго сооруженія. Но лучшаго мѣста найти все-таки было не возможно. Здѣсь онъ на виду полу-Москвы, въ стѣнахъ славнаго Кремля, вблизи дворцовъ и святынь Московскихъ. Относительно самого памятника слѣдуетъ замѣтить, что входящіе въ Кремль прежде всего останавливаютъ взглядъ не на статуй, какъ бы слѣдовало,

а на сѣни ее скрывающей. И такъ продолжается даже при значительномъ приближеніи. Это общій недостатокъ всѣхъ памятниковъ, гдѣ статуи имѣютъ прикрытія. Даже войдя въ галлерей, посѣтителъ не вполне свободенъ въ достиженіи главной цѣли—осмотрѣть изображеніе Императора, — такъ какъ столбы часто мѣшаютъ этому. Помнится, когда еще только проектъ памятника былъ представленъ на разсмотрѣніе, одинъ извѣстный художникъ помѣстилъ въ газетѣ короткое письмо, гдѣ въ высокомѣрномъ тонѣ предостерегалъ отъ постановки статуи въ закрытіи и предлагалъ свои услуги, или вѣрнѣе какое-то снисходительное покровительство. Разумѣется подобныя письма остаются не только безъ отвѣта, но даже и безъ вниманія, хотя бы они исходили и въ самомъ дѣлѣ отъ генія. Но теперь невольно приходится сознаться, что въ немъ была нѣкоторая доля правды. Все же въ общемъ памятникъ очень хорошъ и вполне гармонируетъ съ сооружающими его зданіями. Это относительно внѣшности.

Что бы опредѣлить—какъ выраженъ въ немъ внутренній смыслъ и подобающее значеніе его, слѣдуетъ сдѣлать общія замѣчанія

по этому предмету. Всѣ такого рода памятники представляютъ два главныхъ характера: или серьёзно поучительный или восторженно поэтический. Чаще то и другое перемѣшивается въ разныхъ пропорціяхъ. Въ первомъ при главной фигурѣ — статуѣ, бюстѣ, рельефѣ — помѣщаются перечисленія, большею частію въ рельефахъ, мозаикѣ или надписяхъ, важнѣйшихъ дѣяній изображаемаго лица и событій того времени, опредѣляющихъ его мѣсто въ исторіи. Кромѣ того для большей полноты можно указать на историческую связь съ предшествующими однородными лицами или событіями. О памятникахъ второго типа нельзя сказать чего либо опредѣленнаго, такъ какъ для фантазіи нѣтъ опредѣленныхъ формъ и рамокъ. Здѣсь характеръ изображаемаго лица или событія выражается въ аллегоріяхъ и символахъ. Къ Московскому Кремлю идутъ памятники перваго рода, къ каковому очевидно принадлежитъ и вновь открытый Памятникъ императору Александру II втораго рода болѣе подходилъ бы теперь къ Петербургу, о чемъ будетъ сказано ниже.

Теперь слѣдуетъ разобрать — какъ выполнена здѣсь задача составленія чисто исто-

рическаго памятника. При подобномъ составленіи какъ уже было сказано, имѣются въ виду во первыхъ—важнѣйшія дѣянія, характеризующія личныя особенности изображаемаго Монарха, во вторыхъ—важнѣйшія событія постороннія, отъ него уже не зависѣвшія, но проводящія яркую черту въ его царствованіи. Первое т. е. дѣянія Императора Александра Николаевича всѣмъ очень хорошо извѣстны, что бы здѣсь ихъ перечислять. Второе составляетъ случайное, по понятіямъ человѣческимъ, совпаденіе Его Царствованія съ совершившимся 1000-лѣтіемъ Россіи. То и другое, какъ очень важное и характерное должно быть выражено на историческомъ монументѣ. Но первое, т. е. его дѣла, вовсе не показано на воздвигнутомъ памятникѣ. Составители несомнѣнно думали, что эти дѣла на столько всѣмъ извѣстны, что изображать ихъ излишне. Но вѣдь великія люди и великія ихъ дѣянія потому то и вызываютъ постановку памятниковъ, что кромѣ величія имѣютъ еще и всесвѣтную извѣстность, которую и стараются увѣковѣчить этой постановкой, выражая ясно и людей и дѣла. Если же дѣла по причинѣ всесвѣтной извѣстности не нуждаются въ памятникахъ,

то, стало быть, и всесвѣтно извѣстные люди по той же причинѣ не нуждаются въ нихъ.

Отличительная черта втораго рода, чисто внѣшняя, нисколько не характеризующая Самого Монарха—1000-лѣтіе Россіи, напротивъ, нашла себѣ мѣсто: на потолокъ галлерей, окружающей статую, помѣщены портреты всѣхъ Государей Россіи за окончившійся 1000-лѣтній періодъ ея Исторіи *). Говоря вообще, голая хронологія для огромнаго большинства весьма утомительна, ничуть не поучительна и нисколько не интересна. Но здѣсь этого сказать, пожалуй, нельзя; такъ какъ художественно исполненные портреты привлекаютъ къ себѣ вниманіе посѣтителя,—хотя посѣтитель съ откинутой назадъ головой скоро устаетъ отъ такой неестественной позы и прекращаетъ обзоръ раньше чѣмъ слѣдуетъ. Поэтому размѣщеніе этихъ портретовъ едвали можно признать удачнымъ. Кромѣ того и самая связь даннаго лица,—говоря вообще,—съ прошедшимъ не исчерпывается только простымъ изображеніемъ непрерывнаго ряда его предшественниковъ. Эта связь должна быть болѣе характерной.

Такъ здѣсь: 1) Царь-Освободитель дол-

*) Почему-то съ Владиміра Св.

женъ бы быть окруженъ предшествовавшими освободителями; Владиміромъ Святѣмъ—отъ язычества, Іоанномъ III—отъ татаръ, Петромъ Великимъ—отъ ига невѣжества, Елизаветой—положившей начало изгнанію нѣмцевъ и т. д.,—и при томъ съ ясно выраженными именно этими освободительными чертами: Владиміръ—свергающій идола, Іоаннъ—разрывающій ханскую грамоту и т. п.

2) Царь-Судоустроитель долженъ бы завершить рядъ предшествовавшихъ судоустроителей, подающихъ народу книги, хартіи или скрижали съ надписями: „Русская Правда“, „Судебникъ“ и проч.

3) Царь-Вождь Побѣдитель... и пр. и пр.

Все это можно было бы изобразить въ рельефахъ, расположенныхъ по лучевымъ отъ главной статуи галлереймъ, или какъ нибудь иначе. Задача эта конечно очень сложная и трудная, особенно при крайне разнообразной дѣятельности изображаемаго Государя, — но не невозможная и далеко не лишняя, такъ какъ памятникъ Государю долженъ находиться въ такомъ же соотвѣтствіи къ памятникамъ одностороннимъ народнымъ дѣтелямъ въ какомъ находится самъ Государь къ этимъ дѣтелямъ. Памятникъ Го-

сударю есть памятникъ всему Государству за время Его царствованія. На то и дается господамъ специалистамъ продолжительное время и щедрое вознагражденіе, чтобы они выполнили свою задачу какъ можно совершеннѣе. А для сооруженія статуи по сотни разъ повторяемому типу съ окружающими ее какими либо украшеніями изъ простенькихъ варіацій на давно всѣмъ извѣстную тему,— для такого сооруженія не требуется не только творческаго генія, но даже и выдающагося таланта; довольно одного хорошаго умѣнья, что бы для глазъ все вышло соразмѣрно и правильно. Если соорудители разбираемаго памятника думали, что все важное предшествовавшее царствованію Императора Александра II уже изображено на Новгородскомъ памятникѣ; то на это можно замѣтить, что тамъ группировка изображаемыхъ лицъ совершенно другая—общесобирательнаго характера, а здѣсь она должна бы имѣть только личную связи съ воспоминаемымъ Монархомъ.

Въ заключеніе получается: новое сооруженіе, какъ украшеніе города, прекрасно; какъ памятникъ—не удовлетворительно. Неужели и еще повторится тоже самое? Неужели

великая Россія не можетъ создать великаго памятника?

Какъ бы то нибыло, но памятникъ существуетъ и другаго съ историческимъ характеромъ, какъ уже повторительнаго, ставить не приходится даже и въ Петербургѣ. Если бы сѣверная столица рѣшила соорудить у себя памятникъ этому Государю, то какъ уже было сказано, во избѣжаніе повтореній, слѣдовало бы создать памятникъ втораго типа.

Такой напримѣръ: Императоръ стоитъ на высокомъ пьедесталѣ, имѣющемъ видъ типичной русской постройки. Вокругъ него крылатые геніи или ангелы, держащіе въ рукахъ различные эмблемы: одинъ — миртовую вѣтвь, знакъ прекращенія тяжелой войны; другой — разорванныя цѣпи рабства; третій — мечи для всѣхъ на защиту отечества; четвертый знамя крестоносцевъ и т. д. Всѣ эти ангелы движеніемъ одной руки Императора отпускаются и собираются слетѣть внизъ къ народу. Но одинъ ангелъ, какъ бы рвущійся улетѣть въ даль, удерживается другой рукой Императора для себя: это ангелъ смерти, держащій терновый вѣнецъ.

III. ПАМЯТНИКЪ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ III.

Скоро древняя столица украсится памятникомъ Императору Александру III. Москва и вся Россія съ нетерпѣніемъ и тревогой ждали рѣшенія вопроса—гдѣ онъ будетъ поставленъ? Это вопросъ первой важности; онъ важнѣе другаго: каковъ будетъ самый памятникъ? Самый памятникъ, если даже не возвысится надъ общепринятыми типами, все же—можно быть увѣреннымъ—будетъ въ извѣстной мѣрѣ соотвѣтствовать своему высокому значенію. Слѣдовательно главная забота не объ этомъ, а о выборѣ мѣста, которое и слабый памятникъ можетъ усилить и великій умалить. Здѣсь можетъ быть слишкомъ большое разногласіе, а потому возможны тяжелыя ошибки.

Теперь извѣстно, что мѣсто уже выбрано около храма Спасителя. Академики и ученые специалисты нарочно для этого съѣзжались въ Москву и рѣшили, что лучше этого мѣста нѣтъ во всей столицѣ. Памятникъ будетъ поставленъ на обширной площади съ восточной стороны храма, на берегу, лицомъ къ рѣкѣ. Отъ него будутъ сдѣланы въ два

марша сходы, украшенные колоннадой. По сторонамъ станутъ два мраморные ангела съ пальмовыми вѣтвями, осѣняя входъ. Картина будетъ роскошная и величественная. Это мѣсто будетъ одно изъ красивѣйшихъ мѣстъ Москвы, которая и отъ себя спѣшитъ еще болѣе его украсить отдѣлкой противоположной набережной, проведеніемъ тамъ же новой улицы и постройкой новаго моста,—впрочемъ это со временемъ. Слѣдовательно чисто внѣшняя сторона вопроса рѣшена превосходно.

Но нельзя допустить, чтобы профессора, академики и ученые специалисты могли при этомъ довольствоваться только декорацией города. Красота ума выше красоты глаза и даже не красивый смыслъ выше красивой бессмыслицы. Безъ сомнѣнія были какія нибудь очень вѣскія причины, по которымъ выбрано это, менѣе чѣмъ второстепенное мѣсто города. Къ крайнему прискобрію эти причины не извѣстны.

О преимуществахъ этого мѣста предъ всѣми прочими писалось болѣе подробно только въ Московскихъ Вѣдомостяхъ еще въ 1898 году (№№ 122—133), писалось лицомъ

авторитетнымъ, а именно профессоромъ Цвѣтаевымъ. Однако дѣло отъ этого ничуть не стало понятнѣе.

IV. ВЫБРАННОЕ МѢСТО.

Въ виду значенія профессорской статьи, просмотримъ ее. Авторъ утверждаетъ, что огромное большинство уже на его сторонѣ, что даже „цѣлое поколѣніе современное намъ горячо желаетъ постановки изображенія Государя Императора Александра III на этомъ мѣстѣ и никогда не заслужитъ себѣ въ грядущихъ поколѣніяхъ даже и слабаго упрека за выборъ именно этого мѣста; что оно только исполнитъ этимъ свой гражданскій долгъ; что этотъ выборъ несомнѣнно будетъ встрѣченъ горячимъ сочувствіемъ ^и Россіи и подавляющаго большинства жителей Москвы“. Маленько не складно для серьезной профессорской статьи, долженствующей состоять изъ однихъ только строга обдуманыхъ, точныхъ и ясныхъ выводовъ. Ну, да дѣлать нечего, что есть. А на это, что есть слѣдуетъ замѣтить, что въ такихъ дѣлахъ нельзя довольствоваться голословнымъ заявленіемъ,

хотя бы даже и профессорскимъ. Необходимо знать: какимъ способомъ авторъ велъ счетъ своимъ сторонникамъ; какъ велико въ приблизительныхъ числахъ это „современное поколѣніе“ и „подавляющее большинство“; что подразумѣвается подъ „всей Россіей“ и почему всѣ несогласные съ мнѣніемъ автора считаются не исполняющими своего гражданскаго долга? О томъ-же, какъ узналъ авторъ взгляды „грядущихъ поколѣній“ можно и не спрашивать, такъ какъ понятно для всякаго, что это знаетъ только одинъ Богъ.

Дабы доказать пригодность единственно этого мѣста, въ статьѣ очень пространно и подробно разбираются неудобства „Дворцоваго дворика“ въ Кремлѣ, т. е. такого мѣста, на которомъ едва ли кто серьезно останавливалъ вниманіе. И непригодность котораго слишкомъ очевидна. За то другія мѣста болѣе этого удобныя упоминаются вскользь: просто говорится, что „какую сторону мы ни взяли бы, каждая изъ нихъ представляетъ свои ни чѣмъ неустранимыя неудобства“. Какія именно неудобства—не объясняется. Прочія мѣста разбираются въ томъ же родѣ.

Еще говорится вообще, что мѣсто должно быть самое видное и наиболѣе посѣщаемое всѣми—и жителями Москвы и прїѣзжими, какъ своими, такъ и иностранцами, слѣдовательно самое шумное; а вслѣдъ за тѣмъ прибавляется, что это мѣсто должно быть не только уютное и спокойное, но даже должно отличаться просто на просто. „затишьемъ“. Замѣчаніе о затишьѣ принадлежитъ другому лицу; но составитель разбираемой записки приводитъ его, какъ вполне согласное съ его собственными воззрѣніями на этотъ предметъ и уже самъ отъ себя называетъ выбранное имъ мѣсто „нѣсколько пустыннымъ и безмолвнымъ участкомъ земли“.

Для доказательства того, что площадь Храма Спасителя самая видная, уже третій авторъ въ той же статьѣ, тоже принадлежащій къ ученому міру, указавъ на прилегающія улицы, изъ которыхъ одна въ основномъ текстѣ признана наиболѣе живой и дѣятельной, но только въ *этомъ* районѣ,—говорить, что тамъ памятникъ будетъ видѣнъ „со всего нагорнаго берега р. Москвы, идущаго отъ Нескучнаго сада до Воробьевыхъ горъ“, но и то при нѣкоторыхъ условіяхъ постройки и исключительно въ ясные

дни. Отъ этого не далеко уже на указаніе точекъ обозрѣнія съ колокольной Ивана Великаго или съ птичьяго полета.

Кромѣ многолюдства (уютности тожъ) и видности мѣста (съ Воробьевыхъ горъ) разбираются еще зданія, вблизи которыхъ приличествуетъ или не приличествуетъ помѣститься памятнику. Такъ говорится, что постановка его вблизи Историческаго Музея легко была бы понята всѣми образованными людьми Россіи. Смѣю увѣрить почтеннаго профессора, что не всѣми. Очень многимъ изъ нихъ эта связь была бы вовсе не понятна. Если памятникъ основателю университета поставленъ на университетскомъ дворѣ—это понятно. Если бы предполагавшійся памятникъ Создательницѣ Городоваго положенія былъ помѣщенъ предъ зданіемъ Городской Думы—это тоже было бы понятно; такъ какъ памятникъ *Императрицѣ* Екатеринѣ II уже существуетъ въ Петербургѣ. Если бы у Храма Спасителя былъ поставленъ памятникъ Императору Александру III только какъ Высокому участнику освященія этого храма, или даже всѣмъ Государямъ создавшимъ его—и это пожалуй понятно, хотя менѣе предыдущаго. Но если всенародный

памятникъ одному изъ великихъ Монарховъ одного изъ величайшихъ Государствъ связываетъ съ какимъ нибудь музеемъ или даже храмомъ, то такую связь громаднѣйшее большинство какъ высокообразованныхъ, такъ и совсѣмъ темныхъ людей отказалось бы понимать какъ умомъ, такъ и сердцемъ. Если какой либо великій Государь въ часы досуга отдается любимой наукѣ или искусству, то посреди постоянныхъ заботъ и трудовъ обращаетъ никакъ не меньшее вниманіе и на все прочее.

Поэтому же самому совершенно непонятно упоминаніе о томъ, что профессора, люди науки, литературы, московскіе художники и даже „многіе гласные Московской Городской Думы“ желали бы видѣть этотъ памятникъ впереди Музея Изящныхъ Искусствъ имени Императора Александра III, гдѣ надо замѣтить, профессорствуетъ самъ авторъ записки, горячій сторонникъ выбраннаго мѣста, лежащаго рядомъ съ нимъ. Такое желаніе вполнѣ понятное и естественное по отношенію къ себѣ существуетъ не у однихъ только „людей науки и литературы и московскихъ художниковъ“, но и по отношенію къ своимъ спеціальнымъ мѣстамъ такъ

же и у петербургскихъ художниковъ, у людей торговли, промышленности, у служителей Церкви, у дворянства, у военныхъ и пр. и пр.,—словомъ у всего русскаго народа.

Если бы группа какихъ нибудь темныхъ ремесленниковъ или даже „гласныхъ“, положимъ осчастливленная посѣщеніемъ Высокаго Гостя или какимъ либо Его особымъ вниманіемъ горячо и неотступно стояла за постановку всероссійскаго памятника противъ своей управы или мастерской, то такое наивное ходатайство было бы понятно. Но отъ истинно образованныхъ людей, которые въ силу своего развитія должны иногда жертвовать самыми дорогими чувствами, для общаго дѣла, казалось бы нельзя ожидать даже самаго предложенія о приданіи спеціально своей окраски тому, что принадлежитъ всему народу.

Каждое отдѣльное учрежденіе, носящее Имя Императора, или просто пользовавшееся Его особымъ вниманіемъ должно имѣть свой отдѣльный памятникъ, смотря по средствамъ, отъ мраморной доски и до роскошной статуи. Именно по этому то и не слѣдуетъ ставить разсматриваемаго памятника вблизи такихъ

зданій, которыя могли бы имѣть съ нимъ какую нибудь частную связь.

Это вторая причина почему не слѣдуетъ ставить его около Храма Спасителя; а по мнѣнію г. профессора, наоборотъ, почему слѣдуетъ его тутъ поставить, такъ какъ почившій Государь участвовалъ въ освященіи этого Собора. Первая причина уже указана: пустынность мѣста лежащаго далеко въ сторонѣ отъ важнѣйшихъ линій народнаго движенія, — которую профессоръ признаетъ то за препятствіе, то за побужденіе къ постановкѣ.

Храмъ при своей громадной высотѣ не теряетъ отъ своего глухаго расположенія: онъ видѣнъ отовсюду. По первому проекту на Воробьевыхъ горахъ онъ можетъ быть былъ бы еще виднѣе и еще величественнѣе; но не ужели и тамъ постановка памятника была бы для кого нибудь желательной? А если нѣтъ, то желающіе постановки его здѣсь связываютъ это не столько съ храмомъ, сколько съ близъ воздвигаемымъ музеемъ, что очень ясно изъ общаго характера записки.

Памятники не создаютъ центровъ народной жизни, и этотъ памятникъ не оживитъ

мѣста. Первое время будетъ, безъ сомнѣнія, собираться народъ въ большемъ, противъ обыкновеннаго, количествѣ; но пройдутъ не многіе годы—и все придетъ къ старому уровню. И тяжело будетъ смотрѣть русскому человѣку на изображеніе обожаемаго Монарха въ этой тишинѣ, точно въ какомъ-то изгнаніи—вдали отъ шумящаго народа, который Онъ любилъ, вдали отъ священнаго Кремля, гдѣ Онъ короновался и который Онъ посѣтилъ уже по отшествіи въ вѣчность.

Да и самъ новый храмъ возбуждаетъ скорѣе любопытство, чѣмъ глубокое благоговѣніе, что свойственно только древнимъ храмамъ. Подтвержденіемъ этому можетъ служить то безпокойство и боязнь, которыя овладѣли народомъ, когда вскорѣ послѣ освященія новаго Собора, прошли слухи, что первенство Успѣнскаго Собора, будетъ передано ему. Тоже, если и не въ такой мѣрѣ, повторится и теперь.

У. „МОТИВЫ ВЫСШАГО ПОРЯДКА“.

Помимо указанныхъ препятствій есть еще неудобство помѣщенія памятника около новаго

храма заключающееся въ размѣрахъ этого послѣдняго,—что сознають и сами строители. Какъ бы ни былъ великъ памятникъ въ общепринятыхъ и возможныхъ размѣрахъ и какъ бы ни былъ онъ удаленъ отъ Собора,—не смотря на завѣренія сторонниковъ этого мѣста,—онъ все-таки будетъ казаться незначительнымъ въ виду колоссальнаго зданія. Но профессору Изящныхъ Искусствъ это мѣсто нравится до такой степени, что онъ желалъ бы сохранить за нимъ такое назначеніе и для отдаленнаго будущаго. „Какъ знать—говорить онъ—что статуя Императора Александра Александровича не суждено положить здѣсь болѣе прочное начало этому явленію въ будущемъ Русской исторіи?“ Смотришь въ даль временъ: видимъ—въ низинѣ на бѣломъ фонѣ громаднаго Собора темныя фигуры Царей; въ сторонѣ высокій и великій Кремль съ одинокой статуей; кругомъ тихо. Какое то необыкновенное, очень мрачное кладбище! Къ счастью даль временъ не прозрачна и это только миражъ.

Профессоръ Цвѣтаевъ, расхваливая это мѣсто, впадаетъ даже въ иѣжную мечтательность. Онъ говоритъ, что „здѣсь въ грядущемъ времени вѣчно молодая будетъ жизнь

играть!“ Младая жизнь вѣчно играть нигдѣ не будетъ; а въ предѣлахъ назначеннаго она должна играть около памятника Крылову, или въ родѣ того. Но около памятниковъ Всероссійскимъ Императоромъ игра не умѣстна. Около нихъ должна собираться вся жизнь отъ юности до дряхлости, весь народъ, не для игры конечно, а для серьезныхъ думъ о Вседержителѣ, посылающемъ ему Вождей на тернистомъ пути Истории. И не только памятникъ, но и самое мѣсто должны располагать къ этому; а выбранные сады при сравненіи съ Кремлемъ для этого слабосильны. Здѣсь конечно станутъ собираться по преимуществу дѣти да ученики, какъ предвидитъ и самъ профессоръ, желая чтобы здѣсь было тихое мѣсто для прогулокъ; иначе, по его предсказанію, можетъ оказаться кругомъ, какъ „и въ Западной Европѣ удручающее малолюдство.“ Дѣйствительно можетъ; между тѣмъ какъ въ Кремлѣ, если и не всегда будетъ многолюдно, то ничего удручающаго никогда быть не можетъ. Хотя авторъ записки распространяется въ этомъ духѣ не прямо о выбранномъ мѣстѣ, а о сосѣдствѣ съ нимъ, около музея,—но понятно, что это одно и тоже, какъ понятно и то, что

тутъ скрывается искусный маневръ, имѣющій цѣлю сперва расположить читателя въ пользу музея, а потомъ, какъ бы уступая необходимости, отступить отъ него шага на два и уже тамъ прочно основаться. Можно быть увѣреннымъ, что еслибы этотъ музей стоялъ на другомъ мѣстѣ, напр. на театральной площади, какъ предлагалъ тотъ же профессоръ или въ Кремлѣ, то разбираемая записка, теперь враждебная этимъ мѣстамъ, была бы въ ихъ пользу.

Впрочемъ г. профессоръ какъ будто не очень надѣется на „современное поколѣніе и подавляющее большинство“ и чтобы удержать его при себѣ прибѣгаетъ къ разъясненіямъ такихъ обстоятельствъ, которыя по своей очевидности вовсе не нуждаются въ нихъ. Такъ онъ доказываетъ, — причисляя это къ молитвамъ уже „иного, высшаго порядка“, — отсутствіе „странности“ въ постановкѣ памятника близъ церквей и доказываетъ это тѣмъ, что памятникъ Императора Николая I стоитъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Исакиевского Собора „и при томъ въ военномъ характерѣ.“ Профессоръ вѣроятно находитъ, что военные изображаютъ изъ себя нѣчто несогласуемое съ Церковью. должно быть

забывая, что множество военныхъ причислено даже къ лику Святыхъ и великое множество военныхъ не святыхъ всю жизнь прибѣгали и прибѣгаютъ къ молитвамъ, прося у Бога помощи въ своихъ дѣлахъ.

Далѣе профессоръ доказываетъ, что сооружаемый памятникъ не только можетъ, но даже долженъ стоять около Храма потому что Церковь непрестанно молить „о мирѣ всего міра“,—давая тѣмъ еще разъ понять, что памятники Государямъ воевавшимъ не должны бы стоять около храмовъ, или, по крайней мѣрѣ, могутъ стоять, но могутъ и не стоять, безразлично,—въ противоположность разсматриваемому, который непременно долженъ стоять такъ. При этомъ очевидно упускается изъ виду то, что Церковь нераздѣльно съ этимъ, а слѣд. тоже непрестанно молить еще и „о покорити подъ нозѣ всякаго врага и супостата“. Значитъ близость Церквей къ памятникамъ Государямъ всегда одинаково умѣстна, безъ всякаго различія между ними. А ужъ если выбирать церкви, то слѣдуетъ выбирать тѣ, гдѣ молитвы глубже и внушительнѣе вліяютъ на народъ. Тогда первенство безъ сомнѣнія останется за Кремлемъ, собравшемъ на небольшомъ

пространствѣ большое число святынь древнихъ и высокочтимыхъ. Филосовское возраженіе, гласящее, что истинная молитва вездѣ глубока и внушительна разбивается о тотъ фактъ, что ни одинъ истинно вѣрующій не уравниваетъ Іерусалимскій храмъ Гроба Господня съ простой сельской церковью.

VI. ПОЛОЖЕНІЕ ПАМЯТНИКА. КРЕМЛЬ.

Кромѣ всего сказаннаго является еще очень важный вопросъ: какое положеніе придать здѣсь памятнику? Общимъ совѣтомъ ученыхъ и художниковъ рѣшено, что изображеніе Императора слѣдуетъ поставить лицомъ къ рѣкѣ. Если Петръ Великій на берегу Невы обращенъ взоромъ въ ея сторону, сторону пути въ Европу, сторону „надменнаго сосѣда“, то это такъ и должно быть. Но что будетъ изображать Императоръ Александръ III, отвернувшійся почти отъ всей Москвы, не исключая даже Кремля, а пожалуй и Храма Спасителя и смотрящій на Замоскворѣчье? Можетъ быть гг. ученые хотѣли выразить: „на югъ, къ Святой Софіи“! Но дѣянія Царя-Миротворца не со-

гласуются съ такимъ взглядомъ; да если бы это и было такъ, то подобные призывы могутъ раздаваться съ высотъ Кремля, а никакъ не изъ глубокой низины. Върнѣе же всего что гг. ученые выражать ничего не хотѣли, а старались только покрасивѣе помѣстить памятникъ. А между тѣмъ выраженіе получилось само собой и при томъ выраженіе крайне нежелательное. Въ какомъ взаимномъ положеніи окажутся оба Императора при такой постановкѣ? Направленіе взоровъ, которое безъ сомнѣнія должно выражать и направленіе дѣйствій, будутъ прямо противоположны. Не мало Россійское Государство имѣетъ недруговъ, даже и внутри себя, которые, если не въ силахъ что нибудь сдѣлать, то утѣшаются измышленіями хотя бы анекдотическаго характера. Зачѣмъ же давать пріятную пищу изъ гнилой и смрадной фантазіи? Мысль, что Государевы взоры обращены всюду во все стороны—этимъ не выразится. Царское всюду зрящее око принадлежитъ каждому Государю всецѣло, а не съ подраздѣленіями.

Повернуть статую въ обратную сторону тоже нельзя: теперь она будетъ смотрѣть хоть на Замоскворѣчье, а тогда ужъ совсѣмъ

ни на что. Если поставить ее лицомъ къ Кремлю, то это не будетъ удобно по отношенію къ дому молитвы; да и боковое какое-то наблюдательное положеніе относительно моста вообще неумѣстно. Если ставить такой памятникъ у моста, то надо прямо противъ него, что бы народная волна въ него ударяясь, съ почтеніемъ его огибала. А потому мысль о новомъ мостѣ нельзя не признать весьма удачной. Только когда онъ будетъ, да и будетъ-ли? Если же статую поставить лицомъ къ храму, то Кремль останется назади. А между тѣмъ послѣднее положеніе единственно возможное, если слѣдовать совѣтамъ профессора. Онъ искалъ такое зданіе, которое имѣло бы какую нибудь исключительную связь съ изображаемымъ Государемъ и нашелъ его здѣсь. Однако теперь оказалось, что ни по положенію, ни по удаленію своему отъ собора памятникъ не будетъ имѣть съ нимъ ни малѣйшей связи. О чемъ же хлопоталъ г. Цвѣтаевъ? Выходить, что указанное имъ мѣсто хорошо только тѣмъ, что оно пустынно, не застроено. Причина не уважительная.

Но и это еще не все. Въ послѣднее время выяснилось одно важное обстоятельство,

говорящее за то, что если этотъ памятникъ долженъ быть въ Москвѣ, то для него нѣтъ другого мѣста кромѣ Кремля. Императоръ будетъ изображенъ на тронѣ. Если бы онъ былъ изображенъ стоя, или верхомъ, то съ очень большими натяжками пожалуй и можно бы его поставить на выбранномъ мѣстѣ. Но что же будетъ теперь: Русскій Царь сидящій на тронѣ внизу подѣ Кремлемъ!! Неужели, г. Профессоръ, даже и при этомъ условіи вы останетесь довольны плодами вашихъ измышлений? Сознайтесь, что вы тяжко ошиблись. Лучше поздно, чѣмъ никогда.

Можетъ быть скажутъ, что не одинъ же г. Цвѣтаевъ опредѣлилъ такъ. Тогда слѣдуетъ указать на великое значеніе первичной мысли, особенно, если она исходитъ отъ авторитетнаго лица. Такая мысль сперва слабо и незамѣтно, а потомъ все сильнѣе и сильнѣе залегаетъ и укрѣпляется въ головахъ людей даже много и правильно думающихъ и такимъ образомъ, помимо воли ихъ, становится чѣмъ то въ родѣ аксіомы, безъ провѣрки полагаемой въ основаніе дальнѣйшихъ размышлений, которыя могутъ разбиваться вполнѣ правильно и послѣдовательно.

Особенно тѣ, кто заваленъ посторонними дѣлами и заботами, легко могли довѣриться ученому специалисту. Слѣдовательно главнымъ виновникомъ выбора этого мѣста, если судить по газетамъ, является все-таки московскій профессоръ.

Такимъ образомъ ни низшіе, ни высшіе мотивы, г. Цвѣтаева въ пользу выбраннаго мѣста этой пользы не показываютъ. Противуположныя его соображенія—о непригодности Кремля распадается на двѣ почти равныя части. Въ одной, которая побольше, авторъ съ успѣхомъ доказываетъ непригодность „дворика“. Но такъ какъ вѣроятно ни одному читателю никогда и въ голову не приходило стоять за дворикъ, то прямо переходимъ къ другой части, что поменьше. Въ ней разбирается весь остальной Кремль, при чемъ въ основу невозможности сооруженія здѣсь памятника берутся три положенія: 1) Кремль не можетъ вмѣстить въ себѣ памятниковъ Государямъ, не родившимся въ немъ; 2) въ Кремлѣ происходитъ „быстрое движеніе экипажей“ и нѣтъ уютиости (а въ дворикѣ то вѣдь есть); 3) новый памятникъ нанесетъ „ущербъ“ и себѣ и существующему памятнику „ожидавшемуся съ наилуч-

шими чувствами“. Первое не понятно: ни одно мѣсто во всемъ мірѣ не обладаетъ такимъ свойствомъ, какое нашелъ московскій профессоръ въ московскомъ Кремлѣ. Въ два послѣднія положенія онъ и самъ не очень-то вѣрить. Онъ самъ говоритъ, что постановка памятника въ Кремлѣ, по его крайнему убѣжденію, невозможна только теперь и „впредь до грядущихъ судебъ“. А тамъ будетъ можно. Тѣмъ не менѣе профессоръ рѣшительно заявляетъ, что о постановкѣ памятника здѣсь „не можетъ быть и рѣчи“, такъ какъ его записка „убѣждаетъ всякаго, что тутъ нѣтъ ни одного удобнаго и желательнаго мѣста“. Однако ниже будетъ такая рѣчь.

Вотъ и все что могъ сказать по данному вопросу видный представитель науки. Такія „убѣжденія“ повергли бы читателя въ крайнѣе недоумѣніе, если бы не выноска (№ 122), гдѣ объяснено что напечатанныя статьи составляютъ только извлеченіе изъ болѣе подробной „Записки о мѣстѣ для памятника Императору Александру III въ Москвѣ,“ написанной еще въ 1897 году, но не для печати. Теперь ясно, что дѣйствительныя доказательства находятся тамъ, въ этой подробной запискѣ. Но тогда является новое

недоумѣніе: почему же профессоръ не счелъ нужнымъ подѣлиться ими съ русскимъ народомъ? Надо надѣяться, что онъ поправитъ такое невниманіе и дастъ намъ дополнительные разъясненія. Будемъ ждать. А пока этого нѣтъ,— не взирая на предостереженіе о гражданскомъ долгѣ,—можно сказать одно: много было ошибокъ при постановкѣ русскихъ памятниковъ, но тяжелѣе этой еще не бывало.

Если Москва будетъ предлагать такіе мѣста для важнѣйшихъ всероссійскихъ памятниковъ, то Петербургу не трудно будетъ возвратить себѣ утрачиваемое имъ первенство, потому что онъ конечно укажетъ у себя мѣста болѣе отвѣчающія дѣлу. Конечно, онъ не пожалѣлъ бы дорогаго фонтана въ Александровскомъ саду, чтобы очистить для великаго памятника одно изъ красивѣйшихъ и виднѣйшихъ своихъ мѣстъ. Правда, это мѣсто по значенію много ниже Московскаго Кремля, но и много выше садовъ Храма Спасителя. И этому порадовались бы,—если только памятнику нельзя стоять въ Кремлѣ,—не только всѣ русскіе, но даже всѣ истинно-русскіе москвичи, подобно матери на судѣ Соломона, отрекшейся отъ своего дорогаго дѣтища. Я сказалъ „всѣ,“ потому что дурные примѣры заразительны.

VI. ВЫБОРЪ МѢСТА.

Чтобы найти вполне достойное мѣсто для ожидаемаго памятника, не указывая прямо, такъ сказать по обычаю, на Кремль, посмотримъ какія части Москвы можно считать болѣе подходящими для памятниковъ вообще, кому бы то нибыло. Отъ всякаго города для этаго требуется многочисленность, видность и соотвѣтствіе съ окружающими зданіями. Но Москва имѣетъ еще одно условіе, какого нѣтъ ни въ одномъ изъ другихъ городовъ всего міра. Это торжественный въѣздъ Царей на Священное Коронованіе, гдѣ во всеуслышаніе своего и всѣхъ чуждыхъ народовъ Величайшей Властитель земли произноситъ: „Вѣрую во Единаго Бога Вседержителя!“ Блестящее еяніе такого торжества возможно только въ православной Россіи; а потому естественно, что Россія вообще и Москва въ особенности стараются придать ему какъ можно болѣе величія. Самое Коронованіе по тѣснотѣ мѣста открыто очень не многимъ; но предшествующій ему въѣздъ, по пути въ нѣсколько верстъ, доступенъ всѣмъ желающимъ его видѣть. Здѣсь иностранные пред-

ставители, участвующие въ немъ, медленно двигаясь по длинному радиусу древней столицы, невольно обращаютъ сильно возбужденное вниманіе на окружающіе предметы.

Вотъ здѣсь то наглядное изображеніе исторіи Россіи, ея славы и величія должны явиться во всей полнотѣ. Тяжело и печально событіе, вызывающее это великое торжество, но такъ какъ оно есть непреложный законъ Царя Царствующихъ, то мы безъ ропота и смущенія, но съ покорностью Вышней Волѣ, должны смотрѣть въ будущее и приложить все стараніе, чтобы путь, по которому идутъ наши Цари съ посланцами отъ всего свѣта, окруженные беззавѣтно преданнымъ народомъ, былъ и величественный и прекрасный.

Даже самое названіе его должно выражать именно этотъ смыслъ. Въ старину Тверская улица называлась, кажется Царской, а продолженіе ея—Великой. Зачѣмъ было передѣлывать ее въ Тверскую? Особенно теперь, когда главная дорога въ Тверь прошла по другимъ улицамъ, нѣтъ никакого основанія сохранять за ней это бѣдное по своему смыслу названіе. А ужъ о другомъ ея прозвище — „Ямская“—и говорить нечего на сколько оно не

умѣстно именно здѣсь и теперь, потому что теперь и ямщиковъ то почти нѣтъ сравнительно съ прежнимъ. Слѣдовало бы самую старую часть Тверской т. е. отъ Воскресенской площади до Страстного монастыря переименовать по старинному—въ Царскую; за средней частью до Садовой пожалуй сохранить нынѣшнее названіе, на память; а далѣе до Триумфальныхъ воротъ воскресить тоже старинное, совсѣмъ забытое—Великая улица. Хотя Великая улица была не тутъ, но все же на этомъ великомъ Царскомъ пути, или вѣрнѣе на его продолженіи, только съ другого конца, къ которому теперь нельзя приложить такое обозначеніе, потому что это теперь даже и не улица. Въ старину Великая улица шла мимо Спасскихъ воротъ далѣе къ рѣкѣ. Но такой переносъ все-таки возможенъ: Ямская и по виду своему въ криво-узко-уличной Москвѣ кажется великой, а по объясненному значенію вполне такова.

Но и помимо этихъ, дай Богъ, чтобы какъ можно болѣе рѣдкихъ торжествъ, центральныя улицы и площади этой линіи постоянно бываютъ оживлены круглый годъ; а дальнѣйшія части ея—особенно лѣтомъ, благодаря лагерямъ и парку съ его дачами

и садами, а изрѣдка еще и выставками. Кромѣ того это путь, по которому въѣзжаютъ въ древнюю столицу заграничные гости, минующіе Петербургъ. Изъ всего сказаннаго видно, что линія отъ дворца Петровскаго до дворца Кремлевскаго должна быть особенно украшаема, и при томъ со смысломъ.

Жаль, что московскіе милліонеры строятъ свои новыя палаты, терема и замки въ такихъ мѣстахъ какъ Грузины, Собачья площадь и т. п., къ которымъ всякій пріѣзжій весьма основательно можетъ примѣнить извѣстное выраженіе: „куда воронъ костей не заносить“. Дѣйствительно, кто изъ гостей Москвы, когда либо безъ особенно исключительной надобности посѣщалъ Собачью площадь? На Тверской-Ямской или въ недалекомъ, но видномъ сосѣдствѣ есть домовладѣльцы небогатыя, которые охотно уступили бы свои владѣнія капиталистамъ. Но это дѣло частное, и принудить строить дома не тамъ гдѣ кому хочется, невозможно. Совсѣмъ другое относительно построекъ городскихъ, общественныхъ, казенныхъ. Они должны располагаться такъ, что бы городъ отъ этого выигрывалъ во всевозможныхъ отношеніяхъ. Тѣмъ болѣе это касается памятни-

ковъ, которые почти полнымъ составомъ должны быть на великомъ Царскомъ пути, или на боковыхъ, но открытыхъ направлѣнiяхъ. Пока это почти такъ и есть.

При постановкѣ какого либо памятника необходимо помнить, что этотъ памятникъ, при все увеличивающихся и разсвѣтающихъ силахъ Россiи во всѣхъ отрасляхъ жизни, не можетъ быть единственнымъ, что будутъ и другiе подобные ему; что всѣ они вмѣстѣ должны составлять одну общую, осмысленную группу; а всѣ разнохарактерныя группы, въ свою очередь, должны имѣть между собою нѣкоторую связь и послѣдовательность. Чѣмъ выше по своему значенiю памятникъ, или цѣлая группа ихъ, тѣмъ этотъ памятникъ или группа должны стоять ближе къ центру города. Конечно точно провести эту мысль не представляется никакой возможности, во первыхъ потому что значенiе памятниковъ нельзя уложить въ прямолинейную классификацiю, а во вторыхъ потому, что необходимо согласоваться съ расположенiемъ городскихъ построекъ; но на сколько это возможно и слѣдуетъ дѣлать такъ.

Для памятниковъ Императорамъ есть только одно достойное мѣсто—Кремль и об-

ратно—въ Кремлѣ могутъ стоять только одни памятники Императорамъ. Памятникъ Императору Александру II поставленъ по Державной Волѣ почившаго Государя въ Москвѣ не только потому, что Онъ въ ней родился. Нынѣ Царствующій Государь Императоръ выразилъ такую же Волю и относительно Своего Незабвеннаго Родителя, родившагося не въ Москвѣ. Мѣсто рожденія имѣетъ значеніе второстепенное и „въ высокой степени важнымъ историческимъ мотивомъ“, какъ думаетъ г. Цвѣтаевъ, едва ли можетъ считаться. Памятники на мѣстахъ рожденія по смыслу однородны съ памятниками на мѣстахъ вѣчнаго покоя,—значить, подобно послѣднимъ должны имѣть граниченное, частное значеніе. Мѣсто рожденія и смерти болѣе или менѣе дѣло случая. Общественные памятники великимъ людямъ становятся не на мѣстахъ ихъ рожденія или смерти, но—или на мѣстахъ ихъ собственной наибольшей дѣятельности, или на мѣстахъ наибольшей дѣятельности того народа, къ которому они принадлежатъ, т. е. въ очень большихъ городахъ и по преимуществу въ столицахъ.

Государямъ *общенародные* памятники должны быть конечно только въ столицахъ въ

силу обѣихъ сейчасъ указанныхъ причинъ, и при томъ на такомъ мѣстѣ, которое, если бы только это было возможно, находится въ равномъ разстояніи отъ всѣхъ главныхъ учрежденій ея, въ знакъ того, что Монархъ равно заботится о всѣхъ нуждахъ народныхъ,—но такъ это невозможно, то на нейтральномъ, не принадлежащемъ ни какому отдѣльному учрежденію, или на важномъ историческомъ имѣющемъ общенародное значеніе, каковое и есть Кремль Московскій. Онъ удовлетворяетъ и вышеуказанному исключительному требованію, какъ конечный пунктъ великаго Царскаго пути, особенно, если изъ всѣхъ его площадей выберется та, гдѣ воздвигнуть недавно открытый монументъ Императору Александру II, которая и называется Царской. Здѣсь почившіе Цари примутъ видимое участіе въ торжествахъ своихъ Вѣнчанныхъ Праправнуковъ.

Никакого ущерба, о которомъ говорится,—впрочемъ безъ малѣйшаго разъясненія, что это за ущербъ,—въ упоминаемой статьѣ не предвидится; кромѣ только того, который составляетъ законъ времени: давно прошедшее становится недавнопрошедшимъ, а недавнопрошедшее — настоящимъ. Но этотъ

ущербъ раздѣленіемъ памятниковъ только увеличится. Все равно, гдѣ бы ни былъ поставленъ новый памятникъ, народъ отхлынетъ отъ стараго къ нему; но изъ этого не выходитъ, что старый забудется: напротивъ, при видѣ новаго, непремѣнно вспомнится и тотъ. Два дорогіе сердцу памятника, поставленные вдали одинъ отъ другого, будутъ только тревожить это сердце, ибо совмѣстное созерцаніе ихъ успокоивающее и ободряющее сдѣлается невозможнымъ. Умъ также не будетъ удовлетворенъ, потому что сопоставленіе и сравненіе двухъ Царствованій и сліяніе ихъ въ одно общее представленіе станетъ труднѣе. Значить и тѣ „наилучшія чувства“, за которыя такъ боится профессоръ, что они отъ соединенія памятниковъ умаляться, — въ самомъ-то дѣлѣ умалятся именно теперь, при ихъ разрозненности. Историческій смыслъ разбрасываніемъ однородныхъ памятниковъ будетъ нарушенъ, ибо это уподобится разорванной книгѣ съ разбитыми листами. И не только разбрасываніе по всей Москвѣ, но даже и въ самомъ Кремлѣ не должно быть. Если бы и были въ немъ другія площади даже болѣе удобныя, то и тогда не слѣдовало бы ихъ выбирать. Только та,

на которой уже есть памятникъ должна принять и другіе, подобные ему. Или можетъ быть это не разрѣшается учебниками?

Что касается требованій эстетическихъ, то они тоже не говорятъ во вредъ сказанному. Эта площадь не симметрична; слѣдовательно, если на одной какой нибудь сторонѣ ея появятся какіе бы то ни было постройки, это не обезобразитъ мѣстности. А тѣмъ болѣе сравнительно все таки небольшой памятникъ статуя, хотя бы и съ прибавленіями, только заполнить и украсить эту пустынную теперь, а прежде тѣсно застроенную площадь. Кромѣ того симметрію легко возстановить посадкой деревьевъ на другой сторонѣ, которая впослѣдствіи, по мѣрѣ надобности будутъ уничтожаться.

Неужели болѣе изящества будетъ тогда, когда этотъ памятникъ станетъ въ какомъ-то глухомъ ущельѣ между громаднымъ зданіемъ съ одной стороны и высокой горой тоже съ огромными зданіями съ другой стороны? А за тѣмъ, что хорошо на обширныхъ площадяхъ Петербурга, города новаго, то совсѣмъ не таково въ древнемъ Кремлѣ, гдѣ скученность построекъ и другихъ предметовъ — Царь Колоколъ, Царь Пушка, — скученность

во вкусъ глубокой старины, придаютъ ему совершенно особенную красоту. Ее и надо выдерживать. Два, три памятника безъ всякаго затрудненія помѣстятся здѣсь; а если хорошенько подумать, то и много болѣе. Вѣдь въ музеяхъ при сравнительно большей скученности ни одна статуя ничего не теряетъ и какъ бы ни была она замѣчательна, или по исполненію, или по значенію, ей не отводится отдѣльной обширной залы. Да и гдѣ взять столько отдѣльныхъ площадей въ центрѣ Москвы, сколько она должна имѣть памятниковъ. Все равно и у Храма Спасителя, по исполненіи профессорскаго пророчества, будетъ тѣсно. А по пришествіи „грядущихъ судебъ,“ даже и самъ профессоръ соглашается на постановку памятниковъ въ Кремль,—только жаль, что не указываетъ, на какомъ именно мѣстѣ.

Если бы даже и пришлось пожертвовать красотой вида, выбравъ Кремль,—то и тогда нельзя останавливать ся надъ сооруженіемъ памятника именно на этомъ мѣстѣ, въ виду очень большого и для всѣхъ очевиднаго выигрыша въ смыслѣ, отыскать который при настоящемъ выборѣ, если не послѣдуетъ ожидаемыхъ дополнительныхъ разъясненій,

будетъ невозможно. Позволимъ себѣ и здѣсь взглянуть въ даль вѣковъ, въ которые, —будемъ надѣяться—милосердный Богъ сохранить наше отечество: видимъ ряды Верховыхъ Вождей его, которые при высотѣ этой мѣстности рисуются на небѣ. Это будетъ дивный открытый храмъ—храмъ Славы Русскаго народа!

Какъ странно звучить рѣшительное заявленіе профессора отъ лица какого то „современнаго поколѣнія“ о томъ, что за выборъ мѣста около Храма Спасителя онъ или оно никогда и въ грядущихъ поколѣніяхъ не заслужить даже и слабаго упрека! Такъ-ли? Не занесется ли имя его въ тотъ списокъ, гдѣ на первомъ мѣстѣ значится—Геростратъ? Будемъ вѣрить, что современный Геростратъ не сжегъ, а только затормозилъ начавшееся было созиданіе великаго храма русской Славы; будемъ надѣяться на то, что придетъ день, когда всюду любимый Монархъ третій разъ торжественно вступитъ въ свой Кремль: первый разъ для Священнаго Коронованія, второй—для вѣчнаго прощанія и третій—для безсмѣннаго пребыванія на много, много вѣковъ, до скончанія Святой Руси.

VII. ВЫБОРЪ ВИДА.

Опредѣленіе мѣста для памятника кончено. Дальнѣйшее распредѣленіе памятниковъ другого рода еще болѣе подтвердить вѣрность вышеизложеннаго. Теперь слѣдуетъ обратиться къ самому памятнику. Такъ какъ онъ всенародный, то голосъ народа необходимо принять въ расчетъ. Необходимо рассмотреть всѣ предложенія съ одинаковымъ вниманіемъ, не взирая на то—исходятъ ли они отъ профессоровъ и академиковъ или отъ людей самыхъ обыкновенныхъ. Другого отношенія къ такому дѣлу не можетъ быть. Это тѣмъ болѣе необходимо, что, разобравъ и отвергнувъ другія формы, будемъ болѣе увѣрены въ преимуществѣ принятой. Но здѣсь приходится ограничиться только тѣмъ, что указано все въ той же статьѣ Московскихъ Вѣдомостей, такъ какъ подъ руками больше ничего не имѣется.

Предложеніе построить храмъ въ видѣ ли древней базилики или въ какой другой архитектурной формѣ, по справедливому замѣчанію автора рассмотрѣнной записки, не имѣетъ за собой „ни оригинальности, ни

особой внутренней силы“. Что оно не имѣетъ оригинальности, тамъ доказывается тѣмъ, что такой храмъ уже предположено соорудить на Мюсской площади. Что оно не имѣетъ „внутренней силы“ тамъ не объясняется, а между тѣмъ это и есть главное, потому что повтореніе хорошаго всегда допустимо; да и самая статуя есть тоже повтореніе и особой оригинальности тоже не имѣетъ. А здѣсь дѣло вотъ въ чемъ. При этихъ проэктахъ статуя Государя предполагается или передъ храмомъ, конечно очень близко, или при входѣ, или въ притворѣ его. Очевидно, что самый храмъ долженъ быть не маленькій, а слѣдовательно первое мѣсто въ видовомъ отношеніи будетъ принадлежать ему; да и по самому значенію, какъ домъ Божій, онъ будетъ выше собственно памятника, который окажется во всѣхъ отношеніяхъ въ подчиненіи храму, — хотя предлагающіе это, конечно хотѣли выразить только покровъ Божій. Какъ полное подчиненіе безусловно всѣхъ и всего Творцу вселенной, такъ и небесное покровительство всему міру слишкомъ ясны и извѣстны всякому, даже ребенку; а потому постоянное указаніе на нихъ будетъ походить на переливаніе изъ пустаго въ порож-

нее. А между тѣмъ постановка статуи встрѣтитъ затрудненіе. Поставить ее задомъ ко храму—непочтительно и несогласно съ понятіями народа. Если же лицомъ, то прямо въ храмъ идущій народъ увидитъ ее сперва сзади; надо будетъ обойти и стать ко храму спиной, что бы видѣть ликъ. Пришлось бы предпочесть боковой подходъ, нарушающій гармонію общаго. О постановкѣ бокомъ, какъ лишенной и красоты и смысла, рѣчи быть не можетъ. Но самое главное вотъ что: какъ всѣмъ извѣстно, православные храмы состоятъ изъ нѣсколькихъ послѣдовательно умяляющихся въ значеніи отдѣленій: алтарь, храмъ вѣрныхъ, храмъ оглашенныхъ и паперть. На стѣнахъ послѣдней изображались древніе языческіе мудрецы, искавшіе свѣта, но не находившіе его. А православный Царь въ этихъ проэктахъ стоитъ отъ Святая-Святыхъ наравнѣ съ язычниками или даже далѣе ихъ и подобно имъ не вступаетъ въ храмъ истиннаго Бога. Очень понятно, что составители такихъ проэктвъ совершенно упустили это изъ виду. И почему же—спросить народъ—одинъ хочетъ войти въ храмъ, а у другихъ этого не замѣтно? Такимъ образомъ ни въ какомъ случаѣ нельзя ста-

вить памятникъ-статую такъ, что бы онъ составлялъ одно цѣлое съ Божьимъ храмомъ. Но такъ какъ русскій народъ безошибочно соединяетъ дѣянія своихъ Царей съ ученіемъ Христовой Церкви и желаетъ нагляднаго представленія такого единенія, то и по этой причинѣ нѣтъ лучшаго мѣста для памятниковъ Государямъ, какъ на площади Священнаго Кремля, не вплотную, но и не въ далекѣ отъ высокочтимыхъ древнихъ Соборовъ. Храмъ совсѣмъ безъ добавочнаго памятника, какъ уже сказано выше, былъ бы простымъ повтореніемъ такого же сооруженія имѣющаго скоро осуществиться и при томъ повтореніемъ мало выразительнымъ, потому что храмъ есть прежде всего храмъ, а потомъ уже памятникъ.

Благотворительное учрежденіе въ честь Имени почившаго Государя было бы безъ сомнѣнія очень полезно; но послѣ почти непрерывнаго ряда памятниковъ-статуй, начиная съ Екатерины II, оно явилось бы возможнымъ только тогда, когда—или будетъ доказана непригодность такихъ памятниковъ вообще, или будетъ доказано, что при настоятельной крайней нуждѣ такого учрежденія, невозможно достать для него средствъ ни гдѣ кромѣ

суммъ, собранныхъ на постройку памятника. Ни то, ни другое конечно не докажется. Да и вообще идти по пути матеріальной пользы слѣдуетъ осмотрительно. Можно пожалуй дойти и до того убѣжденія, что колокола полезно перелить въ кастрюли и слѣлаться низкопоклонниками нелѣпыхъ изрѣкателей о сапогахъ и Шекспирѣ. Но мы хорошо помимъ, что не о хлѣбѣ единомъ живѣ будетъ человѣкъ.

Еще предлагалась читальня или проповѣдня со звонящимъ Царь-Колоколомъ. Читальня или проповѣдня, подобно благотворительному учрежденію, хороша только какъ дополненіе къ главному памятнику, но и то безъ Царь-Колокола. Заключение Царь-Колокола въ какое либо зданіе и приданіе ему музейнаго характера равносильно уничтоженію его въ памяти народа. Нынѣшняя крайне оригинальная постановка его должна быть сохранена безъ всякаго измѣненія.

Прочіе виды—колонны, пирамиды, часовни и т. п.—не могутъ быть приняты, какъ второстепенные по виду и значенію.

Такимъ образомъ оставляя въ сторонѣ дополненія въ родѣ читальни и др., кото-

рыя могутъ быть и не быть и которыя можно поставить на мѣстахъ далеко не главныхъ, — видимъ, что памятникъ прежде всего долженъ выражаться статуей, какъ болѣе простымъ и нагляднымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе красивымъ напоминаніемъ о почившемъ Монархѣ. Теперь уже извѣстно, что это такъ и будетъ. Что исполненіе статуи явится превосходнымъ, можетъ быть даже безукоризненнымъ, — въ этомъ можно не сомнѣваться. И тѣмъ не менѣе съ грустью приходится сказать, что искусство созиданія памятниковъ застыло въ одной фазѣ развитія и творчество созидателей оскудѣло. Рядъ памятниковъ, гдѣ Государи изображены въ разнообразныхъ положеніяхъ—верхомъ, стоя, сидя—въ сущности не представляютъ никакого разнообразія. Мало того, это какое то особаго рода однообразіе утомляющее и путающее мысли. Невольно возникаетъ вопросъ: отчего одинъ Государь стоитъ, другой сидитъ, третій ѣдетъ? Отвѣтъ простъ. Художнику и въ голову не приходила мысль о созданіи дѣйствительно великаго памятника. Онъ безъ малѣйшихъ думъ и волненій сказалъ себѣ: на конѣ уже есть, стоя тоже есть, значитъ надо дѣлать сидя; а если сидя, то

разумѣется на тронѣ. Вотъ и весь процессъ мысли и творчества. Развѣ это разнообразіе? Поза и поза безъ всякаго содержанія. Безцвѣтное однообразіе. Въ дѣйствительно разнообразномъ рядѣ главныя фигуры все могутъ быть даже въ одномъ положеніи; но памятники все таки будутъ глубоко разнообразны, какъ разнообразны характеры и жизнь людей, какъ разнообразны времена исторіи. Памятники Верховнымъ Вождямъ великаго народа должны быть безъ читальни читальнями, безъ проповѣдни должны проповѣдывать. Ни лѣстницы съ колоннами, ни ангелы съ вѣтвями не скроютъ блѣдности основной идеи. Напротивъ, все эти совершенно ненужныя придатки только еще ярче отбѣняютъ тщетное усиліе хоть чѣмъ нибудь приподнять общій смыслъ памятника.

VIII. РАЗВИТІЕ ВЫБРАННАГО ВИДА.

Такъ представители науки и художества совокупными силами разрѣшили все вопросы о памятникѣ. Но это не значитъ, что ихъ нельзя было разрѣшить совѣмъ иначе. Иное рѣшеніе о мѣстѣ уже разсмотрѣно; теперь взглянемъ на иное рѣшеніе о самомъ

памятникъ. Такой памятникъ только тогда можетъ считаться дѣйствительнымъ *памятникомъ*, когда способенъ представить полную, ясную и всѣмъ понятную картину всего Царствованія, или въ характерныхъ чертахъ всей исторіи Государства, способенъ вѣрно опредѣлить мѣсто для изображаемаго Государя. Если же ограничиваться одной статуей, то такой памятникъ будетъ отличаться отъ простаго жетона только величиной да неподвижностью.

Подобно предшествовавшему Царствованію Судьбѣ угодно было соединить и царствованіе Императора Александра III тоже съ очень важнымъ историческимъ годомъ—900-лѣтія крещенія Руси. Такія совпаденія называютъ обыкновенно случаемъ. Но и слабый человѣческій разумъ смутно прозрѣваетъ, что слѣпыхъ случаевъ не можетъ быть въ дѣлахъ Премудраго Руководителя. Если бы міръ наполнился ими, то давно бы уже погибъ и превратился въ первобытный хаосъ. А потому слѣдовало бы показать эту связь, изобразивъ весь ходъ укрѣпленія Православія у насъ за этотъ длинный періодъ. Для этого было бы весьма удобно воспользоваться Кремлевской горой, начавъ построй-

ку съ самага низу, почти отъ стѣны и вести-
лѣстницу не по прямой линіи въ знакъ мед-
леннаго, полнаго препятствій хода событій.
Начинается гротомъ съ надписью: „862 г.“, —
ходъ узкій и темный: періодъ языческій.
Только по срединѣ его горитъ лампада предъ
образомъ или часовенкой Св. Ольги. Затѣмъ
свѣтлый и широкій выходъ съ настѣннымъ
или какимъ либо другимъ изображеніемъ
Святаго Владиміра и надписью „988 г.“.
Далѣе подобное же изображеніе Александра
Невскаго, Дмитрія Донскаго, благословляе-
маго Святителемъ Сергіемъ и другія спод-
вижники Православной церкви. Еще выше —
борьба православія съ вторгающимся като-
личествомъ въ разное время, кончая Импе-
раторомъ Николаемъ I уничтожившимъ Унію.
Такимъ образомъ поднимаемся къ самому
высокому мѣсту, представляющему незабле-
мый массивный утесъ (можетъ быть и обдѣ-
ланный въ какую либо форму), весь види-
мый и съ другой, главной стороны — изъ
средины Кремля. Это высокій пьедесталь
для статуи Императора. На немъ отверстыя
украшенныя сіяніемъ врата со знакомъ
„1888 г.“. Монархъ Миротворецъ вступилъ
въ нихъ съ миртовой вѣтвію и съ крестомъ

въ рукахъ. Все это по вечерамъ освѣщается различно: статуя и врата—яркимъ голубовато-бѣлымъ свѣтомъ электричества, далѣе по спуску свѣтъ слабѣетъ, а въ темномъ ходѣ язычества, какъ уже сказано, постоянно горитъ только тусклая лампада. Обзорѣніе начиналось бы конечно съ главнаго изображенія по входѣ въ Кремль отъ Спасскихъ воротъ (вообще отъ верхнихъ), затѣмъ спускъ слѣва вдоль стѣны по садовой дорожкѣ внизъ и поднятіе по лѣстницѣ памятника отъ 862 до 1888 года.

Памятникъ съ современнымъ характеромъ долженъ представлять полную картину царствованія. Такимъ образомъ здѣсь долженъ быть и франко-русскій союзъ и устраненіе честнаго маклерства. Если же современная политика не всегда удобно отливается въ фигурахъ памятника, то можно ограничиться только удобнымъ. Внутреннія же дѣла на историческомъ памятникѣ должны быть выражены всѣ ясно и полностію. Въ предпоследнее время дѣлались небольшія попытки въ этомъ направленіи; но вмѣсто того, чтобы идти по пути развитія, почему то повернули назадъ. Впрочемъ въ послѣдніе дни прогрессъ выразился въ игрѣ цвѣтовъ: въ Вильнѣ

статую Императрицы Екатерины II предлагают сдѣлать позлащенную съ цвѣтными камнями. Хорошо, но очень мало. На разсматриваемомъ памятникѣ должны найтн мѣсто всея черты Царствованія, представленныя просто и понятно; всея выдающіеся сдодвижники Монарха, вѣрой и правдой послужившіе Ему и отечеству; всея главнѣйшіе представители мысли (не по дипломамъ конечно) подѣ покровомъ Его просвѣщавшіе родной народъ; здѣсь же пожалуй можно помѣстить изображенія зданій, связанныхъ съ Его Именемъ,—это то можно, а на оборотъ, какъ думаетъ профессоръ, ужъ ни какъ нельзя.

Заканчивая этимъ рѣчь о памятникѣ Императору Александру III, нельзя не отмѣтить одного интереснаго обстоятельства: господа строители теперь сами сознались, что ошиблись въ размѣрахъ статуи на цѣлый аршинъ—изъ 7¹/₂. Нельзя сказать, чтобы очень мало. Если во внѣшней сторонѣ проекта измѣряемой циркулемъ и линейкой, произошла такая ошибка, то можно ли много сомнѣваться въ томъ, что въ духовной сторонѣ его, измѣряемой инструментами болѣе тонкими и менѣе осязательными, вкратасъ ошибка уже не на одинъ аршинъ, а на десятки

сажень. Изъ всего сказаннаго видно, что оно такъ и есть.

IX. ПРОЧІЕ ПАМЯТНИКИ СУЩЕСТВУЮЩІЕ И ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ.

Этимъ кончаемъ рѣчь о памятникѣ Императору Александру III и переходимъ къ слѣдующимъ—существующимъ и предполагаемымъ. Третій памятникъ Москвы—Пушкину. При выборѣ мѣста для него представлялся гораздо болѣе просторъ, чѣмъ для двухъ первыхъ, и каждое выбранное мѣсто конечно могло имѣть и хорошія и дурныя стороны. Настоящее мѣсто и видное и людное. Но сравнительно небольшая и тѣсная площадь ограничивается между прочимъ монастыремъ и церковью. Какая же тутъ связь? Конечно никакая. Кромѣ того при всемъ великомъ значеніи Пушкина въ русской литературѣ, онъ все таки не единственный представитель ея. Должны явиться и другіе памятники изъ этой области, размѣщеніе которыхъ будетъ труднѣе. Разбрасываніе ихъ по разнымъ бульварамъ, садамъ, площадямъ едвали будетъ удобно и разумно. Памятникъ

не есть красивая игрушка, поставленная для развлечения прохожихъ на симметрично вырѣзанномъ подносі; это маленькая школа или аудиторія. А школа только тогда выполнитъ успѣшно свою задачу, когда будетъ приведена въ строгую опредѣленную систему. Ей нужна симметрія духа, а не симметрія шаговъ. Если однородные памятники ставить врознь, то это будетъ похоже на то, когда-бы статую Мишина оставили на красной площади, а статую Пожарскаго отнесли въ Замоскворѣчье.

Слѣдуя правилу разбрасыванія только еще для второго памятника этого отдѣла — Гоголю пріисканіе мѣста явилось уже затруднительнымъ. Намѣчено было нѣсколько или совсѣмъ не —, или мало подходящихъ точекъ между Арбатскими и Срѣтенскими воротами. Что же будетъ съ третьимъ, четвертымъ или совсѣмъ иными группами? Тогда придется указывать на Сокольничье полѣ, на Дорогомилово и т. п. Уже и теперь выставлялось, какъ признакъ утчнаго выбора мѣста то, что отъ Петровскихъ воротъ будутъ видны оба памятника — и Пушкину и Гоголю, если этотъ послѣдній поставить на Срѣтенскомъ бульварѣ. Такое мѣсто обозрѣнія напоминаетъ обозрѣніе памятника у Храма Спасителя

съ Воробьевыхъ горъ. Не одному ли тому же лицу оба они принадлежать? И что такое Петровскія ворота? чѣмъ они отличаются отъ Серпуховскихъ, отъ Земляного вала? Развѣ тѣмъ, что здѣсь находится Екатерининская больница. Можетъ быть приходящіе больные, ожидая по нѣскольку часовъ своей очереди, иногда безъ указанія куда обратиться, отъ тоски выйдутъ на площадь. Взглянуть на право — Пушкинъ, взглянуть на лѣво — Гоголь. Будетъ ли имъ отъ этого легче — не извѣстно. Во всякомъ случаѣ имъ все-таки придется вернуться подъ печальную сѣнь, гдѣ забудется все, кромѣ боли и рецептовъ. Помимо же ихъ очень не многимъ придетъ охота созерцать памятники съ этого „удобнаго“ мѣста. А на Срѣтенскомъ бульварѣ кого-нибудь да поставятъ.

Нельзя сказать ничего хорошаго и о выбранныхъ Арбатскихъ воротахъ. Слѣдуя такому правилу выбора, Москва скоро должна будетъ объявить себя банкротомъ и прекратить платежи „мѣдной хвалой“ великимъ русскимъ людямъ, — прекратить по удивительной, даже неслыханной причинѣ — по недостатку мѣста. А платежи то только вѣдь начинаются. Или, слѣдуя такому правилу,

неизбѣжно придется свести писателя съ генераломъ, доктора съ актеромъ и т. п.,—что будетъ ни чуть не лучше упомянутаго банкротства. Видно, что систему разбрасыванія придется замѣнить системой группировокъ—теперь же, пока еще не поздно.

Хотя мѣсто для Гоголя уже опредѣлено и по обыкновенію весьма неудачно, но эти замѣчанія остаются въ силѣ для послѣдующихъ памятниковъ, которые, надо надѣется еще будутъ. Если же собрать писателей въ болѣе тѣсное пространство, дабы между ними была связь, то придется выбрать Тверской бульваръ, не далеко отъ Пушкина. При постановкѣ существующаго памятника дальше отъ Тверскихъ воротъ, лицомъ къ этой площади, другихъ можно было бы размѣстить по сторонамъ, ближе къ этому концу бульвара. Такимъ образомъ получилась бы галерея русскихъ писателей вполне видимая съ многолюдной площади. Теперь же другіе памятники останутся позади Пушкина и онъ будетъ какъ бы предводительствовать ими. Можетъбыть и это хорошо, но первое было бы кажется лучше. Цѣлая группа литераторовъ расположенныхъ далеко въ глубь уже не то, что одинокій Пушкинъ; она уже не явится

несоотвѣтствіемъ съ противоположной стороной площади, — во первыхъ потому, что она составить какъ бы самостоятельную особую площадь, а во вторыхъ — *общее* направление русской литературы всегда развивалось и развивается подъ сѣнью христіанскаго ученія.

Разсматривая самый памятникъ Пушкину нельзя отъ души не порадоваться, что первый проэктъ, кажется совсѣмъ было утвержденный, провалился. Тамъ поэтъ былъ представленъ на высокой скалѣ, въ какой то скачущей позѣ, съ очами возведенными горѣ, бряцающимъ на лирѣ. Пушкинъ, отдавая себя служенію музамъ, не забывалъ жизни и не отварачивался отъ нея. Уже по этому одному тотъ памятникъ не имѣлъ бы смысла. А вспомнить о немъ не мѣшаетъ для поученія о ясности взглядовъ на памятники вообще. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя и не пожалѣть, что одна изъ надписей представлена теперь въ искаженномъ видѣ. Если нѣкоторыя строки оказались неудобными, то слѣдовало бы выбросить все четверостишіе, или по крайней мѣрѣ взять только два первые или два крайніе стиха: „И долго буду я любезенъ тѣмъ народу, что милость къ

падшимъ призывалъ“. (Всѣ три вмѣстѣ взятые нарушаютъ звучность). Передѣлки чужого и поддѣлки подъ него, да еще по секрету, не похвалыны вообще, а плохія, какъ здѣсь, въ особенности.

Четвертый памятникъ — Ломоносову носить уже частный характеръ: отъ университета его основателю; а потому и помѣщенъ по срединѣ двора университетскаго зданія. Однако было бы много лучше поставить его ближе къ улицѣ, на линію тротуара, обнеся круглой рѣшеткой со стороны университета, поднявъ его при этомъ на большую высоту. Тогда, не смотря на его скромный видъ, онъ приобрѣлъ бы болѣе общее значеніе, нисколько не потерявъ и настоящаго. Кромѣ того, онъ былъ бы хорошо видѣнъ съ главнѣйшей линіи Москвы — линіи вѣзда. Невольно вспоминается первоначальная его постанова, когда онъ былъ обращенъ лицомъ къ зданію, — такъ что проходившая публика любовалась однимъ затылкомъ. Впрочемъ такой курьезъ существовалъ не долго.

Такой же частный характеръ имѣется и у пятаго памятника — Пирогову, съ тою только разницей, что Ломоносовъ стоитъ въ цент-

рѣ столицы и ему, какъ видѣли, еще можно придать болѣе общее значеніе; а этотъ почти загородомъ, слѣдовательно общенароднымъ въ вышеуказанномъ смыслѣ никогда быть не можетъ.

Наконецъ въ послѣднее время предполагается поставить памятникъ первому русскому печатнику Ивану Федорову у Китайской стѣны, противъ Рождественки. Но объ этомъ, согласно расположенію статьи, придется говорить ближе къ концу ея.

Вотъ все, что имѣеть и скоро будетъ имѣть Москва по этой части: восемь памятниковъ, включая и Императорскіе. Для древней столицы тысячелѣтняго полуторастамилліоннаго Государства это какъ будто и мало. И не только мало числомъ, но и мало толково по содержанію: какіе то случайные отрывки безпорядочно разбросанные по всей Москвѣ. Слѣдуетъ составить общій планъ и осуществлять его по мѣрѣ возможности. Что нибудь одно: или такіе памятники не нужны вовсе, или они должны представлять разумныя сочетанія. Середина — нелѣпость. Въ обширномъ паркѣ изображенія древнихъ божествъ разбрасываются въ живописномъ

безпорядкѣ. Вонъ на открытомъ холмѣ стоитъ Аполлонъ съ музами (все таки съ музами, а не съ медузами гг. москвичи! все-таки на холмѣ, а не въ оврагѣ, гг. москвичи!); здѣсь среди цвѣтовъ сіяетъ красавица Венера; тамъ на фонтанѣ возсѣдаетъ суровый богъ морей; а вдали на берегу ручья дремлетъ голая Наяда. Это прелестно потому что это область чувствъ. Требованія ума другія. Въ основѣ ихъ лежатъ сходство, почти однообразіе двухъ сосѣднихъ звѣньевъ: Различіе является постепенно по удлинненіи цѣней, которыя подчиняются тому же требованію,—равно какъ и слагающіяся изъ нихъ цѣлыя группы. Если берутся противоположности, то они должны быть выражены ясно и полно во всѣхъ главныхъ частяхъ. А это то же родъ однообразія, потому что два полюса составляютъ одно цѣлое представленіе. Такому требованію должна подчиняться и разстановка историческихъ памятниковъ. Беспорядочное раскидываніе унижаетъ ихъ достоинство и низводитъ ихъ на уровень нимфъ и амуровъ. Конечно и памятники дѣйствуютъ на чувства, но только на другія—подчиненныя уму. Тѣ чувства—отдыхъ послѣ трудовъ, эти—возбужденіе передъ дѣломъ.

Въ пользу разбрасыванія памятниковъ говоритъ только одно маленькое обстоятельство, впрочемъ на столько маленькое, что почти равное нулю. Если ставить ихъ въ группы, то ими постоянно будутъ пользоваться только тѣ подходящіе, которые принуждены своими обязанностями проходить именно этимъ мѣстомъ; между тѣмъ какъ статуи разсѣянные по всему городу, въ отдѣльности будутъ всегда кѣмъ нибудь созерцаемы, значить всѣмъ городомъ въ суммѣ. Но если кто либо всю жизнь будетъ смотрѣть и восторгаться, положимъ, однимъ Гоголемъ, то онъ не будетъ знать не только русской литературы, но даже и самаго Гоголя, потому что полная оцѣнка его возможна при знакомствѣ со всей литературой. Это—о рабочихъ, только мимоходомъ смотрящихъ на изображеніе великихъ людей. Если же люди свободные или тѣже работники въ часы отдыха захотятъ оживить въ себѣ возможно полнѣе память о „святыхъ Божьихъ избранникахъ“, то понятно, что при разрозненности ихъ изображеній, это будетъ крайне затруднительно, а пожалуй при большомъ числѣ ихъ даже не возможно. Памятники разставленные въ одиночку по разнымъ

городамъ имѣютъ другое значеніе, безъ претензій на общее образованіе народа; между тѣмъ какъ центръ всего государства долженъ отличаться именно этимъ характеромъ.

Х. КРЕМЛЕВСКІЯ ЗДАНІЯ.

Главнѣйшее, но не единственное мѣсто Москвы для систематическаго расположенія статуй уже указано. Это прямая линія отъ центра города по старой Петербургской дорогѣ до Петровскаго дворца. Центръ или Кремль, не долженъ имѣть никакихъ другихъ памятниковъ статуй, кромѣ Императорскихъ и обратно—такіе памятники должны быть только здѣсь.

Остается сдѣлать послѣднее замѣчаніе о Кремлѣ: слѣдуетъ ли сохранять всѣ настоящія егѡ постройки въ неизмѣнномъ видѣ,—какъ думаютъ одни; или болѣе новыя не отличающіяся ни историческими воспоминаніями, ни типичнымъ видомъ замѣнять болѣе красивыми, приближаясь къ древности,—какъ думаютъ другіе? Рѣшить этотъ вопросъ безусловно въ одну какую нибудь сторону невозможно. Допустивъ ломку зданій, мож-

но-ли ручаться, что она остановится на должной границѣ, да и гдѣ эта граница? Допустивъ строгую неизмѣняемость ихъ, мы должны осудить реставрацію Сухаревой башни, сооруженіе Третьяковскаго проѣзда и многое другое, что не испортило стараго, а Москву много украсило. Кажется можно бы, конечно съ очень большой осторожностью, если явится необходимость, жертвовать малозначительной стройкой или небольшими частями ея. Укажемъ на одно мѣсто. Замѣчательный древній храмъ Спаса-на-Бору настолько скрытъ новыми зданіями, что безъ распросовъ или путеводителя почти невозможно разыскать его. Но если бы можно было продѣлать гдѣ нибудь, разумѣется сзади дворца, прямолинейный ходъ, частями арочный для сохраненія верха, къ открытому мѣсту, напр. къ казармамъ,—то этотъ древній соборъ снова открылся бы народу, какъ было въ старину. А настоящія постройки отъ этаго нисколько не пострадали бы въ общемъ видѣ, даже выиграли бы,—подобно тому какъ, обратно, при замѣнѣ на примѣрѣ сквозныхъ арокъ дворцоваго зимняго сада сплошными стѣнами утратилось бы много красоты въ дворцовыхъ зданіяхъ. Раскрытіе этаго собора

желательно еще и потому, что подобный же храмъ стоялъ еще и на открытой кремлевской площади; но, послѣ удаленія Наполеона, былъ уничтоженъ для... Прусскаго Короля! Легче было бы русскому сердцу, если бы Императоръ Французовъ взорвалъ подъ нимъ пороховые заряды.

XI. КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ.

Оставляемъ Кремль и выходимъ на Красную площадь. Прежде всего обратимъ вниманіе на Кремлевскую стѣну. Длинная темная, однообразная, съ одной скромной башней по срединѣ, она не только не могла бы служить украшеніемъ великолѣпной Красной площади, но даже портила бы ее, если бы не была Кремлевской стѣной. Теперь же только двѣ боковыя ея башни, ворота, да Покровский соборъ могутъ съ ней разниться, не по виду конечно, и даже превосходить ее,— все же прочее, не смотря на красоту, уступаетъ ей первенство. Всякая попытка къ ея разрушенію была бы невообразимымъ варварствомъ. Не ужели она простояла несокрушимо сотни лѣтъ, не пала вся отъ вра-

жескихъ подкоповъ, только для того, чтобы погибнуть отъ рукъ своихъ же хранителей? Безъ сомнѣнія нѣтъ,—и всѣ подобные слухи слѣдуетъ отнести къ празднымъ разговорамъ. Не только разрушать, но даже и закрывать ее какими либо большими сооруженіями не извинительно.

Одно время, помнится, предлагали покрыть ее, кажется иконами или историческими картинами,—что то въ этомъ родѣ. Но покрыть и закрыть—одно и тоже. Другое дѣло, если бы на ее пасмурномъ обширномъ фонѣ рисовались темные статуи въ память тѣхъ, которые были бы достойны этаго почетнаго мѣста, втораго послѣ Кремля. Они нисколько ни закрывая ее, придали бы ей больше жизни. Разумѣется выдумывать памятники только для того, что бы заполнить какую нибудь пустоту, болѣе чѣмъ странно. Но здѣсь выдумывать не приходится. Москва и Россія, достигшія настоящаго величія,—при желаніи увѣковѣчивать памятниками тѣхъ, кто способствовалъ этому достиженію, всякій по мѣрѣ силъ и значенія,—не должны забывать и тѣхъ, кто положилъ всему этому основу, кто развивалъ Москву, кто расширялъ и укрѣплялъ Землю Русскую. Вотъ для

нихъ то и нѣтъ другого болѣе подходящаго мѣста, какъ у стѣны на Красной площади. Здѣсь и слѣдовало бы поставить стату Государей собственно Московской Руси, напр: Іоанна Калиты, собирателя ея, Дмитрія Донскаго, перваго побѣдителя татаръ, Іоанна III, окончательно освободившаго и укрѣпившаго Россію. Вѣроятно не многіе сказали бы, что это не желательно, если бы не деньги; ну, а принимая ихъ въ расчетъ, выйдетъ обратное— не многіе скажутъ, что это желательно. Съ послѣднимъ пожалуй согласится и авторъ этого предложенія и замѣнить его другимъ: можно на самой стѣнѣ изобразить однимъ только чернымъ силуэтомъ предлагаемыя памятники (но уже въ четномъ числѣ -- по сторонамъ башни), при чемъ надписи сдѣлать какъ прорѣзные, свѣтлыя. Такія изображенія не закроютъ стѣны, а будутъ лежать на ней какъ тѣни отъ невидимыхъ памятниковъ. При этомъ здѣсь съ Княземъ побѣдителемъ можетъ быть изображенъ и другой виновникъ побѣды, вдохновившій Христолюбивое воинство — Святитель Сергій, — чего нельзя было бы сдѣлать при статуяхъ. Съ эстетической стороны препятствій кажется нѣтъ,

или во всякомъ случаѣ меньше, чѣмъ для пестрой разрисовки предлагавшимися картинами; съ исторической —она прямо желательна для народа; съ экономической —большихъ возраженій также не предвидится.

Проходя мимо Историческаго музея можно замѣтить, что и здѣсь есть мѣсто для —Новгородскаго памятника 1000-лѣтія Россіи. Какъ ни нелѣпа покажется эта мысль, но нелишне будетъ пояснить ее. Памятникъ 1000-лѣтію поставленъ въ Новгородѣ, куда пришелъ первый Правитель Руси и положилъ начало Россійскому Государству. Слѣдовательно это памятникъ на мѣстѣ *рожденія* Россіи и къ нему относится все, что было сказано о подобныхъ памятникахъ раньше. Безспорно мѣсто, куда пришелъ и гдѣ жилъ Рюрикъ, должно быть отмѣчено; но прежде всего это мѣсто не то —Рюрикъ, предполагаютъ, жилъ *подлѣ* нынѣшняго Новгорода. Затѣмъ, если оказалось необходимымъ выбрать другое мѣсто, то почему же надо было остановиться непременно на Новгородскомъ Кремлѣ? Памятникъ 1000-лѣтія Россіи долженъ стоять на мѣстѣ не зародыша, а на мѣстѣ наиболѣе сильнаго и продолжительнаго развитія Государства, Такимъ мѣс-

томъ не можетъ считаться ни Новгородъ, ни Кіевъ, ни даже Петербургъ, а только одна Москва. Сооруженный памятникъ вкратцѣ и наглядно представляющій 1000-лѣтнюю исторію Россіи и составляющій собственность русскаго народа долженъ стоять посреди наибольшаго скопленія его, что бы чаще напоминать ему исторію Отечества. Но когда то великій Новгородъ стоитъ теперь въ глуши и не причисляется даже къ второстепеннымъ городамъ Россіи. Многіе ли нарочно поѣдутъ въ него, что бы только осмотрѣть этотъ памятникъ? Да единовременный осмотръ, какъ бы онъ ни былъ подробенъ, всегда бываетъ неудовлетворителенъ; всегда впослѣдствіи явятся такіе вопросы, какіе не приходили прежде въ голову. Значить надо опять ѣхать въ глушь, или довольствоваться только рисунками. Первое не удобно, а при второмъ самое существованіе памятника является излишнимъ. Выходить, что Россія не видитъ памятника своему 1000-лѣтію, или все равно что не имѣетъ его. А если такъ, то зачѣмъ же было возводить такое дорогое сооруженіе? Неужели только для Новгородцевъ? Кромѣ того легкія и изящныя формы памятника въ новѣйшемъ вкусѣ даже не соотвѣт-

ствують простой прямолинейной красотѣ древней Софіи и стѣнъ ее окружающихъ. Красная площадь Москвы другое дѣло: тамъ рядомъ съ глубокой стариной мы видимъ развитіе архитектурныхъ формъ до послѣдняго времени. Новгородскому кремлю болѣе приличествовала бы простая пирамида или лучше массивный параллелипипедъ съ краткой надписью: „Князю Рюрику первому Государю Россіи“ или „Основателю Государства Россійскаго“. Не совпаденіе мѣстъ, на которое указывалось, здѣсь было бы объяснимо тѣмъ, что этотъ памятникъ не только Россійскій, но и новгородскій въ частности. А потомки великихъ новгородцевъ имѣютъ полное основаніе выбрать для него свой священный кремль, тѣмъ болѣе, что точное опредѣленіе мѣстожителства Рюрика невозможно. А теперь самъ-то Рюрикъ такъ и остается безъ памятника, потому что нельзя же считать за таковой его изображеніе на Новгородской пирамидѣ, окруженное многими другими, которыя воспроизведены же еще на отдѣльныхъ памятникахъ; а онъ нѣтъ.

Уже не первый разъ Москвѣ отнимать памятники: у одного Новгорода-Нижняго взяли же „Мининъ-Пожарскій“, такъ отчего

бы и у другого. Новгорода-Великаго не сдѣлать такого же позаимствованія, Новгородцы, какъ истинные сыны Россіи, не только не пожалѣютъ, но, надо полагать, порадуются, что временная ихъ собственность превратится во всероссійскую, — тѣмъ болѣе, что они подобно Нижегородцамъ получаютъ взаимѣнь другую. Если бы техническія и экономическія условія позволили такой переносъ, то можно было бы приурочить его къ какому нибудь историческому событію, на примѣръ къ 800-лѣтію Москвы; а то и безъ всякихъ событій — поскорѣе. А мѣсто, какъ сказано, уже готово. Дѣйствительно, это было бы одно изъ самыхъ лучшихъ, самыхъ удачныхъ соединеній, если бы эта пирамида-музей помѣстилась подлѣ Историческаго музея на Красной площади. Оба сооруженія вполне дополняли бы другъ друга. А если этого не случится, то Россія, созидая памятники все-таки останется въ долгу у Рюрика. А долги требуютъ уплаты. Слѣдуетъ имѣть памятникъ „Первому Государю Россіи“ или „Основателю Государства Россійскаго“.

Хотя людей сомнѣвающихся въ самомъ существованіи Рюрика и даже отвергающихъ

его въ послѣднее время развелось не мало, главнымъ образомъ потому, что сомнѣвающіеся и отвергающіе люди вообще очень интересны, и просто, и во всѣхъ отношеніяхъ,—но дѣло отъ этого нисколько не измѣняется. Подъ Рюрикомъ мы привыкли подразумевать начало Государственнаго устройства Россіи. Этого замѣнить нечѣмъ, да и не для чего. А такое важное, несомнѣнно бывшее событіе, можетъ быть и растянувшееся на неопредѣленное время, заслуживаетъ памятника.

Что касается выражений—„Государь Россіи“, „Государство Россійское“ также не одобряемыхъ въ наше всесокрушающее время, то,—такъ защита ихъ не можетъ быть краткой,—вмѣсто вставки въ эту статью, она составитъ особую бесѣду, которая и будетъ предложена въ непродолжительномъ времени.

XIII *) УЗКІЕ ХОДЫ. ВОСКРЕСЕНСКАЯ ПЛОЩАДЬ.

Съ Красной площади идя на Воскресенскую, нельзя не обратить вниманія на узкій переходъ въ этомъ мѣстѣ. Всякій знаетъ,

*) Счетъ главъ, сбитый опечаткой на стр. 35, здѣсь восстановленъ.

какая тѣснота бываетъ всегда въ этомъ переходѣ и всякій проходящій здѣсь по сторонѣ Думы, вспоминая еще недавнее прошлое, искренно благодаритъ тѣхъ, кто устроилъ арку для пѣшеходовъ. А эти пѣшеходы составляютъ только половину всѣхъ тѣхъ, кто здѣсь проходитъ. Если одна половина благодаритъ, то другая—со стороны Музея—тѣснящаяся, толкающаяся и попадающая подъ лошадей исполнена чувствами совершенно обратными. А между тѣмъ и для этой несчастной половины очень легко устроить точно такой же проходъ. Для этого не было надобности отодвигать все зданіе музея, а довольно было продѣлать въ самомъ зданіи кривой, обходный корридоръ,—и все уладилось бы на общую пользу. Конечно нѣсколько квадратныхъ аршинъ, отошедшихъ подъ этотъ корридорчикъ лишило бы музей нѣсколькихъ рублей дохода. Но надо полагать, что удобства бѣдныхъ пѣшеходовъ дороже этихъ рублей. Время не ушло, это всегда можно сдѣлать.

Кстати еще о такихъ корридорчикахъ. Подобное же явленіе тѣсноты, толкотни и попадания подъ лошадей замѣчается и въ Третьяковскомъ проѣздѣ. Безъ сомнѣнія пѣ-

шій людъ во первыхъ, а конный во вторыхъ, долженъ быть благодаренъ строителямъ этаго проѣзда за то, что теперь не нужно такъ колесить при желаніи попасть отъ театровъ на Никольскую. Хотя впрочемъ старинный проломный ходъ недалеко отсюда и колесеніе для пѣшеходовъ было не очень большое, но все таки было чувствительно, особенно въ грязь. Владѣтели проѣзда сдѣлали доброе дѣло; но доброе дѣло слѣдуетъ дѣлать полностію, тѣмъ болѣе, что именно это доброе дѣло о двухъ концахъ, изъ которыхъ одинъ замѣтно много толще другого. Владѣтели проѣзда конечно не въ накладѣ отъ этого сооруженія и конечно не изъ жалости къ другимъ, они его строили. А слѣдовало бы имъ побольше подумать объ этихъ другихъ. Они очень богаты и имъ ничего не стоитъ отдѣлать отъ своихъ магазиновъ четыре узкихъ полосы для образованія арочныхъ ходовъ. Ходы эти должны быть не глухіе, а съ боковыми арками на дорогу. За такой маленькій подарокъ бѣдный людъ, снующій въ дневныхъ заботахъ принесть бы имъ благодарность, только въ душѣ конечно, не меньшую той, какую громко выразили болѣе любимые дѣти судьбы за миллионный даръ картинной галлерей.

Конечно весьма непріятная, а иногда и опасная тѣснота не ограничивается только двумя этими воротами. Но другія тѣсныя ворота въ Китайской стѣнѣ представляютъ замѣчательную древность, которая и мирить насъ съ этими неудобствами. Извѣстно, что для расширенія Никольской улицы рѣшили сломать монастырскія зданія, выступающія къ срединѣ улицы. Но въ числѣ этихъ зданій есть и чисто церковнаго характера. Надо думать, что они не предназначены къ сломкѣ. Хотя они и выступаютъ взаимно на встрѣчу съ обѣихъ сторонъ, но все-таки оставляютъ проѣздъ ни какъ не уже, но даже шире арки хоть того же Третьяковскаго проѣзда, который къ сломкѣ конечно не предназначенъ. Снесеніе старинныхъ колоколенъ и святыхъ воротъ какъ-то не вяжется съ значеніемъ Москвы, тѣмъ болѣе что такое снесеніе нельзя было бы ничѣмъ оправдать, кромѣ развѣ только денежной выгодой строителей при всякихъ ломкахъ и перестройкахъ, до каковыхъ они большіе охотники. Относительно красоты вида слѣдуетъ замѣтить, что для нея священные предметы на Руси не уничтожаются. А въ данномъ случаѣ оригинальное сближеніе двухъ колоколенъ

или воротъ по среди уширенной улицы даже весьма красиво, особенно для древняго города. Во всякомъ случаѣ сломка старинныхъ священныхъ зданій возбудить въ народѣ разныя чувства и всѣ они будутъ нежелательны. Если бы дѣйствительно здѣсь Никольская являлась непроходимой, то и тогда довольно сдѣлать такіе же боковые обходы, какіе указывались выше.

Еще говорили объ этихъ колокольняхъ, что ихъ, или одну изъ нихъ хотятъ надстраивать, потому что теперь она „не соответствуетъ“ высотѣ окружающихъ зданій. Какой же высоты должна быть колокольня Спаса-на-бору, чтобы она „соотвѣтствовала“ высотѣ окружающихъ зданій? Ужъ если говорить о соотвѣтствіи, то надо начать съ Казанскаго собора, колокольня котораго дѣйствительно не соотвѣтствуетъ окружающему, не представляя при томъ ничего замѣчательнаго.

Говоря объ узкихъ проходахъ, нельзя не вспомнить о стѣсненіи тротуаровъ выдающимися крыльцами и ступенями. Это какіе-то капканы, только поставленные не для звѣрей, а для человѣка. Давно указывалось на большія неудобства, происходящія отъ

нихъ и выражающіяся не только въ затрудненіи и замедленіи ходьбы, но даже и въ паденіяхъ и ушибахъ, особенно по ночамъ. А все таки такіе выступы существуютъ въ угоду имущимъ и въ насмѣшку надъ неимущими. Имущіе ненасытны: имъ выгодно хоть два, три аршина прирѣзать отъ чужой земли, а тѣмъ болѣе отъ общественной. Много опаснѣе этихъ крылецъ были еще не очень давно въ большомъ количествѣ желѣзныя сильно выступающіе надъ узкими тротуарами оконныя рѣшетки. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что онѣ нанесли множество тяжелыхъ ушибовъ въ головы прохожихъ. Теперь они исчезаютъ, хотя все еще держатся въ глухихъ переулкахъ. Однако нельзя не замѣтить, что происхожденіе ихъ все таки бѣлѣе происхожденія указанныхъ крылецъ. Въ немъ видна только непростительная небрежность, но не алчное хищеніе.

Теперь вступаемъ на Воскресенскую площадь. Если бы на Красной площади когда нибудь появились памятники расширителямъ и укрѣпителямъ Руси и Москвы, то непременно оживились бы въ памяти еще болѣе древніе дѣятели—основатели Москвы и ея княжества. А потому въ дополненіе къ предъ-

идушимъ пришлось бы поставить еще два памятника—Боярину Кучкѣ и Князю Юрію Долгорукому. Мѣста для нихъ, по принятому нами порядку, должны быть уже здѣсь—на Воскресенской площади. Статуи помѣщаются по обѣ стороны и совсѣмъ вблизи главной линіи, одна противъ другой. Бояринъ немного обратившись къ сторонѣ Тверской (или можетъ быть Царской) улицы кланяется и подноситъ на блюдѣ хлѣбъ-соль; а Князь, обративъ туда же слегка только голову, одну руку невысоко протягиваетъ въ томъ же направленіи для привѣтствія, а другой высоко поднятой указываетъ путь въ Кремль. Скопление народа на этой площади не можетъ быть большимъ препятствіемъ такой постановкѣ во первыхъ потому что площадь не слишкомъ уже тѣсна, а во вторыхъ—пѣдесталы памятниковъ можно съюзить до возможно крайнихъ предѣловъ. Будто бы памятникъ Императрицѣ Екатеринѣ II отъ Московской Думы, предполагавшійся здѣсь, не поставленъ только вслѣдствіе тѣсноты этой площади. Что то не вѣрится. При горячемъ и неослабѣвающемъ желаніи все можно сдѣлать. Конечно такой памятникъ, поставленный отдѣльно, не можетъ имѣть на столько

же скромные размѣры, какъ два вышеуказанные. Но его можно было слить въ одно съ самымъ зданіемъ Думы, измѣнивъ фасадъ и нѣсколько увеличивъ размѣръ ея. Ставятся же статуи и бюсты внутри зданія, слѣдовательно можно поставить и снаружи—впереди, или на высотѣ второго этажа, то такъ чтобы фигура была открыта съ трехъ сторонъ.

XIV. М О С Т Ы.

Съ этой площади хорошо виденъ Александровскій садъ до Троицкаго моста и частию самый мостъ съ обѣими крайними башнями. Слѣдовательно уже по этому одному на него слѣдуетъ обратить особенное вниманіе. Съ полгода тому назадъ въ газетахъ извѣщалось, что московская комиссія по охранѣ древнихъ памятниковъ постановила, что Троицкій мостъ долженъ быть сохраненъ въ его старомъ видѣ и пошла его охранять; но пришедши замѣтила, что онъ разрушенъ весь до основанія. Вслѣдствіе этого комиссія постановила, что Троицкій мостъ долженъ быть сохраненъ въ его старомъ видѣ. („Курьеръ“ 6 Сентября 1900 г.). Какой старый видъ охраняетъ комиссія изъ этого не видно. Но еще раньше писалось, что этотъ

мость явится въ старинномъ видѣ, болѣе красивомъ, чѣмъ нынѣшній. Откроются задѣланные арки; полукруглыя площадки и сходы въ садъ будутъ уничтожены, потому что, какъ замѣчено, они почти не служатъ для пользованія. Но для пользованія они не служили потому, что часто бывали совсѣмъ закрыты, а верхнія площадки не имѣли удобныхъ помѣщеній съ видами въ садъ. Будь здѣсь какія нибудь бесѣдки или вообще хорошія мѣста для сидѣнья, обращенныя къ саду, а не задомъ, какъ было,—они постоянно были бы полны народомъ. Доказательствомъ можетъ служить горка у кремлевской стѣны, лежащая даже далеко въ сторонѣ отъ главной аллеи. Устройство новыхъ проходныхъ арокъ,—допустимъ,—увеличить и красоту моста и удобства для гуляющихъ. Но уничтоженіе верхнихъ площадокъ при этомъ нежелательно, а желательно только переустройство ихъ въ указанномъ видѣ. Улучшеніе вида и увеличеніе удобства въ предполагаемой перестройкѣ, если и будетъ, то во всякомъ случаѣ не въ такомъ размѣрѣ, какъ бы слѣдовадо въ этомъ мѣстѣ отдыха, одномъ изъ красивѣйшихъ въ столицѣ. Ровный и однообразный верхъ моста будетъ слишкомъ

безцвѣтенъ, потому что это будетъ самый простой, самый обыкновенный мостъ и ничего болѣе. Здѣсь слѣдовало бы устроить какія-либо башенки или уступныя террасы въ стилѣ сосѣдней Кутафьи, а на сходахъ въ садъ поставить фигуры древнихъ воиновъ. Теперешнее зданіе ресторана въ углу слѣдуетъ совсѣмъ уничтожить не только для большаго открытія проходныхъ арокъ, но и для украшенія сада. А если нуженъ ресторанъ, то его и помѣститъ именно на верху, гдѣ отдыхающая публика могла бы любоваться на главную часть сада. Если же отъ этого можно ожидать стѣсненія проѣзда въ Кремль и разныхъ ресторанныхъ излишествъ, то его здѣсь не надо, а бесѣдки всетаки необходимо устроить.

Говоря о возстановленіи древностей вообще, слѣдуетъ замѣтить, что такое возстановленіе бываетъ хорошо только тогда, когда не уничтожается хорошая современность. Кромѣ того, въ иныхъ мѣстахъ существовалъ цѣлый рядъ смѣняющихся, несхожихъ между собою древностей. Которому же виду отдать преимущество при реставраціи: или самому древнему, или самому красивому, или болѣе важному въ историче-

скомъ значеніи? Уже и здѣсь большое затрудненіе. Но могло быть и такихъ характерныхъ типовъ по нѣскольку смѣнѣ. Если насъ интересуесть то, что было 500 лѣтъ тому назадъ, то почему же не будетъ интересно и то, что было за 400, 300 лѣтъ, наконецъ, даже недавно, или даже прямо теперь, если это хорошо и чѣмъ нибудь замѣчательно? То что существовало и существуетъ при насъ, строго говоря, для насъ дороже дѣйствительной древности,—это наша собственная древность, напоминающая намъ нашу юность, наше дѣтство, давно забытые дни. Потеря навсегда такихъ памятниковъ къ которымъ мы привыкли и которые намъ нравились оставляетъ въ душѣ тяжелое чувство. Оно не покроется восторгами отъ вида дѣйствительной древности, которую мы не знали и видимъ въ первый разъ. Конечно, слѣдуетъ думать не только о себѣ, а еще и о нашихъ наслѣдникахъ. Но и для нихъ можетъ быть будетъ болѣе дорого то, чѣмъ любовались ихъ отцы, а недавнымъ-давно исчезнувшіе прапрадѣды.

Изъ сказаннаго вовсе не выходитъ, что влеченіе съ глубокой древности не должно существовать. Оно должно быть неперемѣнно.

Въ немъ заключается расширеніе нашей жизни, борьба со смертію, отнимающей отъ насъ наше прошлое. Но истинная реставрація должна возстановить не одинъ какой нибудь видъ изъ прошлаго, а полную исторію реставрируемаго предмета, не разрушая вполне даже и настоящаго. Что это много труднѣе, чѣмъ воскресить какой нибудь одинъ видъ по готовымъ рисункамъ, или по классной фантазіи,—это безспорно. Но чѣмъ меньше труда, тѣмъ меньше толку, и на оборотъ. Вмѣсто того чтобы, не думая, кое-какъ, лишь бы что нибудь сдѣлать, схватиться за одинъ изъ погибшихъ видовъ, слѣдуетъ тщательно изучить ихъ всѣ и составить одинъ вмѣщающій въ себѣ всѣ существовавшіе. Это и будетъ дѣйствительный памятникъ непрерывнаго длиннаго ряда временъ до настоящаго включительно. Это и будетъ единственно желательная реставрація даннаго предмета. Если такое сооруженіе имѣетъ жизнь и въ настоящее время, то возможны еще и новѣйшія постройки соответствующаго характера. Конечно это будетъ нарушеніемъ основного положенія—единства и строгости стиля. Но это положеніе еще не есть аксіома. Каждый архитектурный стиль имѣетъ свой

тонъ—покойный, величественный, восторженный, мрачный и т. п. Художественный подборъ этихъ тоновъ составитъ новую архитектурную музыку; въ обыкновенной музыкѣ тоже чередуются веселые и печальные мотивы. Будущіе строители станутъ смотрѣть на отдѣльные типы, какъ на различные красивые камни, изъ которыхъ они будутъ строить новые чудные дворцы. Это будутъ то правдоподобныя, то фантастическія картины, изображающія столкновенія различныхъ историческихъ эпохъ то для борьбы, то для дружбы.

Оставивъ эти общія соображенія или скорѣе мечтанія и обратясь опять къ Троицкому мосту, видимъ что здѣсь дѣло далеко не такъ запутано. Старый мостъ, т. е: предшествовавшій сломаному вовсе ужъ не такая диковина, чтобы стоило его возстановлять во всей точности. Напротивъ, какъ было уже сказано, онъ для нынѣшней роскошной столицы, на такомъ видномъ мѣстѣ, на мѣстѣ лучшаго срединнаго гулянья будетъ не любопытной стариной, а просто старьемъ неподходящимъ. Если бы онъ дошелъ до насъ дѣйствительно тотъ самый, который былъ въ старину, то храненіе его имѣло бы смыслъ,

а теперь это не дѣло. Перестроенный на старый ладъ съ арками, но безъ выступовъ и сходовъ, онъ снизу еще можетъ быть будетъ красивъ; но сверху представляя, подобіе подъемнаго моста старинныхъ крѣпостей, будетъ казаться весьма скучнымъ,— тогда какъ развитый на манеръ кутафьи онъ составитъ и красу города и пріятное мѣсто для гулянья.

Городскіе мосты на видныхъ мѣстахъ, особенно столичные, должны быть не только удобными путями сообщенія, но также и украшеніемъ города. Общепринятый видъ ихъ, приближаясь къ прототипу—перекинутой доскѣ, напоминаетъ какой-то кухонный противень и не только не украшаетъ мѣста, но часто даже портитъ его, скрывая берега и воду. Разукрашенные перила не помогаютъ дѣлу, такъ какъ подробности ихъ издали незамѣтны, а становятся видимыми только при входѣ на мостъ, т. е. когда самый мостъ, можно сказать, скрывается изъ глазъ,— подобно тому какъ скрывается домъ, когда мы въ него входимъ. Сравнивая, на примѣръ, нынѣшній каменный мостъ со стариннымъ, замѣчаемъ крайнюю бѣдность теперешняго вида. Тогда можетъ быть онъ былъ тѣсенъ

и неудобопроходимъ, но былъ много живописнѣе, по причинѣ возвышающихся на немъ и при входѣ на него построекъ.. Даже незначительный Высокій мостъ черезъ Яузу на глухомъ пути къ старому Владимірскому вокзалу въ прежнее, еще недавнее время своими четырьмя колонками нѣсколько оживлялъ хотя и живописную, но безжизненную окружающую мѣстность. Теперь эти столбы сняты совершенно неизвѣстно для чего, во всякомъ случаѣ не для улучшенія вида и не для удобства прохожихъ. Конечно ихъ нельзя было назвать красивыми, но все таки это была старина ни чуть не безобразная и не требовавшая уничтоженія. Можетъ быть здѣсь подражали Петербургу, безжалостно уничтожившему цѣлый рядъ прелестныхъ Екатерининскихъ мостовъ съ башенками и цѣпями,—какъ будто при расширеніи мостовъ нельзя было ихъ только передвинуть. Хотя кажется два изъ нихъ и остались, вѣроятно на память, но общій ихъ видъ далеко вдоль рѣки исчезъ конечно безвозвратно.

Все таки Москва не совершала большихъ мостовыхъ преступленій (если забыть о Каменномъ мостѣ, говорятъ, долго не поддававшемся усиліямъ сломать его), не совершала

можетъ быть потому, что у нея мостовъ-то очень мало. Напротивъ, она даже воздвигла нѣсколько прекрасныхъ сооружений этого рода. Впрочемъ красота здѣсь вышла невольная, такъ какъ эти чудные рѣшетчатые корридоры составляютъ самую суть всей постройки, а не добавочныя украшенія.

Вообще бѣдны русскіе мосты видомъ, еще бѣднѣе численностью и еще бѣднѣе исторіей. А на счетъ исторіи, позвольте, оставивъ на минуточку Москву предложить маленькую загадку изъ не очень давнихъ временъ. Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ стоятъ два великіе города; путь между ними пересѣкаютъ двѣ великія рѣки. На одной изъ нихъ древній каменный мостъ, на которомъ въ давно минувшія времена грозный Царь расправлялся съ непокорными гражданами. На другой рѣкѣ моста нѣтъ, т. е. есть, но такъ называемый живой, немного получше парома, наводимый, разводимый и волнами уносимый. Здѣсь другой Государь уже нашихъ временъ принужденъ былъ просидѣть много времени по случаю ледохода. Государь выразилъ непремѣнное желаніе видѣть здѣсь постоянный мостъ. Мостъ былъ построенъ. Узнайте—на которой рѣкѣ?

Вопросъ одинаковый съ общественнымъ: „у Ноя было три сына; кто былъ у нихъ отецъ?“ Получившій такой вопросъ будетъ очень обиженъ; но это совершенно напрасно. Отцомъ-то и въ самомъ дѣлѣ оказался Василій-кузнецъ: драгоцѣнный историческій мостъ былъ разрушенъ; на его мѣстѣ поставленъ новый, а другая рѣка осталась при живомъ. И только въ послѣдніе дни взялись здѣсь за постройку постоянного моста, т. е. спустя полстолѣтіе послѣ кончины пожелавшаго этого Монарха.

ХV. ПЛОЩАДИ НА ТВЕРСКОЙ.

Слѣдуя по намѣченной линіи, т. е. идя вверхъ по Тверской, приходимъ на небольшую площадь противъ Генераль-Губернаторскаго дома. Эта площадь тоже разсматривалась, какъ мѣсто для памятника Императору Александру III и совершенно основательно признана неподходящей,—хотя, можно думать что она для этой цѣли все таки лучше, чѣмъ скверы храма Спасителя въ силу уже разъясненныхъ предложеній. На этой площади возможны, слѣдуя порядку умаленія, памят-

ники только лицамъ администраціи, Генералъ-Губернаторамъ, Министрамъ и т. д. но не Государямъ. Теперь эта площадь, не смотря на свое видное положеніе, далеко не изъ красивыхъ. Но надо думать, что она скоро будетъ такой. Съ предложеніемъ поставить здѣсь памятникъ было сдѣлано предложеніе значительно удлинить ее, снявъ всѣ постройки, отдѣляющія ее отъ Дмитровки. Это было бы дѣйствительно очень хорошо, но при условіи, чтобы зданіе на Дмитровкѣ, приходящееся противъ дома Генералъ-Губернатора было вполнѣ симметрично относительно площади и отличалось-бы большими размѣрами и изяществомъ архитектуры. Боковые порядки менѣе важны, но и они современемъ могли-бы принять соотвѣтствующій видъ. Въ противномъ случаѣ можно ограничиться перестройкой дома съ каланчей, что слѣдуетъ сдѣлать непременно. Но это конечно будетъ много хуже перваго. Значительно увеличенная и украшенная памятниками, она сдѣлается вполнѣ достойной того мѣста, которое занимаетъ.

Далѣе слѣдуетъ площадь Страстная, или Тверская, или Тверскія ворота, или, какъ предлагалось, Пушкинская площадь. Въ виду

такого изобилія названій, не лучше-ли окончательно удержать за ней одно старинное и теперь еще не забытое народомъ? Грязная „Пушкинская“ площадь,—какъ справедливо кто-то сказалъ въ Думѣ,—не прибавить лавровъ къ имени Пушкина. И не только грязная,—прибавимъ отъ себя,—но даже и чистая, если въ таковую она когда нибудь превратится. Кромѣ того при возможной постановкѣ здѣсь другихъ памятниковъ, она уже никакъ не могла бы сохранить это названіе. „Страстная“ площадь, также какъ и „Тверская“, нося чужое названіе, сопредѣльныхъ мѣстъ, остаются можно сказать безъ названія, или имѣютъ бѣдное и бессодержательное. Это только обозначеніе, въ родѣ N-а. Слѣдовательно остается только одно дѣйствительно собственное имя этого мѣста „Тверскія ворота“, напоминающее уничтоженную древность, которую, если не пожалѣли наши праотцы, должны пожалѣть хоть мы. А мы, на оборотъ, стараемся совсѣмъ уничтожить даже то, что крѣпко держится до сихъ поръ въ народной памяти. Если бы названія обѣихъ Тверскихъ улицъ измѣнились по вышесказанному, то и тогда все равно слѣдовало бы удержать за площадью это

старинное названіе, какъ памятникъ сосѣдняго княжества, мимолетно даже великаго, павшаго предъ могучей Москвой,—но не какъ старую заставу, ведущую въ сосѣдній городъ. Это названіе прочное: какія-бы перемѣны ни происходили съ площадью, какія-бы постройки ни воздвигались на ней, она все таки будетъ оставаться Тверскими воротами. Возраженіе, что тутъ нѣтъ теперь ни какихъ воротъ, не имѣетъ силы: на Кузнецкомъ мосту тоже нѣтъ никакихъ мостовъ, на Земляномъ валу—ни какого вала.

Сохраняя за всѣми этими бульварными площадями старинныя названія Бѣлостѣнныхъ воротъ, получаемъ и практическую пользу. Возьмемъ для примѣра ту же Тверскую: на ней лежатъ нѣсколько площадей и всѣ они имѣютъ одинаковое основаніе именоваться Тверскими. Тоже и на другихъ радіусныхъ улицахъ. При разысканіи требуемаго мѣста, это можетъ произвести большую путаницу. Тутъ надписи мало помогаютъ, а при первоначальномъ выборѣ направленія и совсѣмъ ничего. Между тѣмъ очень многимъ хорошо извѣстно, что эти ворота безъ воротъ составляютъ соединительныя звенья бульварной цѣпи и потому разыскиваются безъ

затрудненія. На нѣкоторыхъ улицахъ теперь и совсѣмъ нѣтъ площадей при этихъ воротахъ; слѣдовательно это весьма удобное и полезное для опредѣленія мѣста названіе должно совсѣмъ уничтожиться безъ замѣны какимъ либо другимъ.

Даже можетъ быть одно только сохраненіе этихъ именованій не вполнѣ удовлетворяетъ любителей Москвы и ея прошлаго. Можетъ быть было бы прекраснымъ памятникомъ царствующаго града сего возстановленіе въ прежнемъ видѣ хотя однихъ изъ этихъ воротъ, напримѣръ Арбатскихъ, прославленныхъ побѣдными битвами сыновъ старинной Москвы. Двѣсти лѣтъ стояли они незыблемо на стражѣ столицы, сто лѣтъ уже, какъ ихъ нѣтъ, а вновь явившіяся да стоятъ многіе вѣки.

ХVІ. НАЗВАНІЯ УЛИЦЪ.

Вообще переименованіе улицъ совершается легче чѣмъ бы слѣдовало. Стоитъ только появиться статуи, юбилею—сейчасъ предлагается перемѣна; стоитъ только какому нибудь администратору старательно и успѣшно выполнить свою прямую обязанность—опять

перемѣна. Конечно, если проводятся совѣтъ новыя улицы или продолженія старыхъ, то весьма естественно назвать ихъ по имени того кто содѣйствовалъ ихъ появленію, или по имени какого нибудь чтимаго дѣателя, имѣющаго связь съ этимъ мѣстомъ. Но уничтожать старинныя названія улицъ, безъ слишкомъ важныхъ причинъ,—это даже какое то пренебреженіе къ жителямъ, которые, по прихоти немногихъ, должны привыкать къ новымъ названіямъ, не чувствуя къ тому ни какого побужденія, а можетъ быть даже съ чувствомъ непріязни.

Есть разныя другіе способы, кромѣ уличныхъ и площадныхъ, почтить достойнаго человѣка. Наконецъ, если уже признается необходимымъ создать видимую память о немъ именно на данной улицѣ, то и здѣсь можно приискать другія средства; напримѣръ, постановка каменнаго столба съ соотвѣтствующей, пожалуй, очень пространной надписью. Это даже много лучше, потому что проходящій узнаетъ гораздо подробнѣе о томъ лицѣ, которое позаботилось объ отмѣченномъ мѣстѣ, или которое здѣсь жило, что дѣлало и т. д. Переименованіе же какихъ либо мѣстностей должно вызываться очень важ-

ными причинами, крайнѣй надобностью; иначе это будетъ напоминать въ миниатюрѣ нашествіе варваровъ: тамъ смѣтались съ лица земли цѣлые города, а здѣсь смѣтаются старинныя и часто любимыя названія. Конечно, чѣмъ выдумывать болѣе разумный способъ чествованія, легче и скорѣе предложить и принять переименованіе—и деньги не тратить и головъ не ломать; а какъ то, такъ и другое беречь безъ сомнѣнія слѣдуетъ, но прислужиться и себя показать все таки не мѣшаетъ. Можетъ быть найдутся такіе, которые скажутъ, что и въ Парижѣ практикуется довольно часто подобныя измѣненія,—вѣдь доказывали же пользу тотализатора тѣмъ, что онъ есть и заграницей. На это можно отвѣтить только такъ: ну, ужъ если и въ Парижѣ, то дѣлать нечего, приходится умолкнуть, потому что обмѣниваться мыслями можно только съ тѣми, кто имѣетъ убѣжденія свои собственные.

Не очень давно одна изъ улицъ Москвы лишилась своего стариннаго и довольно поэтическаго названія—„Дубки“, „Подвески“ или „Подвязки“—подъ Вязами. А почему дано ей новое—большинство совсѣмъ не знаетъ. Много было бы лучше если бы ей

дали новое названіе только въ одной ея части, хотя бы большей и лучшей, а остальную часть оставили бы по прежнему; или назвали бы всю ея съ удвоеніемъ: „Долго-руковскіе дубки“. Но народъ не забыть стараго и теперь укажетъ какъ пройти на Подвески.

Безъ большого стѣсненія могли бы переименовываться улицы одноименныя и совсѣмъ новыя. Къ чему, напримѣръ, такое обиліе Рогожскихъ, Мѣщанскихъ, Ямскихъ—просто, Ямскихъ—Тверскихъ и просто Тверскихъ? Что такое улицы Проектированныя. Новопроектированныя, не только пустыя, значащіяся лишь на планахъ, но и вполне застроенныя? Вотъ гдѣ слѣдовало бы подумать о названіяхъ, вспомнивъ при этомъ и достойныхъ правителей Москвы, какъ Государственныхъ, такъ и выборныхъ и знаменитыхъ уроженцевъ ея и полезныхъ ея дѣятелей и пр. и пр. Такія же прозвища, какъ „Дубки“, „Щипокъ“, „Зацѣпа“ должны быть сохранены, какъ образчики народныхъ измышлений. Москвичи и теперь говорятъ: „Антроповы ямы“; а ни на одной изъ улицъ этаго мѣста, кажется, совсѣмъ новыхъ, не обозначено этихъ ямъ.

Къ не особенно дорогимъ названіямъ улицъ можно бы отнести и такія, которыя заимствованы отъ сосѣднихъ церквей, исключая отличающихся большой давностью. Такимъ улицамъ, если они новыя, при подходящемъ случаѣ, можно дать другое названіе, а если они старыя, то возвратить старинное, если такое было,—несмотря даже на то, что самъ Петербургъ думаетъ иначе и свои старыя „Пески“ перемѣнилъ на новыя „Рождественскія улицы“. Однако народъ не хочетъ знать этихъ перемѣнъ и называетъ ихъ по старому.

Также не слѣдъ бы увѣковѣчивать различныхъ домовладѣльцевъ, прославившихся только тѣмъ, что они владѣли домами, а лучше мы возстановлять болѣе старинныя, народныя названія,—напр.: „Лѣнвивый вражекъ“.

Жаль и то, что нерѣдко названія урочищъ тоже предается забвенію. Еще недавно надъ входомъ въ церковь, стоящую въ Кремлѣ подъ горой была надпись: „Успѣніе, что на Житномъ дворѣ“. Теперь она уничтожена,—это не хорошо. Ни кому и ни чѣмъ она не мѣшала; многимъ она правила, многимъ напоминала давнія времена. Да и на большинствѣ Московскихъ церквей надписи, если

только онѣ есть, также не говорятъ объ ихъ старинныхъ названіяхъ. Кому, кому,—а ужъ церквамъ-то не слѣдъ стыдиться старинныхъ русскихъ прозвищъ.

Исторія уличныхъ перемѣнъ полна трагиводевилизма: разрушеніе и презабавныя новинки.

Было время, когда считалось непозволительнымъ даже улицамъ носить неформенную фізіономію, А потому на Арбатѣ, Воздвиженкѣ и другихъ подобныхъ красовались надписи: „Арбатская улица“, „Воздвиженская улица“ и т. д. Теперь они сняли эти мундиры и облачились по прежнему въ старорусскіе кафтаны. Но кое что въ этомъ родѣ существуетъ до сихъ поръ. Какъ извѣстно, и простой народъ и самый непростой говоритъ одинаково просто: „я живу у Красныхъ воротъ“, „свези меня на Чистые пруды“. Но составители надписей должно быть думали что обыватель будетъ искать своихъ знакомыхъ подлѣ самыхъ воротъ, а извозчикъ повезетъ его прямо въ воду и, чтобы отучить всѣхъ отъ такихъ опасныхъ названій, написали: „Чистопрудный бульваръ“, „Красноворотская площадь“. Если приходится говорить совмѣстно о нѣсколькихъ воротахъ,

то разумѣется никто не станетъ каждый разъ повторять это слово. А новая терминологія и трудно произносима и даже не удобопонимаема. Какой-то прїѣзжій, набравшись на уличныхъ углахъ московской мудрости, нанимаетъ извозчика: „поѣдемъ сперва на Красноворотскую площадь, а отъ Красноворотской на Ильинсковоротскую, а оттуда черезъ Арбатоворотскую къ Триумфальноворотской, а отъ Три. . Извозникъ перебиваетъ: „Ну, баринъ, ты ужъ больно наворотилъ,—иди пѣшкомъ, не поѣду!“ Совершенно непостижимо, какимъ образомъ уцѣлѣлъ Кузнецкій мостъ и ни разу не превращался въ Кузнецкомостную улицу.

Впрочемъ современныя газеты ушли въ этомъ направленіи еще далѣе: „на пруду Чистопруднаго бульвара на поверхности воды. .“ (Нов.-Дня ²¹/_{ix} 99). Но и это можетъ быть еще не самыя ягоды бердичевского краснорѣчія. Тѣ-то, ужъ пусть ихъ! Лишь бы съ появленіемъ такого пруда не появилась еще надпись: „Бульваръ у пруда Чистопруднаго бульвара“.

Послѣднее слово: не черезъ чуръ ли много берутъ на себя заправилы города, измѣняя

то, съ чѣмъ свылся народъ? Что они имѣютъ право прибавить на углахъ дощечки, это какъ будто еще не много. Москва принадлежитъ не имъ и даже не однимъ москвичамъ, а всѣмъ русскимъ. Поэтому не мѣшало бы съ ея названіемъ обращаться поосторожнѣе.

ХVІІІ. БУЛЬВАРЫ.

Вспомнивъ Бѣлогородскія ворота, нельзя не вспомнить и Бѣлой стѣны. Много жалѣть ее не приходится. Москвѣ довольно двухъ стѣнъ—Кремлевской и Китайской, которыя безъ сомнѣнія будутъ храниться всегда и въ будущее время. Жалѣть не приходится потому, что на ее мѣстѣ появилась прекрасная дуга бульваровъ. Она была бы еще прекраснѣе, если бы къ ней относились съ большимъ вниманіемъ, что она вполне заслуживаетъ. Бульвары, которые должны бы составлять цѣлое полукольцо отъ берега до берега, прерываемое только на большихъ улицахъ площадями или воротами, въ дѣйствительности разрываются часто очень длинными постройками, мѣстами безобразными и, къ счастію, клонящимися къ разрушенію.

Такое расхищеніе зеленыхъ пространствъ нежелательно среди обширнаго города по разнымъ причинамъ: и для вида, и для воздуха и про запасъ на случай дѣйстви-тельно крайне необходимыхъ надобностей, а не для кабаковъ и трактировъ, какъ у многихъ воротъ. А потому нѣкоторые дома давно пора бы уничтожить. Еще недавно на участкѣ между Страстнымъ монастыремъ и Дмитровкой рядомъ съ бульваромъ былъ садъ не очень давно устроенный, а теперь его опять нѣтъ, нѣтъ и старой площади, а есть домъ. Между тѣмъ это закрытое мѣсто можно бы отвести подъ развѣзную станцію конно-желѣзныхъ дорогъ, которая теперь стоитъ на самой срединѣ Страстной площади и крайне безобразитъ и стѣсняетъ эту площадь, достойную принять болѣе приличный видъ.

Да и на самыхъ бульварахъ, занимающихъ нѣсколько верстъ рѣдко встрѣчается что нибудь особенное. Только въ трехъ мѣстахъ видимъ пріятныя взору украшенія: памятникъ Пушкину (будемъ считать его здѣсь только за таковое), прудъ называемый „Чистыми прудами“ и заброшенный фонтанъ при подъемѣ на Рождественскій бульваръ.

Но прудъ обставленъ довольно бѣдно, а мѣсто у фонтана оживляется только собачьимъ рынкомъ, — между тѣмъ оно по своей живописности могло быть однимъ изъ самыхъ лучшихъ на всемъ протяженіи бульваровъ.

Затѣмъ въ сторонѣ отъ главной бульварной линіи недавно исправившійся садъ-бульваръ Цвѣтной скрываетъ въ своей глуши какую то весьма красивую чашу, тоже остатокъ стараго фонтана. Есть еще третья подобная заброшенность въ Александровскомъ саду; но здѣсь довольно было бы только открыть ее побольше со стороны главной аллеи. Между тѣмъ какъ чаша Цвѣтного бульвара стоитъ совсѣмъ не намѣстѣ. Если слѣдовало бы перенести на болѣе видное, на примѣръ, къ началу бульвара у Трубной площади, нисколько неизмѣняя вида всего бассейна. И зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ стоитъ эта чаша въ такой глуши и на такомъ весьма и весьма непочетномъ мѣстѣ? Здѣсь она какъ будто указываетъ путь въ мѣста не столь отдаленныя, въ тѣ мѣста, куда всѣ ходы желательно бы прикрыть какъ можно тщательнѣе. Это зловонная рана Москвы, какой нельзя отыскать ни въ одномъ другомъ городѣ. Это по истиннѣ проклятый

Вавилонъ, ожидающій своего разрушителя. И если этотъ разрушитель явится, то будетъ достоинъ самаго дорогого памятника, если не вещественнаго, то въ сердцахъ всѣхъ благомыслящихъ людей. А это уничтоженіе далеко не невозможно: уже не разъ высказывалось, что слѣдуетъ запретить тамъ музыку, пѣсни, а главное продажу спиртныхъ напитковъ и, разумѣется не только запретить, но и строжайше слѣдить за исполненіемъ, подвергая самому строгому взысканію какъ гнусныхъ хозяевъ, наживающихъ громадныя дома этимъ подлымъ промысломъ, такъ и гостей ослушниковъ. Если же къ этому прибавить разсѣяніе этихъ злчныхъ мѣстъ по разнымъ болѣе глухимъ и отдаленнымъ улицамъ, то все приметъ болѣе скромный и секретный видъ. А теперь въ этомъ почти особомъ городѣ пьяныя оравы всю ночь таскаются изъ дома въ домъ, уже не вслѣдствіе требованій своей жалкой натуры, а просто по инерціи. Да, матушка Москва, благочестивая старушка, сбрось съ себя этотъ позоръ! Очистилъ же твой младшій братъ одну изъ срединныхъ своихъ частей отъ этой грязи; а твоя „Труба“ не менѣе срединна.

XVIII. ТВЕРСКІЯ ВОРОТА.

Теперь вернемся къ Тверскимъ воротамъ. Какъ сказано было выше, памятники достойнымъ представителямъ русской изящной словесности могутъ удобно размѣститься на Тверскомъ бульварѣ за памятникомъ Пушкину. Противоположная сторона—Страстной бульваръ давно уже указывалась, какъ мѣсто для памятника незабвенному Минину нашего вѣка—Каткову. Удивительна апатичность русскихъ людей: поднесли чернильницу „макающему въ разумъ“, потолковали объ удобномъ мѣстѣ для памятника и успокоились. Или, можетъ быть, это боязнь предъ кричащимъ ничтожествомъ; тогда это во сто разъ хуже перваго. Или еще такъ сильно у насъ вниманіе къ тѣмъ, которые пробовали было закидать грязью великаго сына Россіи,—хотя, конечно, эта грязь не приставала къ нему, а, отскакивая, ложилась цѣликомъ на бросавшихъ, гдѣ и поднесъ пребываетъ. Именно теперь, когда Пожарскому нашихъ дней только что открыть памятникъ на мѣстѣ его дѣятельности, въ Вильнѣ слѣдуетъ безотлагательно приступить къ соору-

женію и другаго парнаго ему на Страстномъ бульварѣ также вблизи мѣста плодотворной дѣятельности—М. Н. Каткову.

Статую должно выдвинуть къ самой площади, противъ Пушкина, подъ сѣнь крестовъ монастырскихъ храмовъ. На стѣсненіе бульвара въ этомъ мѣстѣ указывать нельзя, такъ какъ тутъ могъ бы помѣститься цѣлый домъ какъ это видимъ на другихъ бульварахъ, гдѣ остаются для пѣшеходовъ только узкіе тротуары; а здѣсь съ обѣихъ сторонъ остались бы довольно широкія аллеи. Несообразности съ колокольною тоже не будетъ: во первыхъ памятникъ долженъ быть темный, а монастырскія зданія свѣтлыя; во вторыхъ узкая и высокая верхняя часть колокольни будетъ даже соотвѣтствовать статуѣ въ общихъ прямолинейныхъ очертаніяхъ. Въ готической громадѣ не пропадетъ ни одна башенка; а у самыхъ входовъ огромныхъ зданій ставятся статуи почти вплотную и отъ этого они не дѣлаются незамѣтными. Да если бы и въ самомъ дѣлѣ памятникъ немного терялъ отъ окружающихъ построекъ, то этому нельзя придавать значенія. Иначе въ послѣдствіи, когда памятниковъ будетъ больше, сдѣлается совсѣмъ невозможнымъ

подысканіе имъ мѣста. Во всякомъ случаѣ эта колокольня не Храмъ Спасителя и памятника она не придавить.

За этимъ памятникомъ, по Страстному бульвару на подобіе противоположной стороны, могли бы стать фигуры публицистовъ, ученыхъ и т. п. дѣятелей. Впрочемъ послѣднихъ лучше ставить около университета, но при условіи видимости съ Тверской. Конечно полныя статуи потребовали бы огромныхъ затратъ; но можно ограничиться поясными бюстами на подобіе Ломоносова. На переднемъ же мѣстѣ противъ Пушкина должна стоять непременно полная статуя и эта статуя должна быть непременно Каткова. Тогда эта площадь получить глубокій смыслъ: съ одной стороны пламенный „пѣвецъ свободы“, съ другой—суровый защитникъ цѣлости отечества, подъ сѣнью православнаго креста—изобразять ту гармонію жизни, которая составляетъ достояніе всякаго великаго народа.

Послѣ Каткова можно бы здѣсь вспомнить и о Карамзинѣ не за одну его „Исторію“, но и за то знаменитое письмо, которое спасло Россію отъ разложенія, — что особенно

подходило бы къ настоящему истинно русскому времени, во многомъ противоположному тому.

При появленіи на этихъ бульварахъ еще другихъ памятниковъ, какъ было сказано, такой смыслъ сталъ бы еще полнѣе. Писали, что на одной изъ заграничныхъ русскихъ церквей поставленъ крестъ совершенно новаго устройства, изъ хрустальныхъ призмъ, производящихъ необыкновенный эффектъ при солнечномъ освѣщеніи. Если это дѣйствительно вѣрно, то подобное устройство не мѣшало бы повторить на колокольнѣ Страстнаго монастыря: внизу среди зелени видны изображенія представителей русской мысли и вдохновенія, а вверху среди лазури сіяетъ крестъ всѣми цвѣтами свѣта. Кстати: кому помѣшалъ оригинальный бой часовъ каждую минуту, который былъ на этой колокольнѣ еще не очень давно? Какъ большую рѣдкость его слѣдовало бы сохранить. А если эта площадь когда нибудь преобразуется по предложенному плану, то такой бой могъ бы имѣть здѣсь еще особое значеніе, какъ непрестанный призывъ къ молитвѣ не въ храмѣ только, а подъ открытымъ небомъ, взирая на лики прославившихъ Бога на землѣ.

ХІХ. ТВЕРСКАЯ-ЯМСКАЯ.

Проходя по намѣченной линіи далѣе, скоро выходимъ изъ узкой Тверской на большую площадь, а потомъ на широкую улицу, гдѣ довольно простора. Вдали Триумфальныя ворота—побѣдоносному Русскому воинству. По обѣ стороны зданія посредственныя, а мѣстами и совсѣмъ плохія. Но здѣсь слѣдуетъ указать на одно обстоятельство. Скоро будетъ поставленъ новый храмъ на Міусской площади, который будетъ не просто храмъ, а еще и историческій памятникъ. Такъ какъ всѣ подобныя памятники,—если вышеизложенныя соображенія вѣрны,—по возможности должны быть видимы съ главной линіи, то и это новое сооруженіе должно удовлетворять требуемому условію, такъ какъ это вполне возможно. Міусская площадь не очень далека отъ Тверской-Ямской, мѣстность здѣсь ровная и при ширинѣ соединяющей улицы новый храмъ отсюда можетъ быть очень хорошо видѣнъ. Нужно только позаботиться объ этой соединяющей улицѣ и привлечь на нее вниманіе со стороны Тверской. Для этаго начало ея у Тверской слѣдуетъ отмѣ-

титъ чѣмъ нибудь выдающимся. Напримѣръ, устроить здѣсь площадь съ воротами по срединѣ, или лучше съ двумя столбами по бокамъ входа въ улицу, обсадить деревьями, но не посрединѣ конечно, а только по тротуару; самую улицу лучше оставить безъ деревьевъ, что бы не закрывать вида на церковь. Тогда этотъ важный историческій памятникъ уже не будетъ стоять въ глуши, какъ это можетъ теперь показаться; напротивъ—онъ окажется на одномъ изъ лучшихъ мѣстъ города. Самое расположеніе храма относительно Востока, хотя не вполне благопріятствуетъ симметріи, но все же довольно выгодно,—такъ какъ главный входъ будетъ видѣнъ отъ соединительной улицы, а слѣдовательно и отъ Тверской.

Самая же Тверская, или съ прибавленіемъ—Ямская въ ожиданіи будущихъ благъ, т. е. пришествія московскихъ крезовъ съ ихъ удивительными палатами, пока довольствуется скромнымъ украшеніемъ изъ зелени: по обѣимъ сторонамъ идутъ въ линію деревья. Это по сравненію съ палисадниками Садовыхъ улицъ лучше только потому, что такіа деревья не закрываютъ много домовъ и даютъ болѣе простора на улицѣ; но за то

далеко не имѣютъ того пріятнаго вида и чистаго воздуха въ лѣтніе дни, какъ на Садовыхъ. По этому при достаточной ширинѣ улицы слѣдуетъ отдать предпочтеніе палисадникамъ, разумѣется толково устроеннымъ. Но увы! Садовыхъ скоро не будетъ. Алчущіе и жаждущіе неправды, какъ извѣстно, не могутъ насытиться. Неистощимость изобрѣтательности въ области хищеній выразилась здѣсь еще остроумнѣе чѣмъ въ выдающихся крыльцахъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, думаютъ беспокойные люди, склонные видѣть хищеніе даже тамъ, гдѣ представители городовъ ничего запретнаго не находятъ и гдѣ слѣдовательно, въ сущности никакого хищенія нѣтъ,—потому что кому же какъ не представителямъ судить объ этомъ. Они люди вполне безпристрастные, строгіе и разумные судьи. Нѣкоторые изъ нихъ доходятъ до того, что даже выдающіяся крыльца признаютъ за захватъ чужаго. Но тутъ въ Садовыхъ палисадникахъ ничего нѣтъ такого. Я въ своемъ уличномъ палисадникѣ, безпрекословно подчиняясь городскимъ требованіямъ, устраиваю какъ слѣдуетъ рѣшетчатую загородку и только съ внутренней стороны,—замѣтьте: съ внутренней, т. е. съ

моей, а не съ наружной, общественной,—набиваю вплотную доски. Ужъ это совсѣмъ пустяки. У кого же я тутъ что нибудь отнимаю? Кто упрекнетъ меня въ хищеніи? Къ сожалѣнію такія здравыя мысли, оспариваются упрямыми людьми, разумѣется не имѣющими ни домовъ, ни палисадниковъ. Эти люди говорятъ, что уличный палисадникъ не есть полная собственность домовладѣльца. Такіе палисадники устраиваютъ для украшенія улицъ, для освѣженія воздуха растеніями и какъ защита отъ пожаровъ. Для этого изгородь должна быть не много ниже средняго роста человѣка—по грудь или по плечи, никакъ не болѣе и не премѣнно съ отверстіями, общая площадь которыхъ должна быть болѣе площади глухихъ мѣстъ и въ крайнемъ случаѣ равна ей, но никакъ не менѣе. Глухой же и высокій заборъ, хотя и разукрашенный снаружи рѣшетками, чтобы только отвести глаза или заговорить зубы, противорѣчитъ здравымъ понятіямъ объ уличныхъ палисадникахъ. Если допустить такіе заборы, то красивѣйшія улицы, какими обыкновенно бываютъ садовыя, превратятся въ безобразныя, глухія, а ночью даже опасныя. Въ гигиени-

ческомъ и пожарномъ отношеніи, пожалуй, почти все равно; но только—почти,—потому что глухой высокій заборъ не пропуститъ столько чистаго воздуха и аромата цвѣтовъ, сколько низкая рѣшетка. Повалить заборъ домашними средствами тоже труднѣе, чѣмъ рѣшетку, и онъ дастъ болѣе горючаго матеріала. Кромѣ того: что будутъ дѣлать изобрѣтательныя хозяева подъ такими закрытіями? При маніи наживы, почему не быть тутъ складу дровъ, курятнику и другимъ полезнымъ приспособленіямъ? Это будетъ очень выгодно, потому что надворныя постройки тогда обратятся въ квартиры.

Въ одномъ изъ губернскихъ подмосковныхъ городовъ превращеніе уличныхъ палисадниковъ въ закрытыя помѣщенія приняло широкіе размѣры. Началь представитель служебнаго міра; это понравилось сосѣду купцу, потомъ еще очень многимъ и всѣ они тщательно загородились досками отъ улицы, оставивъ снаружи требуемая рѣшетки. Но всѣхъ ихъ превзошелъ членъ Ѳемиды: онъ соорудилъ противъ одной изъ болѣе посѣщаемыхъ церквей, какъ разъ противъ входа нѣчто въ родѣ острожнаго забора необычайной высоты, даже не считая нужнымъ скрасить его

форменной загородкой, какъ у товарищей по искусству. Впрочемъ съ перемѣной властей все это кажется пойдетъ на убыль. А то все съ рукъ сходило, потому—все были люди свои, дѣла велись по семейному. „Я вотъ хочу деревянный сарай поставить—сказалъ одинъ домохозяинъ—да по закону то на этомъ мѣстѣ нельзя, такъ вотъ я и иду поговорить“. Поговорилъ и поставилъ сарай. А о заборахъ стоитъ ли и разговаривать, довольно только глазкомъ подмигнуть.

Нашелся одинъ отступникъ и вмѣсто курятника и грядъ капусты, устроилъ прекрасные цвѣтники за открытыми рѣшетками на удовольствіе свое и проходящихъ; но вмѣсто вполне заслуженной благодарности его наградили подсмѣиваніемъ, потому что этотъ примѣръ могъ открыть глаза тѣмъ, у кого они закрыты умышленно или не умышленно.

Любителей глухостѣнія отчасти можно оправдать тѣмъ, что въ иныхъ городахъ разгуливаетъ на свободѣ множество козъ и толпы самыхъ отчаянныхъ мальчишекъ. Но отъ козъ можно отверстія сдѣлать поуже, если уже имъ необходимо дать человѣчес-

кую свободу; а отъ мальчишекъ, такъ и быть, поднять заборъ выше нормы и пожалуй увѣнчать его острыми зубцами, да не сажать близко акаціи, чтобы не приманивать ихъ на скотскій кормъ.

Такая прогулка по другому городу для этой статьи была бы не умѣста, если бы въ самой Москвѣ не было такихъ же заборовъ, хотя не настолько безобразныхъ снаружи; но настолько же непроницаемыхъ вовнутрь. А въ главной столицѣ половина большаго Васильевского проспекта, ближе къ гавани почти сплошь устроена такъ. Гдѣ-же послѣ этого винить бѣдную провинцію? Впрочемъ можетъ быть на этотъ предметъ не существуетъ точныхъ правилъ, тогда конечно ни кто не виноватъ, за исключеніемъ тѣхъ, кто имѣетъ власть составить ихъ, но не дѣлаетъ этого. Стоило-ли такъ много распространяться о такихъ пустякахъ, какъ палисадники? Стоило. Именно о такихъ то пустякахъ и стоило. На сильныя уклоненія обрѣзаютъ вниманіе всѣ и стараются ихъ исправить. А на такія—или посмѣются, или выругаются сами съ собой и сейчасъ же забудутъ, или чаще не обратятъ никакого вниманія. А въ самомъ то дѣлѣ это не совсѣмъ пустяки.

Кстати еще малость о Москвѣ. Кромѣ указанныхъ есть еще безобразія совсѣмъ невинныя, которыхъ допускать все таки не слѣдуетъ. Сюда относятся, напримѣръ, косыя вывѣски;—т. е. сами то вывѣски обыкновенныя, но прикрѣплены подъ косою скать крыши, параллельно ему на боковой стѣнѣ, или сверху. (Напр. Петровка и Кузнецкій м.) Если-бы при такомъ расположеніи самыя буквы и боковые края рамы были вертикальны, то это даже красиво. Безъ этихъ же условій вывѣска напоминаетъ оторвавшуюся и повисшую на одной петлѣ дверь, свидѣтельствую о неряшливости тѣхъ, до кого это касается. Не мало найдется и еще чего нибудь и въ томъ и въ этомъ родѣ, но говорить обо всемъ слишкомъ долго.

ХІХ. ЗА ТРИУМФАЛЬНОЙ АРКОЙ.

Далѣе за Триумфальной аркой идетъ тройной конный путь съ четырьмя пѣшеходными дорожками. Это очень широкая прямая улица могла бы и должна бы быть однимъ изъ красивыхъ мѣстъ города; но содержится она далеко не въ томъ направленіи. Еще недавно

писалось, что старыя тѣнистыя деревья ея могутъ скоро погибнуть, но не отъ старости, а отъ ухода. Съ другой стороны нельзя не вспомнить съ благодарностью о стараніяхъ города сохранить чудный Петровскій паркъ въ его нынѣшнемъ видѣ. Грустно было бы и для жителей Москвы и для гостей ея, если бы этотъ паркъ пошелъ по стопамъ стараго Эрмитажа. У Вѣны—Прагеръ, у Парижа—Булонскій лѣсъ. Неужели у Москвы не останется обширнаго, достойнаго русской столицы парка? Ни Сокольники, ни Воробьевы горы не въ состояніи замѣнить его по своему глухому расположенію. А этотъ паркъ въ концѣ прямой и широкой улицы, за Триумфальной аркой напоминаетъ современную столицу міра. (А какая-будетъ въ будущемъ — неизвѣстно). Нельзя также не быть благодарнымъ городу и за безусловный отказъ въ проведеніи паровой желѣзной дороги передъ самыми Триумфальными воротами. Хотя всякіе строители, въ томъ числѣ и желѣзно-дорожные конечно, вообще отличаются очень большой свободой; но безъ застѣнчивой развязностью ихъ въ данномъ случаѣ все таки нельзя не подивиться, „Да, вѣдь иначе никакъ нельзя; куда же мы дѣ-

немся?“—говорить Брестская дорога. Ну, лѣзь подь землю, или иди въ обходъ Петровскаго дворца; но не посягай на красоту коронаціоннаго вѣзда!

И такъ подошли къ концу или вѣриѣ къ началу разбираемой линіи: Петровскій дворецъ—начальная точка торжественнаго вѣзда. Самый дворецъ среди зелени очень живописенъ; но мѣстность противъ него представляетъ пустое пространство съ одной стороны застроенное торговыми палатками около станціи конки. Видъ всего этого самый печальный и ужъ никакъ несоотвѣтствующій виду дворцовой стороны. Между тѣмъ здѣсь можно бы установить равновѣсіе, не прибѣгая исключительно къ украшеніямъ и не заслоня вида на Ходынское поле изъ оконъ дворца. При опредѣленіи условій мѣста для памятниковъ было сказано вообще, что чѣмъ большее значеніе они имѣютъ, тѣмъ ближе къ центру они должны находиться. Но это относилось только въ такой линіи, которая будучи очень важной въ центрѣ, сводится къ нулю при другомъ концѣ ея. Здѣсь же это совсѣмъ не такъ: здѣсь и начало, хотя не настолько велико, какъ конецъ, все-же велико—это царское мѣсто передъ вѣздомъ

въ Москву и еще—это военное поле, гдѣ каждое лѣто собираются войска въ большомъ количествѣ. Слѣдовательно это самое лучшее мѣсто Москвы для памятниковъ боевымъ героямъ. Здѣсь они будутъ съ одной стороны стоять и по смерти на стражѣ у Царя, а съ другой вдохновлять будущихъ героевъ. Можетъ быть и Гренадерскій памятникъ было бы лучше поставить здѣсь, а не на Ильинской площади въ центрѣ торговой суеты и шума.

Въ скоромъ времени предполагается соорудить памятникъ славному Суворову. Мѣсто для него, какъ и вообще для всякаго воинскаго памятника должно удовлетворять двумъ требованіямъ: общему—быть по среди наибольшаго скопленія народа и специальному—быть въ виду наибольшаго числа войскъ. Обоимъ условіямъ удовлетворяетъ только Москва и именно въ указанномъ мѣстѣ. Петербургское Красное Село не составляетъ части столицы, а потому отвѣчаетъ только второму требованію; самый Петербургъ—по преимуществу только первому; его Марсово поле—хотя и обоимъ, но на очень короткій срокъ, Москва же соединяетъ и то и другое съ прибавленіемъ еще третьяго,

исключительно Московскаго. Кромѣ того Петербургъ изобилуетъ такими памятниками; Москва же не имѣетъ еще ни одного, если не считать Пожарскаго. По этому желательно, чтобы Суворовъ положилъ здѣсь начало, а послѣ дѣло разовьется и далѣе. Если новый памятникъ будетъ поставленъ въ сѣверной столицѣ, то хотя старый отсюда не мѣшало бы перевести въ первопрестольную.

Если памятники ставить около главныхъ линій народнаго движенія, то и на оборотъ новые пути, въ предѣлахъ возможнаго, слѣдуетъ вести около великихъ памятниковъ, если они или по своему устройству или по связи съ мѣстомъ не могутъ сами быть передвинуты. Напримѣръ, желѣзная дорога прошла недалеко отъ величайшаго военнаго памятника на Бородинскомъ полѣ,—но такъ что его почти не видно изъ вагоновъ. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что просвѣщенные строители считали его ничтожествомъ, нестоющимъ того, чтобы о немъ думать. Между тѣмъ конечно ничего бы не стоило для такого много-милліоннаго сооруженія проложить рельсы подлѣ самой колонны. И теперь можно бы чтонибудь при-

думать для привлеченія вниманія пассажи-
ровъ къ этому славному полю, безъ помощи
пальца кондуктора.

XX. ВТОРАЯ ЛИНІЯ. ПРУДЫ.

Такимъ образомъ мы осмотрѣли весь ве-
ликій путь Москвы отъ Петровскаго дворца
до дворца Кремлевскаго. Но великій городъ
конечно не можетъ исчерпываться одной
линіей, какъ бы ни была она велика и по
назначенію и по размѣрамъ. Должны быть
и другія, если не настолько великія, то все
же очень большія. На второе мѣсто, послѣ
разсмотрѣннаго, безспорно перваго радіуса,
слѣдуетъ отнести новый путь къ новой сто-
лицѣ. Разсмотримъ этотъ второй радіусъ
Москвы въ томъ порядкѣ, въ какомъ онъ
представляется проѣзжающимъ, т. е. отъ
окраины къ центру; при чемъ, какъ и прежде,
позволимъ себѣ боковыя отступленія, если
это окажется подходящимъ.

Раньше, до проведенія Николаевской же-
лѣзной дороги обѣ столицы встрѣчали другъ
друга съ одинаковымъ почетомъ: и здѣсь и
тамъ Триумфальныя ворота, далѣе улицы

почти одинаково оживленные, почти одинаково прямые вели къ обоимъ центрамъ. Съ проведеніемъ желѣзнаго пути это равновѣсіе съ обѣихъ сторонъ сильно пошатнулось. Петербургъ принялъ Москву прямо на свою лучшую улицу, на площадь съ видными зданіями, съ красивымъ храмомъ, къ сожалѣнію въ настоящее время попорченнымъ. Неужели у Петербурга не нашлись средства къ сохраненію прежнихъ золотыхъ полось по бѣлому куполу, прекращенному теперь въ сплошной сѣрый цвѣтъ? Должно быть не Петербургу заботиться о храмахъ. Хотя бы теперь съ постановкой здѣсь новаго памятника позаботились о возвращеніи прежней красоты этому храму. И такъ новая столица приняла старую болѣе чѣмъ въ приличномъ видѣ. На оборотъ выходило совсѣмъ напротивъ: старушка приняла наряднаго юнца не умытая, не чесаная, въ рваномъ кухонномъ капотѣ, на грязныхъ площадяхъ, по среди безконечныхъ складовъ дровъ и угля, еле прикрытыхъ дырявыми заборами. Теперь не то: старушка умылась, нарядилась для пріема сѣверныхъ гостей и гостей заграничныхъ, часто прибывающихъ и съ этой стороны. Первая площадь обстроилась, укра-

силась зеленю; вторая покрылась садомъ. Прежніе заборы кое гдѣ еще есть, но надо надѣяться, что и они скоро исчезнутъ. Вообще взоры гостей встрѣчаютъ много наряднаго разнообразія даже еще до подѣзда. Еще изъ оконъ вагона видны съ одной стороны двѣ массивныя башни водопровода (жаль, что безъ предполагавшагося мостового соединенія), а съ другой Красный прудъ живописно разстилающійся среди зелени и строеній. Впрочемъ часть его уже засыпана и есть предположеніе засыпать его весь.

Засыпка прудовъ и закрытіе рѣчекъ практикуется Москвой въ послѣднее время весьма часто. Засыпаются малые пруды, засыпаются и большіе, напримѣръ Самотекскій. Такое повальное уничтоженіе водныхъ пространствъ нельзя считать хорошимъ дѣломъ, особенно въ Москвѣ, не богатой водой. Если заброшенные, загрязненные пруды издають въ жару зловоніе, то это зло далеко не такое, чтобы съ нимъ нельзя было справиться: стоитъ только не допускать заброшенности и загрязненія. Конечно для этого нужны средства, но не настолько же большія чтобы такой обширный и богатый городъ, какъ Москва не могъ найти ихъ. Между тѣмъ

пруды имѣютъ много незамѣнимыхъ достоинствъ. Прежде всего они украшаютъ мѣстность и сами собой и расширеніемъ вида. Полная красота всякаго пейзажа, включая стройку, состоитъ изъ горъ, воды и зелени. Горы строить конечно нельзя, если не считать таковыми игрушечныя насыпи въ родѣ петербургской въ Александровскомъ саду. Пруды тоже пожалуй игрушечныя воды, но они среди зелени значительно оживляютъ ландшафтъ. Самотекскій прудъ былъ очень красивъ особенно потому, что на дальнемъ берегу его приходилась большая возвышенность, увѣнчанная церковью. Берега Краснаго пруда болѣе ровные, но отражающіяся въ немъ зданія желѣзной дороги и бульваръ недавно устроенный дѣлаютъ всю эту мѣстность живописной. Прежде на мѣстѣ этого бульвара стоялъ высокій глухой заборъ, такъ что одинъ изъ лучшихъ прудовъ города былъ закрытъ для проходящихъ. Теперь онъ открылся, украсился, но только для того, чтобы совсѣмъ исчезнуть. Вода лѣтомъ украшаетъ мѣста прогулокъ, а зимой даетъ возможность покататься.

Кромѣ этого открытая вода имѣетъ много и прозаическихъ достоинствъ. Наши пра-

дѣды вырывали пруды не для украшенія, но для пользы. И въ пожарномъ и въ хозяйственномъ отношеніи очень важно имѣть подъ руками, кромѣ колодезей и крановъ, еще обширныя пространства воды, пользование которыми было бы доступно сразу большому числу людей. Затѣмъ есть и гигиеническая польза: на сколько вредны вонючія испаренія, на столько же полезны испаренія чистой воды, которая будучи окружена деревьями въ жаркіе дни умѣряетъ разслабляющую сухость воздуха. И не только для людей, но и для животныхъ живущихъ съ нами, слѣдовательно заслуживающихъ нашихъ заботъ о нихъ, открытая вода еще болѣе необходима, особенно въ лѣтній зной, когда эти несчастныя безмолвныя существа терпятъ большія муки. Помнится, засыпался какой то небольшой прудъ, гдѣ то на Балканахъ. Съ воевъ валили груды щебня. Оставался уже небольшой уголокъ воды, а съ нее не хотѣли уходить уточки. Они тревожно плавали туда и сюда, со страхомъ поглядывая на поднимающіяся горы и конечно понимая, что настаетъ конецъ ихъ приволью. Пруды нельзя дѣлать вездѣ, но изъ этого не выходить, что они недожны быть нигдѣ. Въ Москвѣ

очень мало водъ, а потому слѣдовало бы прибавлять къ старымъ новыя, чѣмъ уничтожать ихъ вовсе и не закрывать глухими заборами, какъ было съ Краснымъ прудомъ, какъ есть и теперь на Прѣсененскихъ. Ни какія заведенія, ни какіе сады не оправдываютъ такого закрытія безусловно общей собственности.

Красный прудъ слѣдовало бы только немного уменьшить съ трехъ сторонъ исключая главную—уличную и развести кругомъ сплошные сады. Это было бы одно изъ лучшихъ мѣстъ отдыха и гулянья и обширный резервуаръ чистаго, здороваго воздуха. А застройка его, какъ предполагается, есть служеніе золотому тельцу. Тѣснота никогда нежелательна, а при нынѣшнихъ улучшенныхъ способахъ передвиженія, тѣмъ болѣе не есть необходимость. Но Москва, какъ тупая, упрямая старуха,—однако себѣ на умѣ,—затвердила одно: „и въ санитарномъ отношеніи полезно.“ Почему же не говорить этого Варшава съ болѣе продолжительнымъ и жаркимъ лѣтомъ и сохраняетъ свои прекрасные пруды? Говорятъ, что всѣ эти засыпатели заботятся только о себѣ: засыпка

дѣло легкое и денежное. Не беремся за рѣшеніе этого вопроса. Однако еще разъ возвращаясь къ Красному пруду, можемъ спросить: отчего дано предпочтеніе засыпкѣ передъ очисткой, хотя послѣдняя по смѣтамъ выходила дешевле первой? есть-ли уже теперь кандидаты на покупку, имѣющей образоваться земли? и, если есть, то въ какомъ соотношеніи они находятся къ вершителямъ этого дѣла? Вопросы не важные, и вѣрное рѣшеніе ихъ можетъ быть будетъ вполне успокоительнаго характера. Но чѣмъ чаще и чѣмъ больше будетъ задаваться такихъ вопросовъ, тѣмъ, говоря вообще, скорѣе городское самоуправленіе вырвется изъ рукъ тѣхъ, кто не способенъ стоять на такой высотѣ.

Теперь дошла очередь и до Патріарнаго пруда. („Русс. Сл.“ 1901 № 71) Сперва была назначена комиссія, которая увидала, что въ этотъ прудъ валять всякія и ужъ безъ сомнѣнія разлагающіеся (нечего и прибавлять) отбросы, что въ него направлены стоки уличной грязи и что тамъ прямо на льду устроены даже отхожіе мѣста (комиссія изъ деликатности назвала ихъ уборными). Потомъ, по полученіи такого заявле-

нія, пробы воды и пробы ила были представлены для анализа на санитарную станцію,—вѣроятно въ надеждѣ, что станція найдетъ и то и другое прекрасными. И наконецъ было поручено составить смѣту. Вотъ оно что! Зачѣмъ же такая длинная канитель. Смѣту, такъ смѣту!

XXI. ФОНТАНЪ. КРАСНЫЯ ВОРОТА. МЯСНИЦКАЯ.

Возвращаемся на Вокзальную площадь. Теперь она довольно красива, какъ и все послѣдующее за ней, если не смотрѣть на заборы дровяныхъ дворовъ. Затѣмъ слѣдующій новый садъ на бывшей базарной площади тоже производитъ благопріятное впечатлѣніе на пріѣзжающихъ. Но все это весьма обыкновенно и однообразно; а Петербургскихъ гостей слѣдовало бы встрѣтить какъ нибудь по особенному. Вотъ здѣсь, именно въ этомъ саду какъ будто недостаетъ какого-то украшенія, можетъ быть фонтана. При словѣ „фонтанъ“ обыкновенно воображается большой, пустой, круглый бассейнъ съ торчкомъ по срединѣ, изъ котораго при особенно торжественныхъ случаяхъ взвивается кверху струя воды. Такого фонтана ставить конечно

не стоитъ. Для пріисканія наиболѣе подходящей формы рѣшимъ: какой фигурой можетъ быть изображена сама Москва? Обыкновенно ее называютъ старушкой,—такъ съ общаго голоса она называлась и здѣсь. Но это невѣрно. Конечно, если ее сравнивать съ обыкновенными старухами, то она окажется старухой изъ старухъ, такъ сказать библейской старухой. Но если ее сравнить съ однородцами, Іерусалимомъ, Римомъ то она явится юной, только что разцвѣтающей красавицей. Даже оставивъ сѣдовласыхъ иноземцевъ и обратясь къ роднымъ Кіеву, Новгороду, видимъ что и здѣсь она совсѣмъ не старушка, а женщина въ самомъ разгарѣ силъ. Таковой и изобразимъ ее на предлагаемомъ фонтанѣ.

Для подысканія подходящей формы резервуару, предмету хозяйственному, поищемъ, что всего типичнѣе изобразило бы домашнюю хозяйственную обстановку матушки Москвы. При этомъ невольно приходится остановиться на излюбленномъ самоварѣ, дающемъ намъ столько отрадныхъ минутъ отдыха и послѣ снѣжной мятелицы и подъ душистую вѣтку сирени, и пользующимся извѣстностью далеко за предѣлами Россіи. Въ Вѣнѣ одна изъ

лучшихъ гостинницъ объявляетъ, что у ней имѣются русскіе самовары, за которые взимается каждый разъ почти по рублю (гульденъ). Въ Парижѣ на предпоследней выставкѣ стоялъ цѣлый рядъ самоваровъ. Этотъ знаменитый російскій сосудъ пользуется иногда даже грозной славой. Въ одномъ изъ путешествій по Индіи разсказывается сцена на базарѣ. Торговецъ индусъ среди разной разности поставилъ и самоваръ, можетъ даже и не зная, что эта за штука. Англійскій полицейскій замѣтилъ это и, указывая на него, грозно воскликнулъ: „Москва!“ „Москву“ тотчасъ же прикрыли и кажется совсѣмъ унесли съ рынка. Послѣ этого какъ же Москвѣ не поставить самовара на самомъ видномъ мѣстѣ себѣ на радость и на страхъ врагамъ. Вотъ здѣсь и есть ему мѣсто на глазахъ Петербургскихъ и Европейскихъ гостей.

Такимъ образомъ предлагаемый фонтанъ очерчивается въ такомъ видѣ: въ передней части сада у самой улицы полная, молодая, красивая женщина въ русскомъ нарядѣ—въ сарафанѣ и кокошникѣ, съ обиліемъ бусъ на открытой шеѣ—одной рукой придерживаетъ или опирается на большой самоваръ, изъ крана котораго постоянно течетъ вода

въ какое либо помѣщеніе, а другую руку—
весьма кстати по расположенію улицы—
правую протягиваетъ для привѣтствія го-
стямъ. Такая фигура была бы много кра-
сивѣе разныхъ давно приглядѣвшихся не-
птуновъ и русалокъ, а тѣмъ болѣе пустого
сковородообразнаго резервуара. Здѣсь можно
бы приладить кружки на цѣпочкахъ для
прохожихъ и такимъ образомъ соединить
пріятное съ полезнымъ. Фонтанъ этотъ
тѣмъ болѣе желателенъ, что иначе здѣсь
появится статуя какого нибудь знаменитаго
человѣка, безъ сомнѣнія не имѣющаго ни
малѣйшей разумной связи съ этимъ мѣс-
томъ,—но за то по указанію цѣлаго сонма
ученыхъ.

Тогда этотъ садъ соответствовалъ бы
петербургскому Аничкину мосту, за которымъ
идутъ тамъ выдающіеся сооруженія Невскаго
проспекта съ иглой Адмиралтейства вдаль.
Здѣсь же Красныя ворота и хотя вдали, но
ясно видимая Сухарева башня. Надо на-
дѣяться, что Красныя ворота на всегда оста-
нутъ такими и не будутъ больше, вслѣд-
ствіе глубокомысленныхъ изысканій, давать
повода опереточнымъ куплетистамъ пѣть о
зеленыхъ красныхъ воротахъ, какъ весьма

основательно случилось при Родонѣ. Кромѣ того слѣдуетъ пожелать, чтобы они въ торжественные дни не теряли своего вида; а то бывало не одинъ разъ они превращались въ безобразную груду досокъ и бревенъ,—это для иллюминаціи. Особенно безобразна была эта груда, сколько помнится, при вѣздѣ Австрійскаго императора, случившагося днемъ. Дальнѣйшій путь къ срединѣ города протекаетъ по Мясницкой улицѣ, хотя и не широкой, но все же значительно расширенной противъ недавняго прошлаго. Въ то время дома здѣсь выдвигались на средину улицы одинъ за другимъ въ нѣсколько уступовъ и до крайности стѣняли движеніе. Случилось однажды проѣзжать здѣсь ночью; вдругъ лошадь остановилась; сквозь тьму можно было рассмотреть, что она уперлась въ стѣну, налѣво тоже стѣна, направо груды земли и рогатка съ едва мерцающимъ фонаремъ. „Что такое?“ спросилъ сѣдокъ. „Это регулированіе“ отвѣчалъ просвѣщенный извозчикъ. Было ли то регулированіе или нормальное состояніе тогдашнихъ улицъ,—за темнотой осталось не выясненнымъ. Ясно только то, что все это отошло въ область прошлаго.

Изобилующая большими красивыми зданиями Мясницкая улица приводит наконецъ къ центральной группѣ московскихъ площадей, подобно тому какъ Невскій проспектъ приводитъ къ подобной же группѣ Петербурга. Если пройденный путь Москвы безъ всякаго спора долженъ уступить пальму первенства грандіозному Невскому, то центральная система Московскихъ площадей по красотѣ и разнообразію не только не уступаетъ, но даже превосходитъ Петербургскую. Величественныя зданія Кремля и Китай-города, большой театръ, вдали весь въ зелени музей или Пашковъ домъ, какъ его и теперь еще называютъ старые люди и громадный сіяющій храмъ Спасителя. Тѣмъ не менѣ здѣсь еще многого можно пожелать. Остановимся на Театральной площади.

XXII. ТЕАТРАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ.

Прежде всего конечно слѣдуетъ желать, чтобы она никогда не покрывалась не только домами, но даже и садомъ, какъ о томъ говорятъ и пишутъ иные, увѣряя, что это есть „горячее желаніе москвичей.“ Конечно какъ москвичи, такъ и желанія разныя бы-

вають. Дайте только волю—и вся площадь покроется разными гостинницами, пассажирами и тому подобными источниками наживы, но безъ малѣйшей надежды на пониженіе цѣнъ для обывателей. Желаніе видѣть здѣсь садъ, понятно, безкорыстное, но и оно не безъ грѣха. Закрыть одну изъ роскошныхъ площадей не одной Москвы, но и всей Руси великой, только для того, чтобы укрыться отъ жаркаго солнышка—нерезонъ. Для этого здѣсь есть новый садъ у стѣны, а не далеко и Александровскій. Для чистоты же воздуха существуютъ и другіе средства; а безъ ухода и въ саду ничего не будетъ кромѣ пыли да сухихъ прутьевъ. Лѣтомъ деревья будутъ дробить и закрывать красоту общаго вида, а зимой, изображая одни голые сучья, не представлять ни малѣйшей прелести. Нельзя было бы спорить съ тѣми, кто сказалъ бы, что Петербургъ сдѣлалъ большую ошибку, разбивъ вокругъ Адмиралтейства тѣнистый садъ. Было совершенно достаточно тѣхъ аллей, которыя обрамляли это зданіе. Сады для отдыха и прогулки должны разбиваться на мѣстахъ, не имѣющихъ замѣчательныхъ зданій; тамъ они послужатъ вмѣстѣ съ тѣмъ и украшеніемъ, потому что части обыкно-

венныхъ домовъ, виднѣющіяся сквозь листву, могутъ быть весьма живописны, между тѣмъ какъ жалѣть о неполнотѣ ихъ вида нечего. На такихъ же площадяхъ какъ Адмиралтейская, или московская Театральная, ужь если очень желательны сады, то они должны быть не древесные, а только луговые и цвѣточные съ очень рѣдкими и небольшими группами деревьевъ и кустарника. Такое озеленѣніе дѣйствительно можетъ скрасить общій видъ безъ какого либо ущерба.

Мы вездѣ способны впадать въ крайности: не только въ столицахъ, но и въ небольшихъ городахъ на замощенныхъ улицахъ малѣйшіе признаки травы тщательно истребляются. Корреспонденты на перебой спѣшатъ возвѣстить міру, что въ такомъ то городѣ, на такой то улицѣ появилась трава. Можно подумать, что трава разрушаетъ мостовую, выпирая корнями камни; но знающіе это дѣло люди утверждаютъ противное. Допустивъ, что трава растущая по срединѣ дороги безобразить улицы, если бы она была даже самая низкорослая, какъ напримѣръ подорожникъ; то по линіи тумбъ она во всякомъ случаѣ представила бы прекрасный зеленый бордюръ и вмѣстѣ съ тѣмъ преграду отъ

пыли. Однако она и здѣсь старательно выковыривается по совершенно непонятнымъ причинамъ. Это съ одной стороны; а съ другой—ужь если возмуться за зелень, то совсѣмъ закрываютъ и то, что должно быть обязательно видимо вполнѣ съ разныхъ сторонъ, на далекое пространство. Только иностранный гость указалъ, что памятникъ Петру Великому не совсѣмъ то ловко на глухо запрятали въ деревья, особенно на мѣстѣ созданной имъ столицы. Послѣ этого часть сада была уничтожена; но дѣло улучшилось не слишкомъ много: памятникъ все-таки не видѣнъ съ главной стороны города. А красивая башня адмиралтейства закрыта со всѣхъ сторонъ. Казалось-бы можно прорубить широкія аллеи по нѣкоторымъ направленіямъ. Да не только изображеніе Великаго Императора, но и сравнительно маленькаго баснописца не для чего было ставить такъ, что съ главной аллеи даже по близости оно было совсѣмъ невидно. Пусть не беретъ Москва примѣра съ Петербурга.

Что же касается московской Театральной площади, то разбивка на ней большаго тѣнистаго сада была бы почти преступленіемъ, а сооруженіе зданій безусловно имъ: деревья

еще можно вырубить, а ужъ появившіе дома простояли бы столѣтія. И не только рѣчи не можетъ быть о ея закрытіи, но на оборотъ слѣдовало бы подумать о еще большемъ открытіи ея, о чемъ еще будетъ сказано.

Вышеизложенное пожеланіе для этой площади выражаетъ то, чего не должно быть и чего нѣтъ; затѣмъ пойдетъ рѣчь о томъ, чего не должно быть, но что есть, а также, что должно быть, но чего нѣтъ. Сперва обратимся въ сторону Китай-города. Пестрыя, причудливыя зданія, поднимающіяся изъ-за бѣлой зубчатой стѣны невольно останавливаютъ на себѣ вниманіе не только впервые посѣтившаго первопрестольную столицу, но даже и хорошо знакомаго съ ней. Особенно красивы зеленыя постройки Синодальной типографіи. Но здѣсь то и бросается въ глаза именно то, что ни въ какомъ случаѣ не должно бы появляться. Это полицейская казарма не очень давно построенная. Можно только удивляться, какъ иногда дѣлаются дѣла; только бы скорѣе съ рукъ долой. Самая обыкновенная, чисто казарменнаястройка почти на половину заслонила собой изящное синодальное зданіе. Теперь ее кажется передвинуть, но не вслѣдствіе указанной

причины, а только потому, что она помѣ-
шала гостинницѣ Метрополь. Какая любез-
ность по отношенію къ многомилліоннымъ
компаніямъ! Если ее только передвинуть
по той же стѣнѣ болѣе вправо, то отъ этого
будетъ ни чуть не легче. Если дѣйствительно
она тутъ необходима, то не много подумавъ,
можно все устроить къ обоюдному удоволь-
ствію. Или — оставивъ ее впереди стѣны, дать
ей только одинъ этажъ, чтобы не закрывать
даже зубцовъ стѣны и, такимъ образомъ
болѣе длинную чѣмъ теперь, всю закрыть
садомъ. На тотъ случай, если бы верхи ея
были видимы изъ за деревьевъ, а зимой
это всегда бы такъ было, можно придать
имъ подходящую, на примѣръ, зубчатую форму
и такимъ образомъ получить какъ бы утол-
щеніе самой стѣны снизу. Тогда всѣ эти
постройки, начиная съ казармы и кончая
колокольнями и башнями Китай-города, бы-
ли бы можетъ быть еще живописнѣе. Или —
можно бы эту казарму помѣстить въ кру-
глой башнѣ, выступающей здѣсь, которую
недавно освобождали отъ мусора. Или нако-
нецъ — совѣсть за стѣну на задворки Николь-
ской улицы, продѣлавъ въ стѣнѣ узкій ходъ
на подобіе того, какой изстари имѣется око-

до Третьяковского проѣзда, и прикрывъ его зеленью.

Не только эта казарма, неумѣстность которой слишкомъ очевидна, но даже и весь домъ Метрополя въ настоящее время кажется излишнимъ. Прежде, когда всѣ средніе четыре угла (т. е. этотъ домъ, Малый театръ и два напротивъ у Охотной площади) были вполне симметричны, даже съ одинаковыми выступами у самыхъ угловъ, такъ что представляли какъ бы зеркальное отраженіе одного и того же дома,—зданіе Метрополя было умѣстно. Теперь же, когда эта симметрія давно нарушена, прикрытіе Китайской стѣны дѣлается совершенно ненужнымъ. Вотъ здѣсь дѣйствительно хорошо бы развести тѣнистый садъ. Но объ этомъ теперь думать конечно уже слишкомъ поздно, и если это упоминается, то только для того, что бы указать, что потеряно. Желательно покрайней мѣрѣ, чтобы предполагавшееся уничтоженіе всего задняго корпуса вдоль стѣны и замѣна его бульваромъ непременно состоялась. Если же случится обратное т. е. застройка даже и того вырѣзка площади, гдѣ теперь казарма, новымъ четырехъ этажнымъ зданіемъ, — а

ожидать можно всего,—то придется сильно пожалѣть даже и о казармѣ.

Скоро этотъ „лишній“ домъ перемѣнитъ фасадъ безъ сомнѣнія къ лучшему. Тогда изъ старыхъ четырехъ угловъ только Малый театръ сохранить свой прежній очень тусклый видъ. Но тогда онъ будетъ казаться еще печальнѣе. Конечно нѣтъ надобности его перестраивать заново. Довольно только уничтожить безобразящія его, кое какъ безъ всякаго толку, набросанныя на немъ фальшивыя окна. Нѣтъ сомнѣнія, что расположеніе ихъ вполне обусловлено внутренностью зданія; но до такой степени пренебрегать требованіями внѣшняго вида все-таки невозможно. Съ ними слѣдуетъ распорядиться однимъ изъ двухъ способовъ: или превратить ихъ въ настоящія, прикрывъ ихъ чѣмъ-нибудь внутри, если они тамъ мѣшаютъ; или, придавъ имъ правильное, симметричное расположеніе, обратить въ ниши, гдѣ помѣстить статуи или бюсты достойныхъ артистовъ. Но такихъ изображеній здѣсь было бы очень мало. А между тѣмъ и эти люди, умѣющіе въ сотняхъ и тысячахъ зрителей чуть не каждодневно живымъ словомъ пробуждать чувства добра и красоты, заставлятъ

ихъ плакать и смѣяться, забывать заботы и задумываться, и эти люди, не смотря на свою относительную незначительность, также заслуживаютъ доброй и долгой памяти, хотя-бы болѣе скромной по **сравненію** съ великими двигателями человѣчества.

Было-бы не лишнимъ по линіи всѣхъ трехъ театровъ поставить на высокихъ столбахъ бюсты однихъ только исполнителей артистовъ, подыскавъ для драматурговъ и композиторовъ другія мѣста. А можетъ быть размѣстились-бы они здѣсь всѣ вмѣстѣ, но только съ рѣзкимъ раздѣленіемъ однихъ отъ другихъ. Эти столбы лучше сдѣлать не массивными, а легкими и прозрачными, чтобы ярче выдѣлить самый бюстъ. Такой столбъ могъ-бы состоять изъ четырехъ чугунныхъ тонкихъ колоннъ, на каменной рамѣ, соединенныхъ внизу толстыми рѣшетками, а выше проволочной сѣткой. Внутри можно сажать вьющіяся растенія, что и лѣтомъ будетъ красиво и зимой не худо, вслѣдствіе полного удаленія сухихъ остатковъ. Для такой посадки можно сдѣлать подъ общій рисунокъ мало замѣтную дверку. Краткія надписи размѣстятся по карнизу. Мелкія подробности рѣшетокъ чучше сдѣлать раз-

личными на разныхъ столбахъ, лишь-бы общія, изъ далека видныя черты были одинаковы. Этимъ лучшіе служители театра получаютъ достойную награду отъ признательной публики, а роскошная Театральная площадь сдѣлается еще болѣе роскошной и еще болѣе театральной. Тогда останется на ней только одно пятно—трактиръ Тѣстова; но можно надѣяться, что и оно скоро сотрется.

Противуположная сторона площади у стѣны, уже совсѣмъ не театральная. Всѣ три театра охватываютъ площадь менѣе, чѣмъ на половину. Значить названіе не совсѣмъ удачное. Да и вообще названіе мѣста по окружающимъ зданіямъ не изъ лучшихъ, по крайней мѣрѣ тогда, если это мѣсто отличается очень виднымъ расположеніемъ. Въ этомъ отношеніи только Красная площадь можетъ похвалиться своимъ независимымъ прекраснымъ названіемъ. И такъ на противуположной сторонѣ можно ставить памятники ничего общаго съ театромъ не имѣющіе,—но только статуи, а не музеи, какъ одно время тоже предлагалось и къ великому счастью не осуществилось.

Когда справлялся юбилей славянскоѣ типографіи рѣшили почтить памятникомъ

нашего перваго печатника и предлагали на верху фонтана, помѣщающагося на Театральной площади вмѣсто голыхъ амурчиковъ поставить фигуру отца дьякона. Не говоря о странности такой замѣны и о миловидности амурчиковъ, которыхъ было-бы жаль уничтожить, слѣдуетъ замѣтить, что не стоило думать о фонтанѣ, если тутъ-же есть для этого мѣсто, лучше котораго невозможно отыскать во всемъ городѣ. Вотъ такіе памятники дѣйствительно не только можно, но даже необходимо связывать съ соответствующими зданіями,—во первыхъ потому что они сами по себѣ даже по матеріальнымъ средствамъ не могутъ быть очень выразительны,—а во вторыхъ потому что, поставленные гдѣ нибудь особо отъ подходящихъ зданій, будутъ все таки придавать этой мѣстности нѣкоторую свою окраску, что имъ вовсе не подобаетъ. А потому единственно приличествующее мѣсто для первопечатника—подлѣ зданія Синодальной типографіи. Такъ какъ на Никольской его поставить невозможно по тѣснотѣ улицы, то слѣдовало-бы помѣстить его или на Театральной площади подлѣ самой стѣны подлѣ типографіей на приличномъ возвышеніи,

или за стѣной около Синодальнаго зданія на такой высотѣ, чтобы памятникъ былъ вполне видѣнъ съ этой площади¹⁾. Выбранное-же мѣсто противъ Рождественки лишено внутренняго содержанія и отличается только декоративными достоинствами. Впрочемъ, для такого маленькаго человѣка это ничего; пусть его украшаетъ Китайскую стѣну и ею украшается самъ.

Если разширеніе Театральной площади невозможно, а можетъ быть и ненужно, то о разширеніи вида на нее сказать этого нельзя. Надворныя части Никольскихъ зданій съ этой стороны слѣдовало бы обратить въ бульваръ съ низкорослыми растеніями, откуда открылся бы превосходный видъ на площадь.

Теперь обратимъ взоры на самую площадь, т. е. на средину ея и замѣчаемъ, что она далеко не имѣетъ того вида, какой-бы ей приличествовалъ. Меньшая часть ея—торговая съ садомъ и бассейномъ довольно красива, разумѣется только не въ базарные дни; но большая—военный плацъ ждетъ

¹⁾ Со стороны-же Никольской можно-бы воспользоваться недавно продѣланнымъ ходомъ, чтобы онъ и оттуда былъ видѣнъ.

многихъ улучшеній. Исторійка этой площади за послѣднее время довольно занимательна. Не очень давно вокругъ непроѣзжей части ея торчали покосившіеся обрубки бревенъ, соединенные простыми канатами. Кругомъ фонарей было столько, что если не свѣтила луна, то полный непроницаемый мракъ покрывалъ всю ея середину... Но когда поставили большіе фонари въ достаточномъ количествѣ, отчего жрицы любви, тамъ пребывавшія съ большей легкостью стали ловиться жрецами цѣломудрія,—площадь нѣсколько улучшилась по виду и упорядочилась нравственно. Старыя косыя бревна замѣнены новыми прямыми обтесанными и раскрашенными сперва на подобіе версты или будки, а потомъ въ сплошной сѣрый цвѣтъ. Пеньковые канаты замѣнены проволочными. На самой серединѣ по направленію къ Охотному ряду устроили два ряда возвышенныхъ деревянныхъ мостовъ съ перилами; потомъ сняли мостки и на мѣстѣ ихъ провели дорожки подъ общій уровень. Всѣ эти непрестанныя заботы, которыя длятся вплоть до нашихъ дней, когда уничтожены торговые лотки, ясно выражаютъ постоянное недовольство площадью и малоуспѣшность всѣхъ

этихъ усовершенствованій. Да и трудно быть довольнымъ какимъ то загономъ съ канатами со всѣхъ сторонъ, съ низкосгибающимися фигурами прохожихъ, принужденныхъ подлезать подъ эти канаты при сокращеніи пути, что особенно неудобно въ ненастную пору, когда приходится наклоняться надъ лужами и грязью, пачкать платье; да и самое нагибаніе не для всѣхъ можетъ быть легко и пріятно.

Между тѣмъ кажется не особенно трудно придать всему этому и благообразіе и удобство. Отъ проходящихъ нельзя, да незачѣмъ, требовать, чтобы они на своемъ пути по открытому пространству описывали всегда правильныя геометрическія фигуры съ перпендикулярными и параллельными линіями; а потому проходы должны быть **какъ** можно чаще во всѣхъ направленіяхъ. Для этого ограду можно сдѣлать изъ небольшихъ чугуновыхъ столбовъ, соединенныхъ рѣшетками, какъ противъ Рождественки у Китайской Стѣны. Чтобы во время войсковыхъ смотровъ они не стѣсняли мѣстности, слѣдуетъ сдѣлать ихъ разборными, утвердивъ вставками на асфальтовыхъ полоскахъ, проведенныхъ подъ уровень земли. Смотры бываютъ здѣсь

рѣдко, а такая разборка и сборка не представить большаго затрудненія. Затѣмъ съ внутренней стороны послѣ этихъ рѣшетокъ устроить лужайки и цвѣтники изъ такихъ травъ, которыя, будучи помяты, скоро поправляются. Даже для фонарей здѣсь лучше принять какую нибудь особенную форму, — напр. видъ высокой пальмы. Для этого на столбѣ подвѣсить не одинъ электрическій шаръ, а напр. пять или шесть съ соотвѣтственной силой свѣта и надъ каждымъ шаромъ помѣстить зонть въ видѣ длиннаго листа, представляющаго снизу т. е. съ видимой стороны бѣлое отражающее зеркало. Этими незатѣйливыми новостями можно значительно измѣнить къ лучшему прекрасную Театральную площадь.

Громадное зданіе Мюра и Мерилиза, сильно стѣснявшее эту мѣстность, сгорѣло. Давно извѣстно, что нѣтъ худа безъ добра, что и въ пожарѣ есть добро. Надо думать, что городъ не позволитъ здѣсь возводить новую стройку. Остается Охотная площадь, составляющая продолженіе Театральной, которая въ вышеизложенномъ значеніи должна считаться важнѣе этой, по причинѣ близости къ Тверской. Но говорить объ ней много

не приходится. Совершенно достаточно сказать, что слѣдуетъ безотлагательно снести большую часть ея построекъ по обѣ стороны, такъ какъ даже въ порядочномъ уѣздномъ городѣ нѣкоторыя изъ нихъ считались бы безобразными. При этомъ непременно слѣдуетъ расширить узкій ходъ около церкви.

XXIII. ГОСТИННИЦЫ.

На прощанье съ этой площадью взглянемъ еще разъ на разрушаемый нынѣ уголь. Безъ сомнѣнія здѣсь будетъ что нибудь очень красивое; но самымъ красивымъ и самымъ желательнымъ должно быть полное освобожденіе стѣны отъ застроекъ,—затѣмъ уже забота и о самомъ домѣ. Тутъ хотѣли соорудить и театръ и концертную залу и еще что-то,—все конечно въ ущербъ помѣщенію гостинницы. Потомъ театръ кажется отмѣнили, слава Богу если такъ. Театровъ въ Москвѣ много, а гостинницъ не то чтобы мало, но почти всѣ они не такія, какія желательны большинству. А если и эти будутъ замѣняться театрами и другими увеселительными заведеніями, то пріѣзжающіе

скоро будутъ кричать: „не зрѣлишь, а хлѣба!“ Говорили, что управленія какихъ то гостинницъ, желая сдѣлать ихъ образцовыми до совершенства, собираются посылать своихъ несвѣдущихъ дѣятелей за границу, чтобы хоть тамъ они понабрались уму-разуму и вернулись уже совсѣмъ свѣдущими. Безъ сомнѣнія они привезутъ чудеса послѣдняго ресторанаго слова. Графины и рюмки сами будутъ въѣзжать на столъ ровно черезъ полторы секунды послѣ требованія. Изъ угловъ будутъ слышаться оперы, оперетки, шансонетки, смотря по желанію. На гладкихъ бѣлыхъ стѣнахъ будутъ появляться различныя сцены и зрѣлища—по преись-куранту; а за особо возвышенную плату—по словесному объясненію; для дамъ—по пятницамъ. (Такъ по крайней мѣрѣ можно думать, потому что для устройства хорошей во всемъ удобной, а главное честной гостинницы, ненужно развѣзжать по заграницамъ.) Карнизы, картины обыкновенныя и всякія другія украшенія уничтожаются, такъ какъ дознано, что это все ничто иное, какъ вмѣстилище бактерій, бациллъ, микробовъ, микрококовъ и тому подобныхъ ужасныхъ существъ. Всѣ они будутъ рѣшительно и безвозвратно изгнаны.

Только самая страшная изъ всѣхъ бациллъ—
двуногая не изгонится. Она за всѣ эти блага
будетъ взимать: за рублевый №—3 рубля,
за стаканъ чая вмѣсто пятиалтынного—пол-
тинникъ и т. д. Денежнымъ людямъ будетъ
рай; новѣдь имъ всегда рай,—а потому слѣ-
дуетъ думать не о райскихъ жителяхъ, а о зем-
ныхъ, которымъ приходится иногда куда какъ
плохо. Сберегутъ кое какъ лишнихъ нѣ-
сколько десятковъ рублей, чтобы съѣздить
въ столицу или по дѣламъ, или полечится,
или даже просто погулять,—погулять и имъ
хочется. Приѣдутъ; а тутъ выборъ—гдѣ оста-
новиться: на окраинѣ ли города въ грязи
и въ клопахъ, за то не очень дорого, или
въ центрѣ? Въ центрѣ конечно лучше, но
за то болѣе, чѣмъ просто дорого.

Пастъ гостинодержателя—это какая то
бездонная яма, куда приходится валить
деньги сверхъ стоимости, значить ни за что.
Хотя рублевые номера въ объявленіяхъ и суще-
ствуютъ, но въ дѣйствительности они всегда
бываютъ „заняты“. Самый маленькій номеръ съ
однимъ окномъ и одной кроватью стоимостью
1½ рубля для одного еще хорошъ, но для
семьи совсѣмъ негодится. Непремѣнно потре-
буется кровать, за которую придется припла-

чивать по 25 коп. каждая сутки и то безъ бѣлья; но съ онымъ, мѣняемымъ разъ въ недѣлю, а если не понукать, то и безъ перемѣны 50 коп. за каждый день. Если спросивъ хотя бы три, четыре обѣда, потребовать для ребенка лишнюю тарелку, то къ счету приписывается 15 или даже 25 коп. Если прозябнувъ захочется согрѣться чайкомъ, то за воду, угли и износъ самовара возьмется 20 коп. и пр. и пр. Подумаешь, какъ скоро изнашиваются гостиничные самовары и въ какой безукоризненной чистотѣ и исправности они подаются. Когда въ роскошномъ помѣщеніи является серебряный самоваръ съ приборомъ севрскаго фарфора, то можетъ быть тамъ даже обидятся, если за все это поставить одинъ двугривенный; но въ рублевомъ номерѣ за мѣдный самоваръ съ чашками Храпунова-Новаго брать болѣе гривенника равносильно взиманію тѣхъ ростовщическихъ процентовъ, за которыми слѣдуетъ судъ.

А между тѣмъ въ нѣкоторыхъ богатыхъ центральныхъ гостиницахъ Москвы подаются помятые самовары съ расколотыми деревяшками на ручкахъ или совсѣмъ безъ нихъ, съ незакрывающимися и проваливающимися крышками, такъ что воизбѣжаніе

угара приходится заливать ихъ,—за что и взимается каждый разъ по двугривенному. А о меблированныхъ комнатахъ и говорить нечего. Въ номерахъ „Миръ“ на Мясницкой полиція нашла изъ 10 самоваровъ 6 совершенно безъ полуды, съ слоемъ накипи, а одинъ поданный въ номеръ былъ еще внутри съ зеленымъ налетомъ окиси мѣди. Хозяинъ приговоренъ къ штрафу въ 25 р. или къ 5-ти дневному аресту. („Русское слово“ 27 Февр. 1901 г.) Но дѣло не въ наказаніи, такіе люди всегда были и всегда будутъ. Ужасно то, что въ великой столицѣ возможны продолжительныя и не секретныя отравленія ея обитателей и пріѣзжихъ.

Въ той же блестящей центральной гостиницѣ, гдѣ подаются самовары безъ ручекъ, стаканъ кофе стоитъ 25 коп., пол-порціи 45 к. Значить въ полупорціи слѣдуетъ ждать два стакана, не потому только, что съ увеличеніемъ спроса цѣна вообще нѣсколько уменьшается, а потому еще, что подача по стаканамъ потребуетъ и больше посуды (подается въ кофейникахъ) и больше времени при сборѣ. Но обыкновенно изъ полпорціи выходитъ только 1½ стакана. Если спросить почему? то объясняютъ, что два стакана стоятъ 50 к.

а не 45. Положимъ даже и такъ, то недостающія 5 коп., разлагаясь на два стакана, даютъ величину едва замѣтную, а не полстакана. Если обратиться къ главному буфетному начальству, то тамъ скажутъ другое: „да-съ, дѣйствительно, въ полпорціи два стакана, или почти что такъ, немножечко... Это ошибка-съ!“ И станутъ подавать по два стакана. Странная ошибка, повторяющаяся сплошь, ежедневно до заявленія и при томъ всегда въ одну сторону; по ошибкѣ никогда не подадутъ лишняго. Большинство прїѣзжающихъ обыкновенно говоритъ: стоитъ ли хлопотать изъ за подобныхъ пустяковъ, — не желая понять, что эти хлопоты составляютъ даже нравственную обязанность. Ждать, пока все человѣчество сдѣлается честнымъ отъ воспитанія, слишкомъ долго. Есть другой путь болѣе скорый — внѣшнее противодѣйствіе. И это не палліативъ. Привычка — вторая натура. Невозможность сдѣлать какую нибудь пакость отъучаетъ человека отъ такого дѣянія и постепенно перестраиваетъ его душу. И наоборотъ. Эта польза для одной стороны; польза для другой болѣе очевидна: лучше выпить два стакана, чѣмъ полтора, если аппетитъ позволяетъ.

Но бываютъ обстоятельства еще болѣе интересныя. Напримѣръ: „плата за пробку“ отъ 1 рубля до 1½, а можетъ быть и болѣе только не меньше. Конечно если приходитъ въ ресторанъ толпа пьяницъ съ своими бутылками, то нельзя имъ бесплатно подавать рюмокъ и стакановъ; а еще лучше совсѣмъ выпроваживать вонъ таковыхъ. Но бываетъ и вотъ что: приходитъ въ общій залъ (одной изъ Петербургскихъ гостинницъ) нѣкто изъ номерныхъ обитателей, спрашиваетъ обѣдъ и подаетъ служителю полубутылки вина съ просьбой откупорить. Затѣмъ ѣстъ, запиваетъ, прячетъ недопитую бутылочку въ карманъ и расплачивается по прейсъ-куранту. „Съ васъ еще рубль“—докладываетъ официантъ. „Какой рубль, за что?“ „За пробку-съ“—„Да у меня все вино-то стоитъ 40 коп.“—„Это до насъ не касается-съ.“ Начинается споръ. Приходитъ упитанный хозяинъ, выразительно указываетъ на отдаленный уголъ залы и требуетъ немедленной уплаты. На томъ мѣстѣ стѣны, по направленію котораго вытягивалась рука хозяина, въ золотой рамочкѣ (можно бы и въ алмазной) виситъ такса на пробки, подписанная кажется оберъ-полиціймейстеромъ. Какъ ни

убѣждалъ слишкомъ робкій защитникъ своихъ, можетъ быть тяжелымъ трудомъ добытыхъ средствъ, что онъ здѣсь давно живетъ, что тутъ постоянно обѣдаетъ и только первый разъ принесъ вино, вслѣдствіе нездоровья, что никогда не слыхалъ о такомъ распоряженіи, — все таки уплатилъ требуемое. Не будучи специалистомъ по законовѣдѣнію, нельзя знать на сколько обязательна и сильна подобная табличка; но очень понятно, что она должна быть помѣщена на нѣсколькихъ самыхъ видныхъ мѣстахъ залы, а также и на томъ меню или порціонной карточкѣ, которая подается пришедшему. Невѣденіемъ законовъ отговариваться никто не можетъ; но полицейскихъ распоряженій, если они не объявлены во всеуслышаніе, можно и не вѣдать. Во всякомъ случаѣ уступчивый посетитель сдѣлалъ большую глупость, сдавшись буфетчику. Рассказываютъ, что нѣкто, управлявшій гостинницей лѣтъ восемь, не имѣя въ началѣ ничего, нажилъ тысячъ полтора. Нисколько неудивительно. Любопытно бы, такъ сказать, съ научной точностью опредѣлить: чѣмъ разнится это дозволенное столичное обиранье отъ недозволеннаго лѣснаго грабежа? Небудетъ ничего неожидан-

наго, если заключеніе получится въ пользу
лѣсныхъ героевъ.

Въ виду акулоподобныхъ содержателей
гостинницъ нельзя много осуждать прислугу
за подсовываніе надтреснутаго стакана,
съ расчетомъ, что въ рукахъ пріѣзжаго онъ
совсѣмъ развалится. Хозяйское добро не-
только въ огнѣ не горитъ и въ водѣ не
тонетъ, но обладаетъ даже противуесте-
ственнымъ свойствамъ увеличенія отъ та-
кихъ обстоятельствъ: такъ разбитый 8-ми
копѣчный стаканъ превращается въ 20-ти
копѣчную монету; извѣстная ваза, стоящая
не болѣе 60 копѣекъ—въ 1½ и даже 2 р.
особенно, если платящій совсѣмъ готовъ къ
отъѣзду. Если прислуга недосмотритъ, то
должна платить сама. Весьма понятно, что
прислуга, живущая безъ жалованья, только
подачками проѣзжихъ, рѣшаетъ: пусть пла-
титъ проѣзжій, хотя-бы ничего не уничто-
жившій; вѣдь за постоянной суетой и бѣго-
тной даже неизвѣстно въ чьихъ рукахъ по-
суда дала первую трещину.

Можно вспомнить и о гербовыхъ маркахъ
на счетахъ, которыя оплачиваются не полу-
чающими деньги, какъ бы слѣдовало по
здравому разсудку и чистой совѣсти, а отдаю-

щими ихъ. Гербовая марка на паспортѣ—въ 40 к., а въ поданный счетъ ставится 50 к. Это конечно пустая мелочь, не отягощающая плательщика, но только раскрывающая нравственные принципы конторъ. Впрочемъ встрѣчаются управленія гостинницъ обладающія весьма развитой стыдливостью. Въ одной изъ предшественницъ Метрополя, по уплатѣ денегъ, самый счетъ отрывался отъ росписки въ получении денегъ, которая одна вручалась плательщику. Это дѣлалось очевидно по мудрому правилу: сора изъ избы не выносить. Однако нѣкоторые проѣзжіе думали иначе и непремѣнно требовали вмѣстѣ съ роспиской и самый счетъ; а такъ какъ это не выполнялось, то удерживали его силой. Дѣло доходило до конторщика, который являлся съ строгимъ требованіемъ возвратить счетъ, чѣмъ вынуждалъ проѣзжающихъ наносить ему удаленіе дѣйствіемъ,—послѣ этаго все моментально стихало. Ссудныя кассы дождались точныхъ и справедливыхъ законовъ; пора бы взяться и за гостинницы.

Вотъ каково большинство такихъ пріютовъ. Но и при всѣхъ этихъ непомѣрныхъ тратахъ пріѣзжающій не защищенъ отъ неудобствъ, иногда очень тяжелыхъ. Сюда относится

отсутствіе тишины и спокойствія, которыя составляютъ насущную потребность не только для больныхъ и усталыхъ, но и вообще для дѣловыхъ людей. Между тѣмъ на это очень часто не обращается никакого вниманія со стороны управленія гостинницы. Причины безпокойства весьма различны: одни устраняемы легко, другія очень трудно. Въ существованіи первыхъ всецѣло виновата гостинница. Возьмемъ самое простое изъ нихъ— скрипучія двери, заставляющія съ ранняго утра просыпаться многихъ еще не имѣющихъ надобности вставать. Между тѣмъ смазываніе ихъ почти не требуетъ ни труда ни издержекъ. Это уже самое скверное неряшество разныхъ конторщиковъ, смотрителей, и тому подобнаго люда. И это встрѣчается не въ какихъ нибудь убогихъ меблированныхъ комнатахъ, а въ громадныхъ гостинницахъ, не подающихъ бесплатно лишняго прибора и взимающихъ за самоваръ и за разбитый 8-ми копѣчный стаканъ по двугривенному. Труднѣе справиться съ тѣми нарушителями ночнаго спокойствія, которымъ „и на свѣтъ-то не слѣдовало бы родиться“,—потому что ихъ завозятъ иногда сами пріѣзжіе. Но и тутъ съ нѣкоторымъ стараніемъ, а можетъ

быть еще и съ внѣшнимъ давленіемъ, все будетъ хорошо. Такъ во дни коронаціи даже самые дешевые номерочки, находящіеся далеко отъ центра города были чисты. А хозяева съ горечью заявляли, что ихъ безжалостно притѣснили, обязавъ къ непремѣнной чистотѣ.

Помнится, лѣтъ двадцать назадъ около желѣзнодорожнаго вокзала появилась гостиница отличавшаяся, при умѣренныхъ цѣнахъ, замѣчательной чистотой и удобствами. Лѣтъ черезъ пять послѣ того все круто измѣнилось: цѣны повысились; ночью съ постели приходилось перебираться на полъ. „Почему это у васъ такая перемѣна?“—спрашиваетъ пріѣзжій у служителя. „Это вотъ отъ чего—отвѣчаетъ тотъ—тогда былъ хозяинъ французъ, порядки были строгіе; ну, а теперь русскій, значить, полегче стало“. Да, безъ внѣшнихъ силъ должно быть еще долго нельзя оставлять нашихъ отелей. Какъ бы то нибыло, но и въ этомъ отношеніи спокойствіе всегда возможно.

Совсѣмъ другое дѣло—сосѣди. Здѣсь представляются почти неустранимыя бѣдствія. Пока неизвѣстно, что привезутъ, а можетъ

быть уже привезли, посыльные съ просвѣщеннаго Запада и далеко-ли они ѣздили, но если они вздумали достигнуть крайнихъ предѣловъ его, а слѣдовательно крайнихъ предѣловъ прогресса, то дѣло совѣмъ дрянъ. Передъ всемірной выставкой въ Америкѣ, одинъ изъ почитателей великой республики объѣзжалъ темныя русскіе города и знакомилъ ихъ съ ея свѣтомъ. „Тамъ въ гостинницахъ— читалъ онъ съ гордой улыбкой— всю ночь крикъ, шумъ, пѣсни. За номеръ деньги заплачены, говорятъ дѣти Новаго Свѣта, значить, мы въ нихъ хозяева, и дѣлаемъ, что хотимъ“. Какъ извѣстно, крайности сходятся: стоящій на послѣдней ступени прогресса свободный американецъ и не ступившій даже на первую ступень его русскій мужикъ говорятъ одно и тоже. Въ вагонѣ III класса ругающійся самыми свободными словами, сморкающійся всеми свободными способами, закидывающій сосѣдей объѣдами селедки, мужикъ, на замѣчанія по этому поводу, совершенно по американски отвѣчаетъ: „коли здѣсь худо, иди во II классъ; а мы такія же денежки платимъ, какъ и ты“. Впрочемъ такой отвѣтъ все таки умнѣе и честнѣе американскаго, потому что въ немъ

есть хоть указаніе на то, какъ избѣжать этихъ невзгодъ, есть хоть какое нибудь участіе къ постороннему. Тамъ конечно и этаго не сказали бы, если бы не сказали чего нибудь похуже.

Но вмѣстѣ съ сиволаными мужиками американскимъ духомъ бываютъ проникнуты еще и наши барыни. Подобныя скрипу ржаво-го желѣза ихъ голоса и раскаты смѣха какъ бомбы пробиваютъ нѣсколько стѣнъ и врываются въ номера самые отдаленные. Было бы весьма полезно раздѣлить гостиницы на двѣ половины съ надписями на одной: „для дамъ и буйныхъ мужчинъ“, а на другой: „для обыкновенныхъ мужчинъ и тихихъ женщинъ“. Тоже и дѣти. Подѣхавъ къ гостиницѣ, слѣдуетъ спросить: „нѣтъ ли здѣсь дѣтей воспитывающихся по послѣднему слову науки?“ Если есть, то нельзя переступать порога. Всѣ эти мальчики—будущіе геніи, имѣющіе поставитъ весь міръ на новый фундаментъ,—уже съ раннихъ лѣтъ привыкаютъ подвергать строгому анализу все—и дверь чужого номера и пойманную кошку. Всѣ эти дѣвочки „съ глубокой и сильной натурой, съ яркой индивидуальностью“—будущія писательницы, которыя

„раскроютъ намъ новые горизонты и заставятъ забить волшебные ключи“. Но пока нѣтъ ни ключей ни горизонтовъ, проѣзжающимъ слѣдуетъ останавливаться отъ нихъ, а тѣмъ паче отъ мамашъ ихъ, какъ можно далѣе. Въ одномъ городѣ баловни дѣти немилосердно ломали сучья въ городскомъ саду, а сторожъ осмѣлившійся остановить ихъ былъ удаленъ отъ мѣста по настоянію сильной мамыни. Положимъ васъ не удалятъ изъ гостинницы, если вы заявите претензію на тишину, можетъ быть даже слѣдается немного потиже, но зато прослывете грубымъ, невѣжественнымъ чловѣкомъ, а пожалуй попадете и въ газеты.

Мамаша по естеству защищаютъ своихъ дѣтей горячо, но не всегда разумно; а потому въ большую вину это имъ и не ставится. Другое дѣло вездѣ сующіеся также горячо и также не всегда разумно газетчики,—не тѣ которые разносятъ и продаютъ газеты, а тѣ которые пишутъ и зачисляють себя въ стражники красоты, добра и истины. Они утверждаютъ, что если вамъ въ носъ попадетъ здоровый мячъ и вызоветъ кровь и слезы, то не только вы не смѣете выражать

неудовольствіе, но, вытирая то и другое, съ нѣжной улыбкой обязаны говорить: „ахъ, какъ развиваются наши умные дѣточки! какая прелесть эта лапта“! Такъ было года три назадъ въ Богородскомъ. Вообще такіе газетчики народъ занятный. Гдѣ-то дѣти расхаживали по церкви во время служенія, кричали, смѣялись и небыли останавливаемы своими старшими. Нѣкоторые изъ богомольцевъ рѣшились привлечь этихъ старшихъ къ суду. Пятачковый, а можетъ быть и трехкопѣчный писатель все это пропечатать съ прибавленіемъ ядовитаго по его мнѣнію восклицанія: „эти господа не въ состояніи понять, что для дѣтей законъ не писанъ“!

Любовь къ дѣтямъ безъ всякаго сомнѣнія одно изъ прекрасныхъ чувствъ, но только тогда, когда рамки для выраженія ея чернутся здоровымъ разсудкомъ. Иначе можно очутиться на уровнѣ нѣкоторыхъ изъ „представителей Московскаго городского управленія, среди коихъ явилась *симпатичная* идея — отдать въ предстоящіе (1901) весну и лѣто нѣкоторые лучшіе бульвары въ полное пользование дѣтямъ; для чего предполагается каждый бульваръ, назначенный для дѣтскихъ

игръ и прогулокъ, запирать въ 8 час. утра до 8 час. вечера для прохожей публики и впускать лишь дѣтей въ сопровожденіи родителей, нянекъ или боннъ“ („Рус. Сл.“ $\frac{20}{11}$ -01) Не говоря уже о слабыхъ, больныхъ, о тѣхъ, которые принуждены до изнеможенія колесить по Москвѣ и нуждающихся въ скамейкѣ подъ тѣнистымъ деревомъ почти столько же какъ въ кускѣ хлѣба, не говоря объ этихъ, — даже по отношенію къ крѣпкимъ, здоровымъ, болтающимся съ утра до вечера безъ дѣла по улицамъ, даже по отношенію къ нимъ такое распоряженіе было бы подобно какому то издѣвательству дикаго Африканскаго владыки надъ своими скотоподобными подданными. Трудно допустить, чтобы граждане сердца Россіи дозволили Управѣ управлять даже носами, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, и водить ихъ за нихъ куда та пожелаетъ. А газета безъ всякаго зазрѣнія рѣшается эту размосковскую идею назвать симпатичной. Только не перестаралась ли сама газета, сообщивъ читателямъ чушь, изобрѣтенную можетъ быть по близости ея, но не въ Городской управѣ?

Что дѣти нуждаются въ особыхъ мѣстахъ гулянья, видно изъ того, что они песочными

пирогами и лепешками до крайности грязнить бульварныя скамейки. Для этаго имъ можно отдѣлить боковыя уширенія которыя, имѣются на нѣкоторыхъ бульварахъ; а также было бы хорошо, еслибы церковное начальство открыло имъ сады и лужайки внутри церковныхъ оградъ. О дѣтяхъ довольно. Если вы, милые дѣтки, когда нибудь случайно прочтете эти строки, не думайте что написавшій ихъ не любитъ васъ. Онъ любитъ васъ не менѣе тѣхъ, которые такъ неуклюже заботятся о васъ, только онъ говоритъ вамъ не то, что тѣ говорятъ. Помните вотъ что: веселитесь и рѣзвитесь только тогда, когда кругомъ васъ нѣтъ ни печальныхъ, ни обеспокоенныхъ. А если такіе есть, то сперва узнайте отчего они печалятся и беспокоятся и, что можете, сдѣлайте для нихъ. Такъ училъ Христосъ. А Онъ, какъ вы конечно уже знаете, неизмѣримо выше всѣхъ тѣхъ, которые васъ окружаютъ. Берегите свои чистые и мягкіе сердечки, какъ подарокъ Божій. Если-же не будете беречь, то они сдѣлаются жестки и грязны, какъ подошвы. Тогда ни какая наука, ни какое просвѣщеніе не вернутъ вамъ потеряннаго.

И вы будете способны только рядиться въ шутовскіе колпаки спасителей человѣчества, но ни спасти его отъ бѣдъ, ни даже на іоту помочь ему не будете имѣть силы.

Разбирая пытки, которыя усталый путешественникъ встрѣчаетъ въ гостинницахъ, нельзя не вспомнить еще музыкантовъ и пѣвцовъ. Изъ нихъ самые опасные—это великіе. Обыкновенные, если имъ сообщить, что сосѣди нуждаются въ тишинѣ, умолкнуть обыкновеннымъ способомъ. Но великіе, что бы уничтожить васъ за дерзкое желаніе тишины, приплюютъ вамъ свою карточку и—о позоръ вамъ!—тоже умолкнуть. Вы получивъ карточку и вмѣстѣ съ ней желаемый покой, конечно скажете только: слава Богу! Несомнѣнно и геній скоро объ этомъ забудетъ. А если и вспомнитъ когда нибудь, то навѣрно подумаетъ: и угораздило же меня посылать тогда карточку. Но не успокоится только хвостъ генія понятно женскаго тѣлосложенія. Онъ напечатаетъ въ газетахъ, что прочитавъ эту карточку, вы почувствовали такой невыносимый стыдъ, такое безпредѣльное отчаяніе, что въ ту же ночь скрылись неизвѣстно куда и всѣ старанія розыскать васъ остались безуспѣшны. („Нов. Дня“ года

три назадъ *). И слѣдующее тоже не хуже карточки. Въ маленькой Московской газетѣ читаемъ: „Симпатичное предпріятіе. Въ одной изъ первоклассныхъ гостинницъ Москвы на дняхъ поставлено нѣсколько граммофоновъ, валики которыхъ напѣты лучшими артистами. Инициатива подобнаго предпріятія принадлежитъ компаніи „Граммoфонъ““. Если управленія первоклассныхъ гостинныхъ и третьеклассныхъ газетъ стараются поддержать коммерцію, то это понятно и естественно,—но каково же будетъ бѣднымъ пріѣзжимъ, не проникнутымъ желаніемъ обогащать компанію „Граммoфонъ““. За все это гостинница вполне отвѣчать не можетъ, хотя обязана не только просить, но и требовать, что бы въ номерахъ особенно въ ночное время было тихо, а по корридорамъ обязательно запретить бѣготню, крикъ, игры, пѣніе, — хотя въ иныхъ газетахъ такой запретъ считается „драконовскими правилами, пахнущими самоуправством““. Но вполне виновата гостин-

*) Статейка, сколько помнится, говоритъ о томъ магѣ и волшебникѣ музыки, который даже въ часъ смерти, въ полночный часъ, явился близъ рояля небольшому кружку, или даже поясняетъ, что исключительно дамскому, о чемъ одна изъ этихъ дамъ, превосходящая прозрѣніемъ всѣхъ остальныхъ, своевременно пропечатада въ газетахъ.

ница въ томъ, что имѣеть тонкія стѣны между номерами. Двери между нѣкоторыми изъ нихъ необходимы на случай соединенія въ одно помѣщеніе. Но эти двери должны быть непременно двойными и кромѣ того должны быть заставлены большими шкафами или завѣшаны коврами. Если въ номерѣ что нибудь неисправно или чего-нибудь недостаетъ по случаю ремонта или почему другому, то цѣна номера должна быть понижена,—это требованіе и разсудка и совѣсти. Но этого въ нѣкоторыхъ гостинницахъ никогда не бываетъ; значить у содержателей первое то-есть, но второе, безъ сомнѣнія, въ полномъ отсутствіи. Необходимо всѣ условія жизни въ гостинницахъ обсудить ну хоть въ какихъ нибудь особыхъ комиссіяхъ и, выработавъ нормальныя правила и цѣны, сообразуясь съ различными удобствами, сдѣлать ихъ обязательными для всѣхъ гостинницъ.

Такая длинная рѣчь объ этихъ странно-пріимныхъ домахъ здѣсь можетъ быть у мѣста потому, что разсматривая Москву съ точки обозрѣнія въѣзжающихъ въ нее, мы можемъ подумать и о томъ, что ждетъ ихъ въ часы отдыха. Рѣчь-же только о денежныхъ невзгодахъ можно заключить замѣчаніемъ прямо до гостинницъ не касающемся.

XXIV. ДЕНЬГИ.

Уже давно указывалось, что въ этомъ отчасти виновата и сама денежная система. Общепринятая серебряная монета породила счетъ на пяτάчки и почти совсѣмъ исключила промежуточные суммы. Слѣдовало бы въ дополненіе къ существующимъ десятичнымъ ввести монеты дюжинной системы, отъ которой и до сихъ поръ не отвыкъ нашъ народъ. Тогда постепенно сталъ-бы исчезать укоренившійся обычай переходить съ 10 коп. прямо на 15, потомъ на 20 и т. д., чего придерживаются одни изъ ненасытной жадности, другіе изъ ложнаго стыда — предложить 12 коп., а иные просто по привычкѣ, или даже во избѣжаніе мѣди, сильно отягощающей карманъ, особенно въ нынѣшнее безбумажное время. Совсѣмъ другое будетъ, если появится серебряная монета въ 6, 12, 18 коп. и т. д. Для избѣжанія путаницы ей можно дать другую форму, напримѣръ эллиптическую, квадратную, или круглую-же, но посрединѣ съ дырочками по числу полдюжинъ, т. е. на 6 коп. — одна, на 12 коп. — двѣ, на 18 — три и т. д. Конечно и при этомъ въ

первое время будутъ большія ошибки, какъ было съ золотымъ въ $7\frac{1}{2}$ руб.; но и при этихъ ошибкахъ счетъ въ общемъ будетъ болѣе справедливый, чѣмъ теперь,—а въ послѣдствіи и они исчезнутъ. Тоже было-бы полезно примѣнить и къ рублямъ, возстановивъ прежнія монеты $\frac{3}{4}$ и $1\frac{1}{2}$ рубля и прибавивъ новыя въ четвертяхъ рубля. Это въ нѣкоторыхъ случаяхъ облегчило-бы расчетъ съ гостинничной прислугой, съ докторами и вообще съ доброхотными принимаателями. А такія нововведенія, какъ уничтоженіе мѣдныхъ пятачковъ скорѣе принесутъ вредъ, чѣмъ пользу. Здѣсь видимо проявляется забота о перламутровыхъ портъ-монэ и бархатныхъ ручкахъ; казалось-бы, что несравненно большей заботы заслуживаютъ холщевыя кисы и корявыя ручищи,—которыя будутъ терять серебряныя пятачки въ несмѣтномъ количествѣ. Двухъ-и трехкопѣечники не замѣнятъ старыхъ пятачковъ, такъ-какъ разсыпная сумма вообще менѣе практична, чѣмъ цѣльная купно съ разсыпной. Ужъ если понадобится уменьшить вѣсъ и объемъ монеты, то лучше бы ввести новыя сплавы мѣди и серебра въ соотвѣтствующей пропорціи. Можетъ быть даже и къ серебрянымъ рублямъ не

худо бы прибавить немного золота, чтобы сдѣлать ихъ поменьше.

XXV. ПОСЛѢДНІЯ ГРУППЫ ПАМЯТНИКОВЪ.

Пройдя двѣ главнѣйшія линіи Москвы—старую Петербургскую и новую Петербургскую, сдѣлаемъ еще небольшія добавленія. Значительная часть статьи, составляющая ея основу, удѣлена историческимъ статуямъ. Но намѣченные памятники еще не исчерпываютъ вполне жизнь народа, какъ по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ, такъ и по отношенію къ цѣлымъ отдѣламъ народной дѣятельности. Ограничимся указаніемъ только на цѣлыя группы, недостающія здѣсь и прежде всего укажемъ на полное отсутствіе памятниковъ духовнымъ. А между тѣмъ въ числѣ ихъ было много великихъ гражданъ, которые по заслугамъ отечеству никакъ не ниже получившихъ достойные памятники. На Преподобнаго Сергія уже указывалось. Еще можно сказать, что имѣя памятники Минину и Пожарскому, почему бы неимѣть въ дополненіе—Патріарху Гермогену, положившему жизнь за отчизну; или героямъ Троицкой Лавры, возжегшимъ и хранившимъ

священный огонь любви къ отечеству въ то тяжелое время. Первымъ „Россія благодарна“, а этимъ значить нѣтъ. Это только примѣры; но отыщется не мало достойныхъ духовныхъ лицъ и кромѣ указанныхъ. Если избранниковъ Церкви считается недостойнымъ, смѣшивая съ простыми мірянами, изображать въ неплоскихъ фигурахъ, — хотя Равноапостольный Владиміръ изображенъ такъ,—то духовныхъ Церковью неотмѣченныхъ ничто не препятствуетъ изображать статуями. Вотъ для такихъ лицъ мѣсто дѣйствительно должно быть тихое, въ сторонѣ отъ мірской суеты и шума, подлѣ дома молитвы. Вотъ для нихъ были бы подходящи сады храма Спасителя, но и то съ оговоркой: если не займутъ ихъ тѣ, кому они принадлежатъ по праву. Этотъ храмъ не только домъ Божій, но и памятникъ Отечественной войны; слѣдовательно, только дѣятели этого событія безпрепятственно, по несомнѣнному праву могли бы занять здѣсь мѣсто. Но этого конечно не будетъ, такъ какъ главнѣйшіе изъ нихъ уже получили его въ Петербургѣ, а однихъ младшихъ ставить здѣсь нѣтъ смысла.

Другая группа, уже получившая основаніе памятникомъ Пирогову, группа врачей, отли-

чаясь съ одной стороны вполне осмысленнымъ выборомъ мѣста, являетъ съ другой стороны непоправимое отчужденіе отъ цѣльной группировки памятниковъ.

Затѣмъ есть и еще. Конечно Россія не Англія и она не создавала еще такой торговой компаніи, которая присоединяла бы къ ней новыя обширныя земли. Но и у насъ были Строгановы. Если Ермакъ—Пожарскій сибيري, то Мининъ ея—Строгановы. Однако они обойдены и забыты. Можетъ быть скажутъ, что если и ставить имъ памятникъ, то никакъ не въ Москвѣ, а на мѣстѣ ихъ дѣятельности. Относительно Строгановыхъ можетъ быть и такъ. Но сказать этого вообще—невозможно. Уже было говорено, а здѣсь вспомнимъ еще о раздѣленіи памятниковъ по мѣсту постановки. Самое узкое значеніе имѣетъ памятникъ на могилѣ; потомъ на мѣстахъ смерти и рожденія; болѣе широкое—на мѣстѣ дѣятельности изображаемаго лица и самое обширное—въ столицахъ, какъ центрахъ народной жизни. Эти роды памятниковъ взаимно не исключаются; напротивъ, могутъ и даже должны существовать одновременно. Конечно при современной путаницѣ и безтолковщинѣ, проявляе-

мой въ созиданіи памятниковъ было бы нелѣпо думать о какихъ-то очень давнихъ и очень дальнихъ купцахъ, хотя и положившихъ начало великому присоединенію, безъ котораго было бы немислимо могущество Россіи; но, если когда нибудь это дѣло приметъ ясно опредѣленные очертанія, вспомнится и о нихъ. Вообще торгово-промышленный міръ, какъ могущественный факторъ народной жизни долженъ имѣть великихъ представителей исключительно по своей спеціальности. Они могутъ оставаться такими даже и въ случаѣ крушенія. Крушеніе возможно во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ. Если оно произошло отъ несчастнаго стеченія обстоятельствъ, то не можетъ уничтожить признательности за широкія и полезныя предпріятія. Безъ тяжелыхъ неудачъ не развивается никакое великое дѣло. Опредѣлить достойныхъ дѣятелей этой области и создать ихъ несокрушимыя изображенія на память и въ поученіе потомкамъ, дабы расстрясти неподвижность вредную и имъ самимъ и всей Россіи, — это дѣло специалистовъ, но непременно подъ контролемъ всего общества. Мѣсто для такихъ изображеній — вдоль китайской стѣны противъ политехни-

ческаго музея и далѣе въ обѣ стороны.

Развивая далѣе ту же мысль, мы подходимъ еще къ одной группѣ послѣдней по счету и по общепринятымъ воззрѣніямъ, но далеко не такой по значенію. Величайшая сила, величайшій работникъ всей земли, а въ особенности земли Русской не можетъ быть забытъ при составленіи наглядныхъ страницъ исторіи. Здѣсь нѣтъ отдѣльныхъ единицъ, достойныхъ особаго прославленія, ибо если такіе являются, то уже теряютъ свой основной характеръ и вступаютъ въ другіе ряды, все равно—навсегда, или временно, всей жизни, или однимъ подвигомъ. Не о Сусаниныхъ и Ломоносовыхъ, принадлежащихъ всѣмъ сословіямъ, всему народу идетъ здѣсь рѣчь. Великая работа непрестанно ведется своимъ чередомъ безъ блеска и почестей, ведется маленькими труженниками, не мечтающими ни о чемъ болѣе, какъ о полусытномъ отдыхѣ послѣ тяжелыхъ, праведныхъ трудовъ. Имѣя разнообразные памятники по выдающимся и блестящимъ подвигамъ, необходимо дополнить этотъ рядъ совсѣмъ другими, — не для памяти и славы, потому что слава тѣмъ не нужна, а память и безъ памятника будетъ

вѣчная, но единственно какъ выраженіе глубокой и справедливой признательности. Нельзя найти отдѣльнаго Ивана, Матрену, которыхъ слѣдовало бы изобразить достойной статуей; но всѣ миллионы такихъ Ивановъ вмѣстѣ взятые достойны стать на ряду съ величайшими дѣятелями міра. Историческая галлерей статуй не будетъ полна до тѣхъ поръ, пока въ рядахъ ея не появится фигура простого крестьянина земледѣльца. Мѣсто для нее долго разыскивать не приходится. Храмъ въ память освобожденія, хотя и не будетъ на главнѣйшей московской линіи, но все же въ виду ея. Уже было сказано, что начало пути къ этому храму отъ главной улицы должно быть отмѣчено чѣмъ нибудь выдающимся. Вотъ именно здѣсь то и необходимо, прямо необходимо для полноты и ясности выраженія идеи миусскаго храма, поставить по обѣ стороны двѣ массивныя статуи—мужика и бабы въ самомъ простомъ деревенскомъ нарядѣ. Фигуры ихъ должны быть такія, что они какъ будто приглашаютъ зайти въ храмъ. Такія лица всѣмъ хорошо извѣстны, и конечно не слѣдъ ихъ счерчивать ни съ „Власа, старика сѣдого“, ни тѣмъ болѣе съ „Па-

раднаго подѣзда“. Талантливый художникъ изобразить обыкновенныхъ крестьянъ безъ прикрасъ и уродствованій — какими они есть. Въ рукахъ у обоихъ должны быть иконы, такъ какъ нѣтъ церкви, гдѣ бы не было крестнаго хода и иѣтъ хода, гдѣ бы не шли мужики и бабы съ иконами въ рукахъ. Трудно допустить, чтобы духовная цензура не пропустила такихъ статуй, изображающихъ простыхъ грѣшныхъ людей въ ихъ лучшемъ праздничномъ настроеніи. Иконы помѣщаются же на столбахъ. Неужели изображеніе „образа и подобія Божія“ менѣе достойно поддерживать икону, чѣмъ обрубокъ дерева? Если же оказалось бы, что образовъ ставить нельзя, то лучше совсѣмъ не ставить и самыхъ статуй. Непрошенные просвѣтителі народа, или вѣрнѣе развратители его, съ болью сердца взирали бы на эти образа и съ яростію доказывали бы, что **вмѣсто нихъ слѣдуетъ** изобразить борону и соху. Но если бы у свѣтателя были на душѣ всегда только эти бесспорно почтенныя орудія, то онъ и самъ обратился бы въ машину, которая давно бы истерлась и перестала бы дѣйствовать. Да **кромѣ** того машина, какая бы полезная она ни была, не заслуживаетъ никакого памят-

ника. Эта послѣдняя группа заканчивается рядъ великихъ русскихъ памятниковъ. Она является собой другой полюсъ послѣ Кремлевскаго. На этихъ двухъ полюсахъ утверждена та ось, около которой движется вся жизнь Россійскаго Государства.

Двѣ эти статуи на главной линіи Москвы и вдали Храмъ Освобожденія составятъ одно цѣлое. Улица, ведущая къ новому Храму должна быть широкая и украшенная. Не касаясь строеній, которыя на такомъ протяженіи скоро въ соотвѣтствующемъ видѣ появиться не могутъ,—теперь можно сказать, что нѣсколько впереди тротуарныхъ деревьевъ хорошо бы поставить изображенія друзей народа и его благодѣтелей. Выборъ ихъ долженъ быть самый строгій. Только тѣ могутъ имѣть здѣсь мѣсто, которые дѣйствительно полагали душу свою за други своя. Тѣмъ же, которые отъ избытка своихъ несмѣтныхъ богатствъ по временамъ удѣляютъ на дѣла благотворительности десятки или хоть даже сотни тысячъ и вмѣстѣ съ тѣмъ своими фабриками, портя воду, отравляютъ цѣлые города,—такимъ благодѣтелямъ нѣтъ здѣсь мѣста.

XXVII *). НУЖНЫ-ЛИ ТАКІЕ ПАМЯТНИКИ.

Таковъ общій планъ для выбора и разстановки памятниковъ. Приведа его къ концу, слѣдуетъ все таки хоть немного занять-ся вопросомъ: нужны ли такіе памятники? Стоять они не дешево. Жизнь не только съ каждымъ годомъ, а почти что съ каждымъ днемъ все дорожаетъ. Деньги потраченныя на одно только такое сооруженіе могутъ оказать существенную помощь не одному бѣдному семейству. Все это совершенно вѣрно, и все это въ данномъ случаѣ пустыя слова. Что жизнь людей сложилась въ какую то громадную безобразную массу, гдѣ перепутано все: грязь и золото не раздѣльно, хлѣбъ и ядъ, смѣхъ и слезы, безумное швыряніе тысячами и необходимое дрожаніе надъ каждой копѣйкой,— все это давно всѣмъ извѣстно. Но распутать эту громаду современное человѣчество не въ состояніи и по крайней трудности дѣла и по недостатку дѣйствующихъ силъ. Отбросивъ элементы прямо враждебные всяко-

*) Счетъ главъ снова сбитый съ стр. 117, здѣсь снова восстановленъ.

му добру, которыхъ къ счастію не должно быть много, можно раздѣлить людей, по этому дѣлу, на три группы: недѣйствующихъ, дѣйствующихъ неумѣло и дѣйствующихъ умѣло. Сдѣлаемъ здѣсь для разнообразія нашего пути небольшую станцію, не имѣющую прямой связи съ заглавіемъ книги и взглядомъ на эти группы. Первая изъ нихъ самая обширная. Это люди, для которыхъ дорога только одна житейская мудрость: „моя изба съ краю, ничего не знаю“. Они, по нуждѣ, или по неразвитію, отреклись отъ міра, хотя и живутъ въ немъ. Ихъ иногда называютъ „хорошими, покойными“ людьми. Впрочемъ и эти люди способны по временамъ и слегка волноваться, но въ предѣлахъ личнаго благоразумія.

Вторая группа состоитъ: или изъ мечтателей, вообще мало къ чему способныхъ; или, хотя изъ дѣльныхъ людей, но съ предвзятыми ложными идеями, съ которыми они сроднились можетъ быть изъ любви къ нимъ, а можетъ быть просто изъ личныхъ расчетовъ; или наконецъ изъ тупицъ и неучей, мнящихъ себя готовыми къ великому дѣлу, но едва, едва научившись разбирать только азбуку,

на которой написана книга мудрости. Они размахиваютъ картонными мечами: будто бы съ цѣлю разсѣчь дьявольскіе узлы, въ дѣйствительности же только для фиглярства, чѣмъ еще болѣе запутываютъ эти узлы и даже заливаютъ ихъ прочнымъ цементомъ.

И только третья группа старается согласовать дѣло съ несокрушимой вѣрой въ то, что созданіе ада можетъ быть сожжено пламенемъ отъ чистой искры Божіей, неугасающей въ сердцахъ людей, безъ всякой примѣси злобствованій.

Однако ихъ дѣло неимѣетъ ничего общаго съ жалкимъ ученіемъ о непротивленіи злу. Добрый разумъ обязанъ все-сильно поражать зло, исходящее отъ злаго ума или отъ безумія. Такъ и поступаютъ истинные послѣдователи Великаго Учителя, который, хотя и заповѣдалъ намъ любить враговъ нашихъ и добро творить ненавидящимъ насъ, но Самъ собственноручно поразилъ плѣтью гнусныхъ негодяевъ, ворвавшихся въ храмъ не для молитвы. Конечно работа этихъ людей идетъ тихо, потому что стадо все же сила и у самого глупѣй-

шаго быка бываютъ здоровенные рожицы. Однажды быки, возмутясь видомъ паровоза, встали на пути, приготовясь къ бою и— были раздавлены; но и поѣздъ все таки остановился. Это были заправскіе быки и, несмотря на причиненную ими остановку, возбуждаютъ искреннее сожалѣніе. Но подобіе быковъ остановителей, чтущее себя подгонятелями, не должно внушать такого чувства изъ опасенія порчи дѣла. О непротивленіи же и говорить нечего: здѣсь оно было бы не только смѣшно, но и пагубно для добра и правды.

Вообще непротивленники, если бы они были многочисленны и сильны, принесли бы страшный вредъ. Счастье, что эта секта ничтожна, что она ограничиваетъ свою дѣятельность писаніемъ то романовъ, то проповѣдей весьма рѣдко появляющихся. Такъ она не достигаетъ цѣли: романы вызываютъ улыбку, проповѣди грусть,—то и другое не на долго *).

Вотъ примѣры. Въ одномъ романѣ непротивленникъ, прежде чѣмъ начать поуче-

*) „Вязниковскій самодуръ“, историческій романъ кн. Волконскаго. Родина. 1900.—„Миръ Мой даю вамъ“, Либавскія Новости. Новое Время. Русское Слово. Апрѣль. 1901.

ніе объявилъ своему собесѣднику, что у него былъ титулъ. Какъ! у васъ былъ титулъ?— изумляется собесѣдникъ, такъ какъ заявитель не походилъ не только на князя или графа, но даже и барона. Да!— „просто“ подтвердилъ экс-князь и показалъ кольцо, изображающее змѣю, хвостъ которой вставленъ ей въ ротъ. „Дивная работа“,— сказалъ обучающійся, очевидно желая сказать что нибудь пріятное учителю и робко прибавилъ: „зачѣмъ вы это мнѣ показываете?“. Тутъ поученіе началось: „змѣя есть и всегда остается олицетвореніемъ зла. Это есть та сила, которая противна добру, какъ тѣнь свѣту, и, какъ тѣнь, дѣлаетъ замѣтнымъ свѣтъ, такъ эта сила дѣлаетъ замѣтнымъ добро. Вотъ назначеніе этой силы и основаніе ея существованія“.—Значитъ безъ нея добра, какъ и свѣта безъ тѣни ужъ не будетъ замѣтно? хотѣлъ было спросить ученикъ, но не могъ; такъ какъ поученіе велось безъ передышки.— „Но видите, говорилъ учитель, змѣя эта пожираетъ самое себя. Въ этомъ весь смыслъ и глубокая тайна, раскрыть и познать которую можно лишь послѣ долгихъ лѣтъ ученія и самовоспитанія. „Всего раскрыть я вамъ не могу“ —единственно умное признаніе вста-

вилъ учитель и опять пошелъ по старому: „добро всюду находить себѣ пищу и само живетъ и рождаетъ, а зло питается лишь самимъ собою и само себя пожираетъ“. Такъ говорилъ философъ, потерявшій не только титулъ, но кое что и поважнѣе, если только это было у него ранѣе. Романъ видимо не изъ опасныхъ, какъ и всѣ ему подобные. Поученіе здѣсь рассчитано на крайнюю ограниченность читателя, который можетъ быть подумаетъ: такъ вотъ что, — надо много лѣтъ ученія и самовоспитанія; а я только еще хочу начать усваивать такія идеи, потому то мнѣ и кажется совсѣмъ не такъ. Бросьте читатель не усваивайте этихъ идей, цвѣтистыхъ и пу-стыхъ, какъ мыльные пузыри и займитесь лучше безпорно и ясно добрымъ дѣломъ.

Дѣйствительныя проповѣди о непротивленіи злу болѣе содержательны и серьезны; но они искусственны. Здѣсь приводятся даже тексты изъ Священнаго писанія, но только тѣ, которые взятые въ отдѣльности подтверждаютъ это ученіе; толкованіе этимъ текстамъ дается также одностороннее. Здѣсь, конечно, не упоминается ни объ изгнаніи нечестивыхъ изъ храма, ни о томъ, что Христосъ указалъ хранить плевелы только

временно, чтобы не повредить пшеницу; ни о томъ, что гдѣ пшеницѣ нѣтъ опасности, Онъ самъ умертвляетъ смоковницу, не давшую Ему плода. Завѣщаніе Христа своимъ людямъ уходить въ горы отъ сильнаго врага, который легко могъ бы истребить ихъ,—здѣсь объясняется не тѣмъ, что Онъ хотѣлъ людей своихъ сохранить для земли, чтобы они распространяли Его ученіе,—а исключительно непротивленіемъ. Изъ всего этого и получаются выводы прямо противорѣчащіе проповѣди добра: разбойникамъ слѣдуетъ отдать не только „свое золото и алмазы, но даже и жизнь свою, чтобы не отнять этого у нихъ“. Уничтоженіе всего золота и алмазовъ сразу повсемѣстно, если бы это было возможно, можетъ быть было великимъ благомъ для человѣчества, но отдавать ихъ разбойникамъ значитъ увеличивать ихъ силу и давать имъ возможность грабить еще болѣе безнаказанно. Отдавать разбойнику жизнь свою значитъ увеличивать число злодѣевъ уменьшеніемъ числа добрыхъ людей. Вообще тутъ что нибудь одно: или такой человѣкъ самъ не увѣренъ въ истинѣ своего ученія, а слѣдовательно и въ пользѣ своего существованія, поэтому и отдаетъ

жизнь свою на волю случая; или если увѣренъ, то на столько онъ ничтожно слабъ, что, видя неизбежную гибель одного изъ двухъ, не въ силахъ защитить добраго и сохраняетъ жизнь злодѣю, даже не понимая того, что отдать себя на убіеніе все равно что самому убить себя. Такимъ образомъ это ученіе носитъ само въ себѣ зародышъ смерти, помимо того, что вообще всякое непротивленіе, всякое бездѣйствіе есть уже, по существу своему, особый видъ омертвенія. Это ученіе могло бы принести странное зло человѣчеству, если бы оно не было противуестественно. А теперь можно быть покойнымъ, такъ какъ такое увлеченіе есть только особый видъ самоубійства, которое, пока живъ міръ, всегда будетъ явленіемъ исключительнымъ, хотя численность его можетъ и увеличиваться. Можно быть увѣреннымъ, что это увеличеніе не перейдетъ предѣла гибели, какъ не переходили его самые страшные эпидеміи. Этотъ вопросъ становится еще и на совсѣмъ отвлеченную, такъ сказать математическую точку зрѣнія: въ служеніи добру это уже послѣдняя крайность, размахъ по инерціи, дальше которой идти не куда, а такъ какъ истина никогда не ходитъ скраю, а выбираетъ

широкій центральный путь, то значитъ здѣсь нѣтъ истины. Народъ со свойственной ему прозорливостью давно замѣтилъ, что есть люди, которыхъ заставь-ка Богу молиться, такъ они и лобъ расшибутъ. Но народъ выставляетъ только одну причину этого печальнаго явленія—дурь. Мы же знаемъ, что есть и другія изъ которыхъ болѣе извѣстны: желаніе стать выше другихъ, т. е. быть пастыремъ и удовольствіе включать себя въ стадо, т. е. быть пасомымъ.

На станціи побыли довольно, читатель. Теперь опять въ путь. Три указанные группы къ нашему главному вопросу—о памятникахъ отнесутся различно. Первая группа бездѣятельныхъ останется вѣрна самой себѣ. Сама она никогда не подумаетъ о памятникахъ; а если ее спросить: надо-ли ставить?—отвѣтитъ: все равно, какъ хотите. Но когда памятники поставятъ, она будетъ смотрѣть на нихъ, и даже восторгаться. Вторая группа ложно-дѣятельныхъ не дастъ согласія и горячо будетъ доказывать, что страждущему человѣчеству не до этого. Окончивъ рѣчь, она пойдетъ въ театръ, а потомъ можетъ быть прокатится и къ Яру. Третья

группа дѣятельныхъ, зная что къ добру слѣдуетъ идти одновременно разными путями, признаетъ и памятники однимъ изъ такихъ путей, хотя конечно по сравненію съ другими незначительнымъ. Такимъ образомъ голоса раздѣлились почти по ровну—за и противъ. Слѣдовательно этимъ способомъ вопросъ не разрѣшается. Не разрѣшается онъ и тѣмъ, что памятники существуютъ въ изобиліи за границей во всѣхъ передовыхъ государствахъ,—хотя къ такимъ доказательствамъ любятъ прибѣгать очень многіе и во многомъ. Это изобиліе говоритъ только, что памятники должно быть не лишніи, но никакъ не болѣе. Признаніе ихъ пользы получится по разсмотрѣнію ихъ значенія.

XXVIII. ТРИ ЦѢЛИ ПОСТАНОВКИ. ПЕРВАЯ.

Въ постановкѣ такихъ памятниковъ имѣется троякая цѣль: поученіе потомству, воздаяніе за дѣла и украшеніе мѣстности.

Первое самое важное. Человѣкъ нуждается не только въ образованіи и развитіи всѣхъ чистыхъ сторонъ души, но и въ по-

стоянномъ возбужденіи ихъ и поддержкѣ того, что пріобрѣтено его духомъ. Для всего этого, послѣ храмовъ Божіихъ, существуютъ: школы всѣхъ родовъ, бібліотеки, музеи, собесѣдованія, театры и памятники. Послѣдніе занимаютъ скромное мѣсто въ исчисленномъ ряду, но имѣютъ нѣкоторыя особыя, свойственныя исключительно имъ, преимущества. По внутреннему и внѣшнему характеру къ нимъ примыкаютъ съ одной стороны музеи, съ другой театры. Первые хотя и отличаются болѣе обширнымъ и серьезнымъ содержаніемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ обладаютъ школьной обстановкой и сухостью, требуютъ, при назначенномъ только времени, долгаго и напряженнаго вниманія и оставляютъ въ большинствѣ посѣтителей смутное чувство радости, что обзоръ конченъ и что сюда не зачѣмъ больше идти, по крайней мѣрѣ и въ ближайшемъ будущемъ, а пожалуй вспомнить и о платѣ, если такая взимается. Это относится даже и къ болѣе привлекающимъ отдѣламъ — художественнымъ. Памятникъ же, обладая обширными размѣрами, стоя на открытомъ воздухѣ, людномъ мѣстѣ, или хотъ даже въ уединеніи — въ полѣ, въ лѣсу, дѣйствуетъ на зрителя ожив-

ляющимъ образомъ и никогда не отягощаетъ его своимъ присутствіемъ. Доступенъ онъ всѣмъ—и гуляющимъ и бѣгущимъ по дѣламъ; доступенъ онъ всегда—и при радостномъ солнцѣ, и при печальной лунѣ. Если памятникъ очень сложенъ, или ихъ цѣлая группа, то разсмотрѣніе идетъ въ перемежку съ пріятнымъ отдыхомъ и прогулкой. Вся обстановка ихъ служитъ къ возбужденію любознательности и желанія ознакомиться съ изображаемымъ лицомъ или событіемъ обстоятельно по книгамъ. Она является лучшимъ будильникомъ свѣтлыхъ воспоминаній объ этомъ лицѣ или событіи. Таковыя преимущества памятниковъ по сравненіи съ одной стороною.

XXIX. Т Е А Т Р Ъ.

Съ другой стороны эти памятники примыкаютъ къ театрамъ. Это неподвижная сцена, статическій театръ, застывшій моментъ театра динамическаго. Но здѣсь приходится сдѣлать большія оговорки. Театръ вообще представляетъ изъ себя такой слож-

ный организмъ, съ такими разнообразными, часто противоположными отправлениями, что всецѣло примыкать къ чему либо точно опредѣленному онъ не можетъ. Одна часть примкнетъ, другая отвалится. При данномъ сопоставленіи прежде всего слѣдуетъ откинуть, понятно, все балаганное, всѣ фарсы, оперетки и т. п. Взявъ очищенный такимъ образомъ театръ, мы и здѣсь натываемся на нѣчто несообразное и нежелательное. Это, да позволено будетъ такъ выражаться,—театральный развратъ. Развратъ вообще есть крайнее уклоненіе чувствъ живительныхъ и пріятныхъ. Такъ вино въ умѣренной дозѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ согреваетъ тѣло, веселитъ сердце и даже укрѣпляетъ душу; а въ безмѣрномъ увлеченіи порождаетъ позорное пьянство и губительный запой,—состоянія, которыя часто называютъ скотскими, но совершенно неправильно, такъ какъ скоты до такого скотства никогда не доходятъ. Такъ половое влеченіе, необходимое и для природы, и для здоровья, и для полученія новыхъ источниковъ жизнедеятельности и жизнерадостности, при нормальныхъ условіяхъ,—внѣ ихъ создаетъ отвратительныя, невообразимыя въ здоровомъ мозгу, извращенія и цѣлыя оргіи Содома.

Полное подобіе всему этому замѣчается и въ театрахъ. Всѣ эти бѣснованія передъ пѣвцами и пѣвицами, бѣснованія, доходящія до чистаго скотства уже въ буквальномъ смыслѣ, при запряжкѣ себя въ экипажи вмѣсто лошадей; весь этотъ гамъ и несмолкаемое оранье до хрипоты; эти бросанья то цвѣтовъ, то гнилыхъ яблокъ, то лавровъ, то калошъ; эта потеря памяти даже то того, что забываютъ законы земнаго притяженія, законы непрестанно памятуемые всякимъ животнымъ, забываютъ и разбиваются на смерть,—все это на трезваго человѣка производитъ впечатлѣніе крайне тяжелое и даже отталкиваетъ его отъ этихъ храмовъ искусства. Кто-то въ защиту театра отъ осужденія извѣстнымъ писателемъ привелъ слова Бѣлинскаго, что онъ желалъ бы умереть въ театрѣ. Вѣроятно Бѣлинскій сказалъ это шутя; а слѣдовательно защита вышла неудачной. Если же онъ сказалъ серьезно, то изъ уваженія къ памяти увлекавшагося критика, лучше предать это забвенію, лучше и для него, и для театра. Иначе этотъ храмъ къ перечисленнымъ прелестямъ явитъ еще одно: способность отнимать у людей, обладающихъ

даже свѣтлымъ умомъ, хотя бы на короткій срокъ, драгоцѣннѣйшій даръ Божій.

А какъ будто и въ самомъ дѣлѣ кое-что есть на то похожее. Завзятый театралъ, отдавая почти четверть своей жизни театру, за истощеніемъ въ немъ вообще не очень обильнаго матерьяла для думъ, предается сравненію игры разныхъ актеровъ и, послѣ нѣкоторыхъ напряженій, дѣлаетъ выводы: тотъ при такихъ то словахъ выставляетъ правую ногу впередъ, а этотъ загибаетъ ее подъ лѣвое колѣно, чѣмъ и создаетъ новый обликъ героя. Если не точъ въ точъ такъ, то очень близко къ этому. Постоянно, безъ устали упражняться въ анализѣ души, замѣчать ее тончайшіе изгибы—дѣло можетъ быть и пріятное, но бесполезное, покрайней мѣрѣ при настоящахъ способахъ этого анализированія.

Если анатомъ разыщетъ какую нибудь новую ничтожно малую нить или клѣточку въ организмѣ, если химикъ откроетъ хотя бы одну миллионную долю грама новаго вещества, то это будутъ факты положительные и неизмѣнные, можетъ быть не имѣющіе никакой практической цѣны въ настоящее

время, но дающіе возможность въ будущемъ изъ сложенія множества такихъ открытій составить что нибудь очень цѣнное и для отвлеченнаго ума и для практической жизни. Но для чего нужны эти неуловимые переливы чувствъ и настроеній, безконечно разнообразныя и мимолетныя, какъ фигуры облаковъ, не только въ различныхъ людяхъ, но даже и въ одномъ человѣкѣ, и которыхъ—что самое главное то и есть—ни выразить, ни записать, ни привести въ систему нѣтъ ни какой возможности? Даже выдающіеся исключительные выразители этого, творенія которыхъ мы слышимъ въ театрѣ, или читаемъ въ книгахъ, не въ состояніи дать намъ такихъ точныхъ формулъ и таблицъ, какіе мы встрѣчаемъ въ точныхъ наукахъ. Всякій актеръ играетъ по своему, всякій чтецъ читаетъ на свой манеръ и даже одинъ и тотъ же чтецъ одно и тоже сочиненіе можетъ прочесть на разные лады. Да и самое впечатлѣніе на разныхъ слушателей не одинаково въ обширныхъ предѣлахъ. Если бы наша скупая матушка природа отмѣривала намъ не десятки, а сотни лѣтъ для дѣятельности, то человѣку вполне развитому и образованному можно бы поча-

ще посѣщать театры въ надеждѣ, что во весь вечеръ мелькнетъ хоть одна какая нибудь совершенно новая мысль, достойная разработки, а все остальное время благодушествовать въ анализѣ облачныхъ чувствъ, какъ благодушествуютъ въ мірѣ звуковъ.

Если досужіе любители такого анализа, для приданія важности своему занятію, вздумали бы составить изъ всего этого какія нибудь фантастическія формулы, такъ они принесли бы скорѣе вредъ, чѣмъ ничего,—такъ какъ о пользѣ ихъ и рѣчи быть не можетъ. Вредъ потому, что одни имъ повѣрили бы и пожалуй иные педагоги приняли бы ихъ для налаживанія на своихъ питомцевъ; а другіе—напримѣръ хоть нѣкоторые адвокаты—и не повѣривши, ухватились бы за нихъ какъ за новое средство обѣлить лишняго злодѣя, разумѣется за приличное вознагражденіе. Безспорно выгодно такое занятіе только для газетныхъ отмѣтчиковъ, которые, существуя построчно, имѣютъ неисчерпаемый матеріалъ въ этой сферѣ.

Этотъ анализъ принадлежитъ къ тѣмъ отраслямъ человѣческаго творчества, которыя отдѣляясь отъ главнаго ствола, попадаютъ

какъ бы подъ особые глухіе своды, безъ надежды выбратъся подъ общее небо. Такихъ отраслей не мало и по существу своему они очень разнообразны. Изъ нихъ нѣкоторыя даже, въ противоположность разсматриваемому, имѣютъ точное, почти математическое развитіе. Напримѣръ—шахматная игра, которая можетъ выйти изъ подъ своихъ темныхъ сводовъ только въ томъ случаѣ, если бы въ самой природѣ раскрылись какія либо явленія, напоминающія шахматную перестановку, что какъ будто могло бы имѣть мѣсто въ химіи. Однако надежды на это, покрайней мѣрѣ теперь, нѣтъ ни малѣйшей.

XXX. МУЗЫКА.

Къ этимъ же отраслямъ принадлежитъ и музыка, одинъ изъ столповъ театра, которая не смотря на то, что доставляетъ высокое эстетическое наслажденіе, смягчаетъ и облагораживаетъ чувства, имѣетъ въ себѣ много страннаго. Отдаются ея широкому развитію преимущественно люди передовые, просвѣщенные,—такъ какъ, чтобы смягчить простолюдина достаточно „Возлѣ рѣчки, возлѣ

мосту“. Люди передовые, просвѣщенные, — враги эпикуреизма, покрайней мѣрѣ наружно, на словахъ, — проповѣдники непрестаннаго безкорыстнаго служенія страждущему челоуѣчеству, возглашающіе, что не только день, но даже каждая минута, пропавшая даромъ, есть безсовѣстный грабежъ уже и безъ того ограбленныхъ жизнью несчастныхъ страдальцевъ, — противники безразсудныхъ тратъ, въ томъ числѣ и на сооруженіе памятниковъ, — такъ вотъ эти-то люди и отдають не малую часть своей жизни и средствъ для экскурсій въ иной возвышенный міръ звуковъ, чтобы тамъ размягчаться и облагородиваться. Иные изъ нихъ, возвращаясь по неизбѣжности снова въ грубый міръ, тотчасъ же теряють и размягченіе и благородство. Другіе сохраняють это большею частію для себя и въ рѣдкихъ случаяхъ для служенія людямъ. Но даже и въ послѣднихъ рѣдкихъ случаяхъ доброкачественность такого благородства, — явившагося изъ подъ кнута, роль котораго исполнила музыка, подлежитъ большому сомнѣнію. А то вотъ еще какіе бываютъ: не очень давно (жаль, что забыты время и газета) нѣкто доказывалъ, что Литовскій замокъ въ Петербургѣ не долженъ быть тюрьмой, — доказывалъ тѣмъ, что

возвращающіеся изъ близъ лежащаго увеселительнаго сада, конечно, съ музыкой и пѣніемъ, при взглядѣ на тюрьму теряютъ пріобрѣтенное тамъ музыкально - благородное расположеніе духа.

Такимъ образомъ слѣдуетъ признать, что трата жизни, идущая на музыку, далеко не соотвѣтствуетъ той пользѣ общему росту человѣчества, которую она приноситъ, — и не только человѣчеству вообще, но даже самимъ поклонникамъ новыхъ звуковъ. Міръ тумана и обмана, какими бы чудными видѣніями ни наполнялся, если за нимъ только одна пустота, даже безъ надежды, не можетъ быть признанъ за міръ желательный для разумнаго человѣка. Онъ можетъ быть допущенъ только для знакомства со всѣмъ разнообразіемъ существующаго, но не какъ цѣль и не какъ увлеченіе.

Что музыка—пустой туманъ, переливающийся разноцвѣтными огнями, — это кажется понятно. Въ ней нѣтъ ясныхъ, законченныхъ явленій, какія замѣчаются въ главной массѣ міроваго строя. Она извлекаетъ хоть и очень сильныя, но крайне переменныя чувства, не только въ разныхъ людяхъ, но даже и въ одномъ человѣкѣ въ разное время.

Уму она даетъ работу непроизводительную, въ родѣ раскладыванія пасьянса.

Если бы дѣло ограничивалось только этимъ, то это былъ бы только одинъ туманъ. Если же музыка думаетъ изображать собой видимый міръ, то это уже прямой обманъ. Сами любители музыки признаются, что если имъ не скажутъ впередъ,—что изображаетъ пьеса, то они въ ней ничего не поймутъ, кромѣ общихъ настроеній—радости, печали, шума, тишины. Если же ихъ предупредить, что это, положимъ, войска идутъ на битву, то они, будто бы ясно услышатъ и звонъ сабель, и пушечную пальбу, и ржаніе коней и можетъ быть даже разберутъ слова команды. Это—знатоки музыки или прикидывающіеся знатоками. Всѣ прочіе люди и съ предупрежденіемъ ничего этого не услышатъ, потому что въ большинствѣ случаевъ ничего этого тамъ и нѣтъ, а въ меньшинствѣ есть какое-то слабое подобіе, неизвѣстно для чего устроенное. Да подобіе хотя бы и полное здѣсь вовсе не нужно.

Музыка попадаетъ на ложный путь, если проводить сходство съ живописью. Никто

передъ плохой картиной не станетъ съ радостью восклицать: а я вѣдь узналъ—это дерево, а это птица! А слушая музыку, желающіе не ударить въ грязь лицомъ съ восторгомъ заявляютъ: ахъ, вѣдь это журчаніе ручейка, а это распусканіе тюльпана, — какъ восхитительно и правдоподобно! А чтобы имъ лучше повѣрили, прибавляютъ: признаюсь откровенно, вонъ въ той пьесѣ топку камина я не вполнѣ понимаю. „Невполнѣ“, — значитъ хоть одну-то головешку все таки понимаетъ. И то хорошо. Конечно эта ничтожная и смѣшная черточка не даетъ понятія о глубокомъ различіи двухъ искусствъ какъ по способу пользованія матерьяломъ, такъ и по цѣлямъ ихъ. Но можно и это представить.

Міръ видимый, являющійся въ пространствѣ, состоитъ изъ двухъ элементовъ фигуръ и цвѣтовъ. Міръ слышимый, являющійся во времени, состоитъ тоже изъ двухъ разнородныхъ звуковъ—буквенныхъ и нотныхъ. Тоны по физическому существу подобны цвѣтамъ, разнообразясь по числу колебаній. Сочетанія буквенныхъ звуковъ—слова соотвѣтствуютъ фигурамъ, хотя въ выра-

женіи понятій не отличаются тѣмъ постоянствомъ вслѣдствіе условности и переменчивости въ разныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ; но за то выражаютъ весь міръ мышленія, между тѣмъ какъ цвѣтофігуры только нѣкоторую часть его (не беря въ расчетъ условныхъ фигуръ—буквъ и т. п. знаковъ). Въ мірѣ зрѣнія фігуры хотя и составляютъ основной, главный элементъ, но для оживленія сильно нуждаются въ пополненіи вторымъ элементомъ—красками, не составляющими самобытной области. Черная картина дѣйствуетъ на зрителя много слабѣе раскрашенной. Въ мірѣ слуха дѣло обстоитъ иначе. Слова и рѣчи вовсе не нуждаются въ музыкальных тонахъ, составляющихъ совершенно самостоятельную область, и только въ исключительныхъ случаяхъ, и то не на долго, подъ наплывомъ подавляющихъ чувствъ, выражаются въ пѣсни и отчасти въ плачѣ. Конечно совсѣмъ безъ тоновъ не обходится и рѣчь: они получаютъ въ слабой степени при увлеченіи говорящаго; но такіе тоны, подобные сѣрымъ оттѣнкамъ черной картины вполне достаточны. Безъ цвѣтовъ видимый міръ казался бы мертвецомъ. Пѣніе же составляетъ не только не

нужное, но въ большинствѣ случаевъ даже вредное прибавленіе къ рѣчи *). Черная, т. е. безтонная рѣчь можетъ вызвать въ слушатель, чрезъ посредство ума, крайне сильныя и желательныя направленныя чувства. Музыкальная рѣчь дѣйствуя сразу вмѣстѣ съ тѣмъ и на чувства, а чрезъ посредство ихъ на умъ,—значить, дѣйствуя въ двухъ обратныхъ направленіяхъ, не только не усилить работу мысли, но даже ослабить ее.

Такимъ образомъ все видимое представляетъ одну область впечатлѣній; все слышимое двѣ: рѣчь, возбуждающая умъ и музыка, возбуждающая чувства. Если бы въ об-

*) Это сознаетъ иногда и самъ театръ, только по другимъ причинамъ. Одна хохлацкая труппа давала „Гой не ходы Грыцю“. Безголосая примадонна, вмѣсто того, чтобы пѣть, говорила простымъ манеромъ, страшно поводя глазами. На замѣчаніе публики, что это обманъ, что въ афишѣ значилось пѣніе, запорожцы безъ стѣсненія стали доказывать, что такъ надо, что она вѣдь сумасшедшая, а сумасшедшія не поютъ, что она звѣзда первой величины, что гдѣ то отъ ея игры всѣ мужчины стали плакать, а женщины попадали въ обморокъ и даже сама она по окончаніи спектакля слегла въ постель, все отъ той же причины. Однако протестующія остались при своемъ, такъ какъ къ такимъ странствующимъ лице-дѣямъ можно ходить только для того, чтобы послушать пѣсни, а ни какъ не для восхищенія ихъ драматическимъ талантомъ. И этотъ примѣръ далеко не единственный.

ласти зрѣнія не существовало фигуръ, а только одни цвѣта вспыхивали и переливались въ безформенной пустотѣ—это было бы полное подобіе музыки. Тогда эта цвѣтная музыка можетъ быть вызывала бы въ насъ чувства такія же сильныя и разнообразныя, какъ и звуковая музыка. Но теперь такая игра цвѣтовъ не можетъ произвести на насъ никакого серьезнаго дѣйствія, именно потому, что это несамостоятельная, придаточная сторона міра формъ.

Самая фантастическая картина не на столько далека отъ дѣйствительности, на сколько современная музыка далека отъ существующихъ внѣ музыки звуковъ. Фантастическія представленія глаза слагаются изъ полныхъ, весьма сложныхъ частей уже существующихъ формъ и только сочетанія ихъ, какъ и сочетанія цѣлыхъ формъ являются не существующими. Напримѣръ — сирена, сидѣнье на облакахъ. Музыка же изъ самыхъ простѣйшихъ элементовъ создаетъ совершенно небывалыя во всѣхъ своихъ подробностяхъ сочетанія. Такимъ образомъ и по свойству матерьяла и по способу сложенія его музыка вовсе не составляетъ параллели къ жи-

вописи. Матерьялъ для живописи—фигуры, только для большаго оживленія раскрашенныя. Матерьялъ для музыки именно то, что звуковая живопись или рѣчь почти совсѣмъ отбрасываетъ. Живопись беретъ изъ природы цѣлыя законченныя фигуры или такія же полныя части ихъ. Музыка беретъ безформенныя элементы и складываетъ изъ нихъ самыя сложныя и запутанныя узоры никогда и нигдѣ до сихъ поръ внѣ музыки не существовавшіе.

Такъ же велика разница и въ цѣляхъ этихъ двухъ искусствъ. Цѣль живописи: 1. Переносить замѣчательныя образы на другія мѣста, сохранять преходящіе на неопредѣленное время и воскрешать исчезнувшіе; 2. Давать новыя виды желательныхъ или нежелательныхъ представленій; 3. Уносить зрителя въ міръ фантазіи. Эту, послѣднюю отчасти можно разсматривать какъ предъидущую, но съ желаніями неосуществимыми, съ несбыточной мечтой; а отчасти какъ первую, сохраняющую такія мечты и вѣрованія. Слѣдовательно характеръ живописи—охранительный, поучительный и увлекающій. Въ музыкѣ же совсѣмъ не то. Переносить ей нечего.

Пѣсня, записанная въ Китаѣ и перенесенная сюда, остается все той же пѣсней; это тоже, что перевозка картины, — а процессъ записыванія не есть дѣло музыки, это почти тоже, что фотографія. Сохранять музыка тоже ничего не можетъ, потому что сохраненіе стараго сводится къ переписыванію нотъ, или къ пѣнію въ граммофонъ, что соотвѣтствуетъ перерисовкѣ картины. Портретной живописи можетъ уподобиться фонографъ, строгая параллель фотографіи; но музыка не можетъ здѣсь сдѣлать никакого дополненія и оживленія, подобно тому какъ можетъ сдѣлать художникъ на фотографіи.

Вторая цѣль. Музыка не въ состояніи указать, подобно живописи, идеалы къ которымъ мы должны стремиться, или отрицанія, отъ которыхъ должны бѣжать. Въ ней нѣтъ ничего впередъ желательнаго или не желательнаго. Самые рѣзкіе диссонансы не представляютъ подобія картинъ съ ужасными или отвратительными сценами; они подобны только безформенной и бессмысленной мази. Если бы даже привести диссонансы въ извѣстный порядокъ и составлять изъ нихъ, по своему, стройныя сочетанія, то и тогда не получи-

лось бы указанного подобія. Это была бы новая система звуковъ рѣжущая ухо, разрушающая нервы, можетъ быть вызывающая какія нибудь новыя, надо полагать, безусловно скверныя ощущенія; но все таки это не то, что картина съ отрицательнымъ содержаніемъ. Въ этой послѣдней мы видимъ предостереженіе или призывъ на борьбу. Въ сей часъ упомянутой отрицательной музыкѣ ничего этого быть не можетъ, потому что сущность ее находится всецѣло въ нашихъ рукахъ, а не гдѣ либо внѣ насъ. Значить и здѣсь видимъ, что параллель между живописью и музыкой совершенно невозможна.

Причина этому, кромѣ бѣдности внѣ музыкальныхъ звуковъ еще та, что картина не составляетъ точнаго повторенія изображаемыхъ явленій, а есть только подобіе ихъ. Для музыки же такого подобія не существуетъ.

Если музыка хочетъ строить свои созданія на связи слышимаго съ видимымъ, то должна помнить, что такая связь вообще слаба и неопредѣленна. Многіе тождественные звуки могутъ исходить изъ совершенно различныхъ источниковъ и очень многія явле-

нія бываютъ безъ звуковъ. Напрасно музыка старается воспроизвести собой что либо какъ изъ бездушнаго такъ и изъ духовнаго міра. Ни подражающіе, ни выражающіе звуки вовсе не нужны. Всѣ эти выкрикиванія, въ родѣ—„нитка порвалась“, будто бы подражающія разрыву нитки, вызываютъ скорѣе смѣхъ, чѣмъ пріятное удовлетвореніе. Условныя же выраженія новой музыки относятся скорѣй къ душевнымъ разстройствамъ, чѣмъ къ чистой музыкѣ. Единственно вѣрное назначеніе музыки возбуждать въ слушатель разнообразныя чувства и уже чрезъ посредство ихъ говорить уму, но что именно говорить—этого сама музыка сказать не можетъ, а потому нуждается въ пособіи слова и картины. Приложение ума прямо къ музыкѣ ограничивается разборомъ звуковыхъ сочетаній, при чемъ чувства ослабѣваютъ, и еще разборомъ возбуждаемыхъ чувствъ съ ихъ безконечно различными оттѣнками: грусть отъ луны, заката солнца, увядающаго цвѣтка не такая какъ грусть отъ унылой пѣсни; грусть старости не одинакова съ грустью юности, грусть разбойника не то что грусть монаха. Но такая работа малопроизводительна, какъ уже было сказано ранѣе. То, что музыка дѣй-

ствующая на умъ увлекаетъ многихъ, еще не доказательство, что она полезна и прекрасна. Шатающіеся умы и блуждающія чувства человѣка способны увлекаться не только полезнымъ и прекраснымъ, но въ равной, а можетъ быть даже въ большей степени, вреднымъ и отвратительнымъ. Конечно увлеченіе умственной музыкой не можетъ близко стоять къ послѣднему, но и вплотную къ первому примыкать тоже не можетъ. Только добрыя чувства въ мѣру возбуждаемыя музыкой попадаютъ въ первую группу.

Была какая-то книжка, въ которой, по отзывамъ газетъ, доказывалось, что музыка, вопреки установившемуся взгляду, должна дѣйствовать на умъ, а не на чувства. Я не читалъ этой книжки, но вполне увѣренъ, что доказательства въ ней отличаются не вѣскостью, а только новизной, которая увлекаетъ очень многихъ. Приходилось слышать и читать, что для пониманія музыки надо хоть не много думать. Хоть не много—значить чѣмъ больше, тѣмъ лучше. А не еще ли лучше совсѣмъ напротивъ? Чѣмъ меньше, тѣмъ лучше, тѣмъ слаще отдыхъ души подѣ

звуки музыки, тѣмъ крѣпче и обновленнѣе будетъ умъ для послѣдующей, дѣйствительно разумной работы. Для ума существуетъ множество областей, гдѣ работа его будетъ производительна и полезна. Навязывать ему еще музыку, значитъ не знать ему цѣны и не хотѣть или просто не умѣть направить его на путь истинный. Музыка по качеству умственной работы сходится съ указаннымъ выше драматическимъ анализомъ, и два главные отдѣла театра здѣсь смыкаются. Очень частыя и продолжительныя пребыванія въ мірѣ звуковъ для развитія неясныхъ чувствъ и въ мірѣ чувствъ для развитія неясныхъ мыслей недостойны высокоразвитаго человѣка, призваннаго въ этотъ міръ не на долгое время. Изъ сказаннаго видно, какъ легко все театральное попадаетъ подъ глухіе своды; а потому тѣ, которые ставятъ театръ въ число могучихъ средствъ для развитія человѣка, пусть яснѣе различаютъ развитіе отъ завитія.

XXXI. МУЗЫКА БУДУЩАГО.

Единственно точная и постоянная связь между звукомъ и фигурой, отчасти выража-

ющаяся въ самой системѣ нотъ, можетъ быть болѣе полно основана на слѣдующемъ. На прямолинейной координатѣ построимъ параллельныя прямыя, на равныхъ разстояніяхъ, соотвѣтствующихъ единицѣ времени. Длина на прямыхъ соотвѣтствуетъ высотѣ тона или числу колебаній звуковыхъ волнъ. Если тонъ сложный, отмѣчаемъ на одной прямой нѣсколько точекъ. Когда звукъ ровно-непрерывный (какъ въ инструментахъ духовыхъ, смычковыхъ), соединяемъ отмѣченныя точки непрерывной ровной чертой. Когда звукъ ударо-непрерывный (какъ въ роялѣ, арфѣ, гитарѣ), утолщаемъ отмѣченныя точки и тоже соединяемъ тонкой непрерывной чертой. Когда звукъ прерывистый, проводимъ пунктиръ. Силу звука можно выразить толщиной соединяющихъ кривыхъ. Такимъ образомъ получаемъ фигуры, то развѣтвляющіяся (при сложныхъ звукахъ), то собирающіяся въ точки (при простыхъ звукахъ). Это и будетъ точное воплощеніе звуковъ въ фигуры. Но полученныя такимъ образомъ изображенія не будутъ отличаться ни красотой, ни большой сложностью, даже отъ лучшихъ и сложныхъ музыкальных пьесъ. Не есть ли это признакъ того, что музыка находится еще

въ зародышномъ состояніи? Но можно идти наоборотъ. Начертимъ какую-нибудь гирлянду цвѣтовъ или кружево и переложимъ, по предъидущимъ соображеніямъ, въ ноты. Тогда получимъ новую музыку, которая весьма вѣроятно на первыхъ порахъ будетъ отличаться невыносимой дисгармоніей. Но можно быть увѣреннымъ, что это только на первыхъ порахъ, пока нашъ слухъ не привыкнетъ отличать той самой красоты и правильности, какую мы видимъ въ основномъ рисункѣ.

Можно пойти и еще далѣе. Если вмѣсто двухъ взять три координаты и по третьей размѣстить инструменты при оркестровой игрѣ, то уже въ одномъ элементѣ времени получится фигура, а при теченіи игры фигура эта будетъ измѣняться. Значитъ, если въ первый моментъ времени мы изобразимъ почку листа, то въ послѣдующее время эта почка распустится въ листъ, листъ будетъ дрожать отъ вѣтра, станетъ вянуть и наконецъ, совсѣмъ засохнетъ. Конечно фигуры по третьей координатѣ будутъ отличаться условностью и произволомъ, въ отличіе отъ главнаго направленія, во времени, по двумъ первымъ координатамъ, строго опредѣленно-

го,—такъ какъ нумерація инструментовъ не можетъ основаться на неизмѣнныхъ на столько же, какъ тамъ данныхъ, если различіе ихъ не въ высотѣ тона, а въ качествѣ звука. Но все же, разъ установивъ эту нумерацію, мы можемъ получить музыкальное исполненіе цѣлыхъ сценъ и вообще перемѣнныхъ явленій. Впрочемъ до сценъ людскихъ еще очень, очень далеко, но справившись съ распусканіемъ листка, не будемъ терять надежды и на дальнѣйшее.

Возможно, что такъ и будутъ составляться въ отдаленномъ будущемъ музыкальныя пьесы. Тогда они перестанутъ быть міромъ обмана и дѣйствительно будутъ вѣрными переложеніями міра зрѣнія въ міръ слуха. Это будетъ музыкальный синематографъ, для ума и вообще для жизни нисколько не нужный, но для чувства—еще неизвѣстно. Можетъ быть что нибудь и выйдетъ. Надо добавить, что фигуры здѣсь берутся черныя; для выраженія цвѣтныхъ фигуръ придется взять еще добавочные тоны. Впрочемъ пусть ужъ подумаетъ о нихъ самъ интересующійся этимъ читатель. Конечно все это составитъ ремесло переложенія а не творчество. Но ны-

нѣшняя творческая музыка можетъ существовать и тогда и совместно съ новой можетъ дать дѣйствительно что нибудь замѣчательное.

Если можно будетъ перелагать въ музыку картины, то можетъ быть возможно будетъ перелагать въ нее и самую рѣчь. Для этого надо знать физическую, числовую сущность буквенныхъ звуковъ и поступать по предъидущему. Однако здѣсь нельзя ожидать ничего ни пріятнаго, ни занимательнаго, потому что такое выраженіе будетъ на столько же разнообразно, какъ разнообразны существующіе языки и нарѣчія. Кстати немного фантазіи: если будетъ можно переложить буквенные звуки на музыкальные, то значить можно и обратно и еще значить—можно превратить фигуры въ новыя слова. Не будетъ ли такъ найденъ наконецъ желанный все-свѣтныи языкъ? Безъ сомнѣнія будетъ, потому что съ этимъ появится новая нестѣпность, новая блестящая пустота, которая въ такомъ изобиліи создаетъ человѣческая изобрѣтательность и на которыя такъ любятъ набрасываться цѣлыя стада кочующихъ искателей новыхъ дѣлъ и новыхъ міровоззрѣній. Конечно надо будетъ выдумывать составле-

ніе и другихъ словъ кромѣ тѣхъ существительныхъ. Но за этимъ у нихъ дѣло не станетъ.

XXXII. ЕГИПЕТСКАЯ ТУЧА.

Въ послѣднее время надъ русскимъ театромъ собирается новая туча. Предполагается принять въ него еврейство на основаніи полной равноправности. „Свободомыслящіе“ доказывали необходимость этого набормъ поражающихъ восклицаній: „мракъ среднихъ вѣковъ“, „утро XX вѣка“! и т. п. Но поражаться этимъ, къ счастью, способны далеко не всѣ. Газетныя статьи, ратующія за еврея, распадаются на двѣ группы: первая, наибольшая состоитъ изъ клоунскихъ остроумъ и базарнаго крѣпкословія; вторая представляетъ доказательство безъ развитія мыслей. Тѣхъ и другихъ очень много и подробно разбирать ихъ здѣсь не мѣсто; а потому довольно ограничиться двумя примѣрами, взятыми случайно по одному изъ каждой группы. Для перваго можно привести маленькую статейку изъ небольшой москов-

ской газетки, авторъ которой очевидно помѣщаетъ себя, въ образныхъ сравненіяхъ, между печнымъ горшкомъ и Аполлономъ Бельведерскимъ, не указывая промежуточныхъ разстояній и отдавая это на усмотрѣніе читателя. Такъ вотъ этотъ самый сосѣдь почтенной посуды оповѣщаетъ, что на съѣздѣ сценическихъ дѣятелей (1901) какой то авторъ „пошлыхъ циничныхъ куплетовъ, распѣвающий въ сомнительныхъ кабакахъ, паразитъ, отстоящій отъ искусства много дальше, чѣмъ печной горшокъ отъ Аполлона Бельведерскаго“ -- собиравъ подписи для агитаціи противъ евреевъ. Конечно подобнымъ „писателямъ“ вѣрить на слово нельзя; но если же по странной случайности, здѣсь дѣйствительно есть правда, и куплеты въ самомъ дѣлѣ стоятъ на одномъ уровнѣ съ разбираемой статейкой, то этимъ собираніемъ подписей авторъ куплетовъ вполне искупилъ свой грѣхъ.

Для примѣра второго рода можно привести изъ той же газеты замѣчаніе, что „таланты всегда желательны, независимо отъ того по какому ритуалу они молятся Богу“. Это и вообще не совсѣмъ вѣрно, а въ при-

мѣненіи къ театру тѣмъ болѣе. Если взять искусство для искусства, или нѣчто въ родѣ дифференціального исчисленія и если молитва чистая состоитъ исключительно въ славословіи Великаго Духа, то приведенное замѣчаніе безусловно вѣрно. Но чѣмъ ближе искусство къ жизни и чѣмъ ритуальнѣе молитвы обособленнѣе, тѣмъ это замѣчаніе болѣе и болѣе теряетъ справедливость. Театръ же не только храмъ искусства, но и школа и притомъ школа по преимуществу, если не исключительно, для неразвитыхъ еще ни умственно, ни нравственно. Еврейство крѣпкое въ своихъ исключительныхъ особенностяхъ, пропитанное насквозь таинственнымъ талмудомъ, всегда съумѣетъ провести особую, желанную имъ черту во всякое преподаваніе.

Не говоримъ уже вообще о нравственномъ значеніи урока еврея русскому. Предоставить же защиту отъ всего подобнаго самому театральному обществу, — какъ предлагается въ той же замѣткѣ, впрочемъ въ другомъ смыслѣ, исключительно сценическомъ, — нельзя. Въ этомъ обществѣ только теперь поднимается вопросъ объ образовательномъ цензѣ, да и то можетъ быть онъ найдется изъ

лишнимъ. Могутъ ли же такіе люди стоять на стражѣ общихъ народныхъ интересовъ? Мы знаемъ изъ газетъ, что по этому вопросу было высказано ими слишкомъ много блестящихъ фразъ и слишкомъ мало дѣльных мыслей *). Юркій и пронырливый израиль легко опутаетъ добродушныхъ и довѣрчивыхъ русачковъ въ имя ХХ вѣка. Да сохранятъ Богъ и Царь русскій народъ отъ подобныхъ преподавателей! Пусть русскій театръ останется русскимъ!

*) Примѣръ изъ рѣчи на сѣздѣ: „Что же произошло за эти четыре года? Почему картина настроенія такъ рѣзко измѣнилась и при томъ въ такую некрасивую сторону? Неужели временное большинство грубымъ призывомъ къ самосохраненію можетъ заставить служителей и проповѣдниковъ высшей правды, идеаловъ и завѣтовъ свободы, равноправія опозорить себя пятномъ, какимъ въ исторіи человѣчества насчитать можно не такъ много и за которыя мрачныя воспоминанія и теперь способны тяготить народности, ими заклеяемыя? Не могу вѣрить, чтобы временное заблужденіе повело къ торжеству такой тираніи! Одумайтесь, поправьте свою ошибку!“ („Русское Слово“ 1901. № 75). Въ столькихъ строкахъ нѣтъ ничего, кромѣ пустой палъбы и ужъ конечно далеко не изъ пушки. Вотъ она натура театралныхъ эффектовъ! Можетъ ли же она стоять на посту великаго стражника?

А это само по себѣ занимательно: „Мы проповѣдники высшей правды!“ Ну, а типографщики и книгопоши? пожалуй тоже въ нѣкоторомъ родѣ проповѣдники. Не много ли будетъ, господа?

XXXIII. КОНЕЦЪ ГЛАВЫ XXVIII.

Проводя вышепоставленное сравненіе памятниковъ съ театрами, видимъ что первые отличаются большей скромностью, но за то обладаютъ большей чистотой и спокойствіемъ, между тѣмъ какъ густая атмосфера театра, способна застилать даже самыя свѣтлыя части его. Въ самой неподвижности памятниковъ заключается величіе. Какими мы видимъ ихъ теперь, такими видѣли ихъ наши отцы и дѣды, такими увидятъ ихъ наши внуки и правнуки. Театральныя впечатлѣнія преходящи и забываемы; впечатлѣнія отъ памятниковъ, въ человѣческихъ предѣлахъ, вѣчны. По причинѣ большой стоимости, впрочемъ по сравненію съ театровой все таки незначительной, и трудности постановки, выборъ ихъ отличается большей осторожностью и послѣдовательностью, чѣмъ выборъ театральныхъ представленій. Старый Свѣтъ отказался принять памятникъ Гейне; Новый Свѣтъ отвелъ для него захоlustье, — да и то, передумавъ, разбилъ его. Билъ онъ не женскую голь, а всюду лезущее племя.

Чтобы разобранный первое назначеніе постановки такихъ памятниковъ—поученіе потомству выполнилось полнѣе, необходимо во-первыхъ, чтобы памятники составляли группы въ строгой послѣдовательности съ тщательнымъ выборомъ отдѣльныхъ памятниковъ; а во-вторыхъ, чтобы каждый памятникъ ярче выражалъ то, чему онъ поставленъ,—при разумномъ выборѣ мѣста, а также и своевременности постановки.

XXXIV. ВТОРАЯ ЦѢЛЬ.

Вторая цѣль постановки — воздаяніе за дѣла. Но мертвые жажды славы не имутъ. Такъ что, въ сущности, это воздаяніе не тѣмъ, кому оно назначено по надписи, а будущимъ кандидатамъ на ту же должность. Это побужденіе къ принятію такого воздаянія въ свое время. Смертные имѣютъ неодолимое влеченіе остаться въ этомъ мірѣ и послѣ ухода изъ него. Претендующій на вакансію, смотря на чужіе памятники думаетъ: можетъ быть и я также не умру со смертію и мое имя еще долго будетъ повторяться на зем-

лѣ. Это чувство есть частное, нѣсколько видоизмѣненное проявленіе смутной, но глубокой вѣры въ то, что безконечно великій міръ не можетъ открыться душѣ только на одно мгновеніе, какимъ надо считать человѣческую жизнь въ сравненіи съ вѣчнымъ міромъ; что такое мгновеніе раскрываніе, единственное и никогда уже неповторимое было бы нелѣпостью несравненно громаднѣ той нелѣпости, какую являетъ изъ себя анатомъ, претендующій ножомъ разрѣшить неразрѣшимое. И видъ памятниковъ нѣсколько успокоиваетъ смущенную тѣмъ ножомъ душу. Если не тамъ въ безконечности, то хоть здѣсь въ видѣ мертвой бронзы переживу себя, — такъ думаетъ кандидатъ можетъ быть сильный умомъ, но нищій духомъ, не осмѣливающийся противорѣчить „великимъ“ ученымъ и философамъ. Надъ могилой одного изъ такихъ великихъ на великомъ Западѣ его другъ или ученикъ тоже изъ великихъ, только малость поменьше, сказалъ: „не вѣчность ждетъ тебя, но добрая память въ сердцахъ смертныхъ“! Какая поразительная прозорливость! И въ правду великіе люди: они все знаютъ, что кого ждетъ! Однако на добрую память дол-

жно быть полагаться все таки рискованно, и друзья умершаго поставили ему обыкновенный памятникъ. Невѣрно сказалъ скорбный поэтъ, что „Сотрется въ пыль стѣна гранита; Умрутъ историки страны; Лишь только въ пѣсняхъ не забыта Бываетъ слава старины“. Стѣна гранита просуществуетъ много долѣе, чѣмъ пѣсни безъ матеріальной поддержки, т. е. если онѣ не записаны. Да и записанныя пожалуй тоже. Конечно пѣсни Гомера пережили много стѣнъ; но обратныхъ примѣровъ безмѣрно болѣе.

Кромѣ этого памятники удовлетворяютъ еще другому, въ данномъ случаѣ главному желанію человѣка—выдѣлиться изъ массы, стать выше другихъ. Это стремленіе иногда осуждается какъ гордость и тщеславіе, иногда восхваляется какъ соревнованіе. Разница зависитъ отъ характера и способовъ возвышенія. Во всякомъ случаѣ это стремленіе общее для всѣхъ людей. Въ общемъ оно необходимо, представляя путь къ самоусовершенствованію,—при чемъ мѣриломъ поднятія служатъ посторонніе люди, такъ какъ собственное „я“, безъ сравненія съ другими, очень трудно поддается наблюденію. Но такое

хорошее самоподнятіе может переродиться въ очень скверное, если будетъ основываться исключительно на сравненіи высотъ. Во многихъ случаяхъ окажется, что для своего превосходства много легче принижать другихъ, чѣмъ самому возвышаться. Отбрасывая это и принимая только дѣйствительныя поднятія, видимъ, что и здѣсь не все благополучно. Выдѣляющіеся изъ общей массы представляютъ три типа, изъ которыхъ только одинъ заслуживаетъ безспорной признательности во всѣхъ видахъ ея, а слѣдовательно и въ видѣ постановки памятниковъ. Сюда относятся всѣ возвышающіеся не для себя только, но и для другихъ, которыхъ они ведутъ за собой съ любовью и самопожертвованіемъ и которые безъ ихъ помощи не въ состояніи покинуть свои низины. Это истинные друзья человѣчества.

Другой родъ — люди возвышающіеся только для себя и хотя возвышающіе другихъ, но тоже для себя, какъ своихъ помощниковъ. Такіе люди не только не друзья человѣчества, но могутъ быть даже врагами его; напр, нѣкоторые завоеватели. Но такъ какъ все великое производитъ сильное впе-

чатлѣніе на душу человѣка, то и они возбуждаютъ къ себѣ особую любовь смѣшанную съ благоговѣніемъ не только въ средѣ своихъ приверженцевъ, не только въ средѣ стороннихъ зрителей, но даже и въ самихъ побѣжденныхъ. Влеченіе ко всему великому свойственно человѣку. Здѣсь не мѣсто входить въ разборъ этого свойства души. Достаточно указать на то, что оно всегда и вездѣ существуетъ. Безъ сомнѣнія слѣдуетъ любить и благодарить мелкихъ полезныхъ труженниковъ, но считать ихъ „инстинными героями“ и великими людьми, какъ иные думаютъ; значить смѣшивать понятія и измѣнять значенія словъ. Точно также и на оборотъ, ошибочно выключать изъ числа великихъ гениевъ людей, не оставившихъ по себѣ ничего осязательно прочнаго, видимо полезнаго. Геній и прочная польза—понятія совсѣмъ не связанныя между собою. Изобрѣтатель книгопечатанія—одинъ изъ полезнѣйшихъ людей всѣхъ временъ и народовъ, дѣло его не угаснетъ пока будетъ жить человечество; но самъ онъ могъ быть заурядно обыкновеннымъ, — такъ какъ, сидя всю жизнь за переписываніемъ, можно даже при порядочной умственной ограниченности, до-

думаться сперва до печатей для начальныхъ фигурныхъ буквъ, а потомъ и для всѣхъ ихъ, тѣмъ болѣе, что гравировальныя доски появились много ранѣе. Также: при обширныхъ матеріальныхъ средствахъ, имѣя полный физическій кабинетъ, химическую лабораторію и другія приспособленія, вовсе не нужно быть геніемъ, а довольно быть просто умнымъ, пожалуй счастливымъ, а главное не лѣнивымъ человѣкомъ, чтобы подарить міръ наиполезнаѣйшими изобрѣтеніями, особенно если всѣ они между собою схожи. Геній же, безъ связи съ послѣдствіями, представляетъ изъ себя нѣчто очень рѣдкое, поражающее, далеко превосходящее обыкновеннаго даже весьма развитаго человѣка, хотя и въ немъ неизбѣжно должно быть не мало грѣховнаго и предосудительнаго, хотя и ему могутъ помогать счастливыя случайности. Великіе геніи всегда останутся такими, какъ бы ни старались уронить ихъ модно-думающіе пигмеи. Говорятъ, отъ сальнаго огарка Москва сгорѣла; а страшная гроза съ непрерывающимъ громомъ и молніей нерѣдко проходитъ, не воспламенивъ даже стога сѣна. И все таки послѣдняя величественна, а первый ничтоженъ.

Такимъ образомъ при вопросѣ о памятникахъ, здѣсь является раздвоеніе: одно дѣло ставить ихъ людямъ принесшимъ пользу; другое—ставить ихъ тѣмъ, кто показали собою до какого величія можетъ достигнуть человѣкъ. Въ первомъ случаѣ, т. е. если польза дѣйствительно есть, можно и не принимать въ расчетъ выставленное въ началѣ этого параграфа исключительное себялюбіе. Польза есть, значитъ спасибо. Во второмъ случаѣ сама жизнь показываетъ, что памятники возможны. Сами же такіе люди относятся далеко не безразлично къ своей славѣ и къ проявленію въ народныхъ массахъ всевозможныхъ видовъ признательности и удивленія, а слѣд. и къ памятникамъ. Значитъ, если такіе люди желательны и впредь и если памятники хотя немного подталкиваютъ на путь къ величію, то ставить ихъ слѣдуетъ и здѣсь.

Третій родъ возвышающихся составляютъ отшельники или затворники. Прежде они, въ убѣжденіи, что міръ во злѣ лежитъ, удалялись отъ него въ лѣса и пустыни. Нынѣ они остаются въ мірѣ, но духовно отворачиваются отъ него, проникаясь къ людямъ

то жалостью, то отвращеніемъ и презрѣніемъ. Это не злодѣи, не жалѣющие и ненавидящіе людей, и не избокрайные незнайки, а именно отшельники, когда то любившіе людей, но теперь отъ нихъ отшатнувшіеся. Такіе люди тоже могутъ принести большую пользу и дѣлами и ученіемъ, которое они не проповѣдуютъ, а оставляютъ послѣ себя иногда съ цѣлію очистить человѣчество, а то по безразличному отношенію къ нему. Они не захотятъ принять ни благодарности, ни славы и для нихъ безразлично — назовутъ ли ихъ геніями или круглыми дураками. Они покидаютъ этотъ міръ безъ сожалѣнія, въ надеждѣ найти много лучшее, или погрузится въ нирвану. Такіе люди не представляютъ изъ себя ничего сверхчеловѣческаго, какъ думаютъ иные господа; напротивъ—отсутствіе ихъ было бы сверхъестественнымъ, въ силу общаго закона безконечныхъ развѣтвленій. Они всегда были и всегда будутъ, независимо отъ „позднихъ культуръ“, и „разложеній“, хотя съ увеличеніемъ культурныхъ мерзостей численность ихъ, конечно, будетъ расти. Такіе люди, если они оставили намъ доброе, хотя бы и нехотя, также заслуживаютъ съ нашей стороны доброй памяти, тѣмъ

болѣе, что по другому закону—постояннаго смѣшенія, они въ чистомъ типѣ даже не могутъ и быть. Какъ нѣтъ друга человѣчества, у котораго хотя бы минутно не ощущалось въ сердцѣ слѣдовъ озлобленія противъ всѣхъ и всего; такъ и обратно—нѣтъ не только отшельника, но даже и всепенавистника, у котораго хотя бы мимолетно не вспыхивала любовь къ братьямъ. А среди отшельниковъ есть не мало такихъ, которые не пожалѣли бы своей жизни, если бы этой жертвой дѣйствительно можно было снять мерзости съ міра. Ихъ можно только пожалѣть и упрекнуть. Пожалѣть за то, что они возвышаясь, не дошли до тѣхъ высотъ, правда очень отдаленныхъ, съ которыхъ уже не видѣнъ міръ злой, а видѣнъ только міръ страдающій. Упрекнуть за то, что они не хотѣли, повѣрить въ силу тѣхъ чистыхъ ключей среди гнилыхъ водъ, которымъ можетъ быть суждено въ дальнемъ будущемъ промыть грязь и гной и наполнить собою житейское море. Будетъ ли это—неизвѣстно. Вѣроятно, что нѣтъ. Но все таки лучше въ это вѣрить, потому что вѣрящій живетъ, а невѣрящій прежде смерти умираетъ.

Съ увеличеніемъ нервности отшельниче-

ство и затворничество должны увеличиваться, потому что жизнь въ мірѣ будетъ труднѣе. Всѣмъ извѣстно сколько тяжелаго, страшнаго и отвратительнаго залегло въ основу и развитіе жизни. Извѣстно и то, что даже и самыя развлеченія и высокоблагородныя забавы не рѣдко заставляютъ чистаго человѣка съ омерзѣніемъ отворачиваться. Мало того, даже въ области мысли и творчества, гдѣ казалось, можно бы свободно вздохнуть и хоть немного порадоваться, и въ той области будемъ счастливы, если натолкнемся только на балаганъ съ петрушкой, а то найдемъ и почище ягодки.

XXXV. ВСТАВНЫЯ КАРТИНКИ.

Не въ видѣ послѣдовательнаго развитія нашей бесѣды, а въ видѣ маленькой виньетки или подстрочной картинки, какъ это дѣлается въ иллюстраціяхъ, сорвемъ на удачу нѣсколько ягодъ, такъ сказать отечественной клюквы. Вотъ паломничество къ новому апостолу за разъясненіемъ словъ: „Богъ, душа, Хозяинъ, Который, Отецъ“. Темное

разъясненіе получилось; паломники довольны и съ радости признаются всёмъ въ своемъ ничтожествѣ,—хотя послѣднее, по очевидности, совершенно излишне. Это, конечно, ничего. Мало ли кто куда ходить и западобностью и за ненадобностью; ходятъ же старушки за іерусалимскими камушками. Мало ли кто какъ себя считаетъ и величіемъ, и ничтожествомъ, — не все ли равно? Но не все равно то, что наплась газета, которая сочла возможнымъ оповѣстить своихъ читателей объ этомъ событіи. А между тѣмъ рассказы старушекъ, собиравшихъ камушки, эта газета безъ сомнѣнія не помѣстила бы; хотя эти рассказы навѣрно были бы ни чуть не менѣе занимательны и ни чуть не менѣе умны. Впрочемъ все станетъ понятно, если сказать, что эта газета одна изъ тѣхъ, которыя, къ крайнему прискорбію, въ цѣлости вышли изъ Египта. Она считаетъ обязанностью улаживать своими статьями враговъ суевѣрія, которые при чтеніи сладко облизываются, какъ накормленные москыи.

Вотъ поднесеніе адреса „великому мыслителю“ съ жиденькимъ мышленіемъ. И это конечно ничего. Мало ли, что какъ кому

кажется? Известно, что всякая мышь, если бы она умѣла говорить, непременно сказала бы: „нѣтъ звѣря страшнѣе кошки“. Значить, дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что, судя по расположенію обстоятельствъ, поднесеніе дѣлалось не столько для возвеличія „великаго“, сколько кое кому въ пику. Вездѣ то воинственность!

Вотъ еще совокупленіе двухъ величій. Величіе чтимое старается разрушить христіанство поученіями. Величіе чтущее находитъ этотъ путь слишкомъ медленнымъ и для себя крайне труднымъ,—а потому прямо хочетъ уничтожить законъ, карающій за измѣну родной вѣрѣ. Какъ отнесется къ этому великій (въ прямомъ смыслѣ) православный народъ—ему нѣтъ дѣла. Пришло въ голову, что надо уничтожить, ну значить и надо, и разсуждать нечего. Вѣдь эдакъ и съ всемъ дѣленнымъ величіемъ все же какъ будто сравняешься; можетъ быть даже и въ печати двѣ фамиліи станутъ рядомъ. И въ самомъ дѣлѣ, двѣ фамиліи стали рядомъ! Ну да вѣдь люди не слѣпые: хоть какой ни на есть, хоть общипанный да орелъ пѣтуху не товарищъ. А все таки напрасно, Батюшка, такъ

рядомъ помѣстили: вышло въ нѣкоторомъ родѣ возвеличеніе, можетъ быть даже желательное. Ужъ очень дешево слава то достается.

Вотъ новѣйшая статистика, по свидѣтельству свѣтила краснорѣчія, насчитала „десятки и сотни тысячъ православныхъ“, ждущихъ, когда позволено будетъ іезуитамъ, тевтонамъ и жидамъ совращать всѣми іудейско-іезутскими способами добродушныхъ росіянъ съ пути православія. Русскій народъ слишкомъ честенъ и добръ, чтобы заниматься такими дѣлами; а потому хотя будетъ съ болью сердца смотрѣть на убыль своихъ, но все таки не опозоритъ себя отвѣтнымъ подражаніемъ. Теперь онъ покоенъ: государство не позволяетъ грабителямъ расхищать его духовное богатство: оно оберегаетъ тѣ тихія пристанища, гдѣ его душа привыкла отдыхать отъ тяжелыхъ трудовъ. Для этого обереганія разумѣется не требуется никакихъ „научно-богословскихъ основаній“, до которыхъ должно быть такъ падки эти „десятки“, а иногда, къ сожалѣнію, и семинарскіе философы, плохо соображающіе, что погоня за учебнической логикой нерѣдко дѣлаетъ

людей тупицами. Между тѣмъ очень умные, по ихъ признанію, „десятки и сотни тысячъ“ окруженные очень глупыми, по ихъ же соображеніямъ, милліонами „вѣрующихъ массъ“ и чуждыми „боевой“ драчливости православными пастырями, — все ждутъ, терпѣливо ждутъ, когда же наконецъ ненавистный имъ законъ уничтожится. „Успокойте“ же, люди добрые, этихъ бѣдныхъ страдальцевъ, осушите слезы ихъ, утѣшьте ихъ надорванное долгимъ „терпѣніемъ“ сердце, насытите ихъ, алчущихъ „идеальнаго отношенія церкви къ міру“! Нѣтъ, бѣдные терпѣливцы, жаждущіе идеаловъ, — не отмѣна закона, а усиленіе его теперь необходимо. И такой законъ долженъ оставаться до тѣхъ поръ, пока существуетъ Россія. Мы хорошо понимаемъ, что скрывается подъ вашимъ идеаломъ и вашимъ краснорѣчіемъ. Если вы дѣйствительно желаете честнаго труда и честной логики, то это легко можете найти и помимо преддверій храма, откуда вы такъ „терпѣливо“ ждете убѣгающихъ. Оставьте въ покоѣ „пастырей, призванныхъ отъ стражи утреннія до ночи оберегать пасомыхъ“. Служба ихъ и безъ васъ слишкомъ тяжела, почти прищенскомъ содержаніи. Къ такому великому

туду конечно не способенъ ни одинъ изъ тѣхъ неумолчно трескучихъ мельницъ, которые своей беззащѣтной болтовней нажи-ваютъ сотни тысячъ.

Вотъ полусумасшедшій, пустой юнецъ, не захотѣлъ жить на бѣломъ свѣтѣ. „Старая жизнь противна“, говоритъ несравненно болѣе противный юноша. Тотчасъ въ газетахъ „выдвигается („русскій“) вопросъ уже не о школѣ, а о сущности, характерѣ всей нашей культуры, всѣхъ тѣхъ идей, жизненныхъ началъ, которыми движется современная жизнь. Выдвигается вопросъ, есть ли не злободневный, мѣняющійся, а единый вѣчный смыслъ жизни“. (Несовсѣмъ грамотно, и какъ будто не порусски, но понять можно). „Требуется, (выражаясь не русскимъ умомъ), переоцѣнка всѣхъ цѣнностей жизни“. Пусть переоцѣниваетъ себя образованная плѣсень, а здоровый народъ въ переоцѣнкахъ не пуждается и смыслъ жизни ему понятенъ: надо жить потому что Богъ далъ жизнь; надо жить не такъ какъ хочется, а какъ Богъ велить.

Вотъ въ странѣ философій, а можетъ быть даже по ту сторону ихъ, появился уже совсѣмъ, по обѣ стороны сумасшедшій фи-

лосовъ. Онъ перековеркалъ на свой ладъ давно существующія понятія. Коверканіе и до него бывало, и новаго у него не вышло ничего, кромѣ отчаянныхъ терминовъ и фразъ. Но, какъ водится при всякомъ трескучемъ перековеркиваніи, множество заграничныхъ людей удивилось, умилилось и поклонилось ему. Какъ же можно было покойно усидѣть российской интеллигенціи? Запѣлись нелѣпыя пѣсни, начались поражающіе романы, посыпались хвалебныя статьи, затрещали лекціи обѣихъ половинъ человѣческаго рода. Даже въ самыхъ простыхъ случаяхъ обихода до сихъ поръ дѣлаются указанія на „него“: „онъ“ сказалъ. Безъ всякаго сомнѣнія, что самая скотоподобная особа, если захочетъ измѣрить глазомѣромъ высоту башни, не полезетъ для этого въ ее подвалъ, а выберетъ мѣсто, гдѣ бы вся башня была хорошо видима. Беря для сравненія такое обстоятельство, кажется можно бы и не знать или забыть, что и „онъ“ не залезалъ въ подвалъ и приводитъ это сравненіе прямо отъ себя безъ боязни упрека въ похищеніи чужихъ идей,—ну хоть съ прибавленіемъ слова „извѣстно“, если ужъ совѣсть настолько чувствительна. Но умный „Русскій“ да-

же и тутъ дѣласть ссылку на безумнаго нѣмца.

Казалось бы надо понять, что мода на серьезные термины нелѣпѣ моды на турниры, такъ какъ въ послѣднемъ всѣ партіи безъ преній видятъ только то, что слѣдуетъ видѣть; между тѣмъ какъ первая плодитъ печальныхъ искателей квадратуры круга, которая можетъ быть и существуетъ, да ни кому ни на что не нужна. А еще можно сказать:.. печальныхъ искателей элексира бессмертія, который хотя и нуженъ всѣмъ, да какъ нарочно не существуетъ. Въ модныхъ же философствованіяхъ и то и другое: и никому ни на что они не нужны, и не могутъ существовать въ дѣйствительности. И эта, какъ всякая мода на столько же переменчива: шлейфъ то длинный, то короткій; то для восхваленія человѣка говорятъ по старому: „человѣкъ онъ былъ“; то, увидя кого либо возвысившагося надъ глупой толпой, произносятъ по новому: „вотъ сверхчеловѣкъ“. Если бы шлейфы не слишкомъ скоро надкраивались, то сверхчеловѣкъ остался бы человѣкомъ. Такимъ образомъ получился бы человѣкъ съ подраздѣленіями, что было бы

много умиѣ, потому что и человѣкъ № 1 и человѣкъ № 2, хотя и различны между собою, но все же составляютъ одну группу людей возвысившихся и отдѣлившихся отъ общаго уровня. Всѣ прочіе оказались бы сниз-человѣками или подчеловѣками. Самое же умное всякаго человѣка называть человѣкомъ.

Послѣднее уже не клюква, а привозный быстро акклиматизировавшійся фруктъ, какихъ у насъ великое множество. Вотъ еще одинъ подстать на закуску. Нѣкій мыслитель Запада уже давно объявилъ, что онъ нашолъ наконецъ истиннаго Бога — Богъ это человѣчество. По заведенному обычаю въ такихъ случаяхъ множество жаждущихъ истины, въ томъ числѣ разумѣется и наши землячки пали ницъ предъ великимъ учителемъ. Многіе изъ нихъ и теперь еще лежатъ распростершись. Однако, что же это за ученіе? Трусливое ли мальчишество, увлеченное новымъ потокомъ, но не имѣющее силъ вполнѣ и безусловно отказаться отъ стараго? Или просто безуміе въ ученой кожѣ, безуміе слѣпое не видящее безпредѣльности даже видимой вселенной; безуміе без-

памятное, забывающее, что открытіе безконечныхъ міровъ уже произвело разъ великое крушеніе.

Но кромѣ ягодъ попадаютъ еще чуть замѣтныя почки все съ тѣмъ же запахомъ. Помѣщается объявленіе съ самымъ невиннымъ видомъ: мы только „слышали“ и передаемъ, что слышали, а сами мы ничего, только передаемъ. Слышали „мы“, что нарушеніе порядка во время богослуженія будетъ приравнено къ нарушенію порядка въ театрахъ или въ трактирахъ, гдѣ бойкіе семиты, зазнавшіеся азіаты и прогрессирующіе русскіе подражаютъ тѣмъ незабвеннымъ Китаемъ, которые колотили зеркала бутылками съ крикомъ: за все заплатимъ! За все заплатимъ! кричить и новый Кить, зная хорошо, что больше синенькой отдавать не придется. Весьма возможно, что составятся компаніи для специально церковныхъ безчинствъ,—благо дешево. И платить тоже найдутся посторонніе охотники. Надо же просвѣщать народъ.

Одинъ изъ крупныхъ философовъ сказалъ же, что народу надо насильно дѣлать духовныя операціи, хотя бы онъ при этомъ

кричалъ и неистовствовалъ отъ боли. На это можно замѣтить: слѣдуетъ только радоваться, если исцѣляемый такимъ способомъ народъ будетъ уплачивать сердобольнымъ хирургамъ слѣдуемый гонораръ у первой ослицы. Если такъ говорятъ дѣйствительные философы, то гаденькіе философчата конечно не отстанутъ отъ нихъ. „Впрочемъ это только слухъ. „Мы“ передаемъ его безъ всякаго умысла; „мы“ не хотѣли возмущать чувства народа и не хотимъ дѣлать даже самыхъ маленькихъ операцій“.

Однако такое предположеніе можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ у когонибудь существовать; но что оно не осуществится—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Теперь время неожиданныхъ противоположностей: вѣдь послѣдовало же, послѣ прошлагодняго просвѣта, разъясненіе, что „обида между супругами не наказуема“. Сонъ или явь? Или Толстой правъ на карикатурныхъ страницахъ „Воскресенья“?

Кромѣ такихъ прямо непозволительныхъ извѣстій „безъ умысла“, встрѣчаются извѣстія дѣйствительно безъ умысла, но все таки испозволительныя. Напримѣръ: „Въ окруж-

номъ судѣ разбиралось дѣло булочника, обвинявшагося въ отравленіи своей жены, которая затѣмъ умерла. Присяжные оправдали булочника“. И все. Почему же оправдали? Потому ли, что фактъ отравленія не доказанъ; потому ли, что отравленіе было по неосторожности; или хоть не потому ли, что мужъ воплощенный ангелъ, а жена воплощенный демонъ, такъ что чаша даже ангельскаго терпѣнія переполнилась? Въ послѣднемъ случаѣ по крайней мѣрѣ будемъ знать, что первые могутъ травить послѣднихъ; все же лучше чѣмъ: отравилъ и оправданъ. И почему же не прибавлено: публика аплодировала.

Все это набрано кое какъ изъ очень ~~не~~ многихъ газетъ. А если бы читать ихъ все и ежемѣсячно составлять подобное обзорѣніе,—составился бы прелюбопытный и поучительный журналчикъ. Такъ вотъ какъ! А все таки затворники не правы.

XXXVI. ГРАФЪ ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ.

По среди всей этой крушины и волчьихъ ягодъ древо жизни по прежнему цвѣтеть.

Вотъ яблочко недавно созрѣвшее на немъ. Московское общество трезвости по предложенію портного и свѣчника, при поддержкѣ священника, $\frac{7}{8}$ -ю всего состава исключило изъ своихъ списковъ почетнаго члена графа Льва Толстаго. Отрадно то, что дѣло начато не какими либо борющимися „просвѣщенными“ партіями, а совсѣмъ простыми русскими людьми при поддержкѣ служителя Православной Церкви. Простой неученый народъ показалъ, что его нельзя поймать ни высокохудожественными роказнями, ни театральнымъ печестроеніемъ, ни безмѣрными восторгами образованныхъ слоевъ. Онъ ни чему этому не вѣритъ. Честь и слава ему!

Святыя и чистыя его вѣрованія, давшія ему и долголѣтіе и силу, для него дороже всякихъ современныхъ художествъ, поправдѣ сказать, порядочно таки пустоватыхъ, годныхъ по преимуществу для услажденія — или разжирѣвшихъ тѣломъ на счетъ чужаго труда и здоровья, а то и просто дармоѣдовъ, — или чахоточныхъ духомъ лжерабочихъ въ мірѣ просвѣщенія. Много у русскаго народа враговъ и явныхъ внѣшнихъ, и тайныхъ внутреннихъ, чтобы еще терпѣть.

въ своей средѣ вредныхъ проповѣдниковъ, пользующихся безнаказанностью своего привилегированнаго положенія. Жизнь дороже художества и въ случаѣ надобности безъ колебаній слѣдуетъ принести послѣднее въ жертву первой.

По признанію самого Толстаго съ весны многіе оскорбляютъ его, многіе отъ него отворачиваются. Какъ же это великій мыслитель, написавшій новое евангеліе и держащій постоянно на своемъ столѣ Евангеліе истинное, проглядѣлъ подробности такого важнаго событія, какъ явленіе сатаны? „Поклонись мнѣ, и весь этотъ міръ я отдамъ Тебѣ!“ Христосъ вѣдь не поклонился; а кто поклонился, тотъ долженъ пасть. Можетъ быть скажутъ: и тогда кричали—распни Его! Но разница въ томъ, что Христосъ Самъ пришелъ на эти крики; а графъ попалъ въ новое положеніе противъ воли; Христосъ молился на крестѣ, а графъ на бархатномъ диванѣ совсѣмъ растерялъ напускное величіе. Эхъ, не надо бы ему забывать IV-й главы отъ Матѳея!

Прошли тѣ полудикія времена, когда возможны были Магометы. Современный Ма-

гометъ сможетъ набрать только хилыя толпы поклонниковъ, да и то въ самыхъ гнилыхъ отстояхъ народа. Современный правильно развитый человѣкъ охотно вступить въ общество взаимоученія, но человѣка, имѣющаго претензію быть только учителемъ, подлѣ себя не потерпитъ, а искать новыя религіи сочтетъ прямо позоромъ. Пусть ужъ одни бездѣльничающіе фельетонисты до сихъ поръ еще видятъ настоящихъ пророковъ, отъ нихъ же первый есть Толстой.

Вскорѣ послѣ „исключенія“ появилось извѣстіе, что тоже три человѣка тоже изъ Московскаго Общества трезвости но только другаго качества заявили протестъ, объясняя его тѣмъ, что „философскія и богословскія статьи графа не могутъ имѣть ничего общаго съ задачами общества трезвости“. Жестокое ошибаетесь, гг. три человѣка! Не только могутъ, но обязательно должны. Это общество состоитъ не только изъ людей желающихъ уничтожить въ народѣ пьянство, но и изъ бывшихъ пьяницъ, которые пришли сюда, спасаясь отъ страшнаго недуга, всюду преслѣдовавшаго ихъ. Такимъ людямъ нуженъ привѣтъ, ободреніе и покой. Опасно трево-

жить ихъ раны, еще не совсѣмъ зажившія. Но что можетъ быть большѣе для души, какъ оскорбленіе дорогого и близкаго, какъ поруганіе ихъ лучшихъ думъ и видѣній, благословлявшихъ ихъ съ самаго дѣтства на всѣмъ жизненномъ пути? Охраненіе такихъ людей не дешевле охраненія Толстаго. Если же въ этомъ пріютѣ, можетъ быть послѣдней надеждѣ для нихъ, они услышатъ, что рядомъ съ Спасителемъ міра желаетъ возсѣсть одинъ изъ ихъ членовъ, усиленно подсаживаемый своими приспѣшниками, то не мудрено, что самый крѣпкій трезвенникъ затынетъ горькую.

Есть газеты, которыя стараются оправдать исключаящихъ изъ своей среды не нужныхъ и вредныхъ членовъ, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ они виноваты: „какъ же порицать ихъ... такова среда... дайте же право каждому думать и чувствовать“. Къ чему этотъ робко-виноватый тонъ? Кто эти, къ кому обращено такое заступничество? Кто осмѣлится не дать думать и чувствовать? Чья дерзость рискнетъ перейти предѣлы терпѣнія? Честь, слава и великое спасибо портному Ворсуняку, свѣчнику Замятину, отцу Лебедеву и ⁷/₈

Московского общества трезвости! Дай Богъ, чтобы и другія общества послѣдовали ихъ примѣру, не взирая на жидовскій лай и либеральное шипѣнье.

Но священнослужители не должны ограничиваться только краткими заявленіями: „если останется онъ, то я выйду изъ состава собранія“; или: „явился новый врагъ православія, убѣгайте отъ него“. Этого мало. Слѣдуетъ разяснить всю пустоту и дутую напыщенность новаго ученія. А они слишкомъ очевидны не только для истинно вѣрующихъ, но даже и для совсѣмъ невѣрующихъ. Слѣдуетъ разяснить не только на основаніи священныхъ текстовъ,—такъ какъ такое разясненіе многимъ покажется одностороннимъ,—но и на основаніи общихъ положеній. Слѣдуетъ живо и ярко обрисовать различные типы графскихъ поклонниковъ и искреннихъ и неискреннихъ. Тогда народъ увидитъ, что и среди первыхъ есть очень много отталкивающихъ отъ себя всякаго неломанаго человѣка; вторые же поголовно всѣ таковы. А есть и вторые. Ихъ надо искать въ рядахъ публично рыдающихъ: ахъ, что будетъ съ нами, если не станетъ Толстаго!

Что будетъ съ русской литературой, когда закатится это послѣднее величіе! Въ самомъ же дѣлѣ имъ нѣтъ дѣла ни до литературы, ни до величія; имъ нужны, только смуты и сами себѣ они думаютъ: что будетъ? да ничего особеннаго, ухватимся за что нибудь другое, а это другое всегда съумѣемъ пайти; вѣдь не даромъ же насъ считаютъ людьми культурными.

Очень многіе даже изъ тѣхъ, которые не питаютъ особеннаго расположенія къ духовнымъ, примутъ ихъ сторону во первыхъ потому, что ихъ дѣло правое, а во вторыхъ, чтобы не попасть на одну доску съ толстовцами,—примутъ ихъ сторону въ вопросахъ чисто евангельскихъ, а не въ житейскихъ, т. е. именно въ тѣхъ, на которыхъ новый „пророкъ“ особенно старается основать свою славу. Жизненные вопросы интересуютъ его больше какъ художника, а не какъ мыслящаго борца за правду. Много ли его прославленный талантъ послужилъ на пользу наилучшей и несчастнѣйшей части женской половины — простой крестьянки, скромной, не фальшивой, не трескучей, а трудящейся много болѣе всѣхъ остальныхъ частей этой по-

ловины? Ему до нея мало дѣла. Онъ призываетъ насъ сочувствовать безстыже - развратнымъ дѣвкамъ, да стриженнымъ „мученицамъ за правду“,—за что не побрезговаль получить отъ нихъ „спасибо“. А до той дѣйствительно честной мученицы, которая не знаетъ его и поэтому не можетъ принести ему изъ своихъ темныхъ трущобъ ни хвалы ни благодарности,—до той ему мало дѣла. Ее даже можно оскорблять: стая лаекъ за нее не заступится. Съумѣлъ ли да и хотѣлъ ли онъ непрестанно и твердо защищать ее забитую трудомъ отъ супружескаго звѣрства? Нельзя допустить, что онъ поступалъ такъ съ умысломъ, чтобы вѣрнѣе колебать устои христіанъ, до глубины души возмущенныхъ не только беззащитностью несчастныхъ, но и страшнымъ кощунствомъ надъ изображеніемъ союза Христа съ Церковью.

Но если бы въ самомъ дѣлѣ защита высшаго творенія, вслѣдствіе удивительныхъ умосплетеній была затруднительна, а подѣ часъ и не возможна; то,—перейдя на противоположный полюсъ любви, любви къ низшимъ, но тоже страдающимъ тварямъ, которой Толстой видимо не чуждъ, — замѣча-

емъ ту же непоследовательность. Его сочувствіе къ этимъ безмолвнымъ страдальцамъ, презираемымъ гордымъ, только себялюбивымъ „вѣнцомъ творенія“, или „царемъ природы“, или „новымъ богомъ“, или... ну да мало ли.—такъ его сочувствіе выражается только тѣмъ, что онъ не ѣстъ убойнаго. Сочувствіе довольно странное и ужъ во всякомъ случаѣ малоцѣнное. Нельзя же допустить, что онъ не ѣстъ мяса все еще потому, почему онъ не совѣтуетъ его ѣсть молодымъ людямъ, обуреваемымъ половой страстью. Богъ далъ плотоядные зубы, такъ и ѣшь плоть, да только вырви зубы изъ сердца, насажденные дьяволомъ.

Вотъ здѣсь дѣйствительно можно упрекнуть нашихъ пастырей за ихъ болѣе чѣмъ равнодушное отношеніе къ этому дѣлу. Они могли бы и должны бы по мѣрѣ силъ смягчать стоножадные и кровожадные нравы, развивающіеся въ людяхъ чуть не съ младенчества. И Толстой могъ бы и долженъ бы сдѣлать здѣсь многое. А много ли онъ написалъ хоть объ охотѣ, практикующейся не только для уничтоженія вредныхъ животныхъ и для добыванія пищи, но и для удо-

вольствія? Много ли онъ далъ картинъ, внушающихъ отвращеніе отъ бесполезныхъ мученій? Если „вѣнцу творенія“, „царю природы“, „новому богу“ и пр. и пр. все это покажется смѣшнымъ, то его можно будетъ помазать медомъ по губамъ, сказавъ, что смягченные нравы бесспорно отразятся и на людскихъ отношеніяхъ.

Какой то ученый профессоръ, гдѣ то, кажется не очень давно сказалъ, что состраданіе къ животнымъ дѣло хорошее, но странно думать объ этомъ, когда много людей нуждаются въ помощи, сперва надо помочь людямъ, а потомъ уже и тѣмъ. А что бы выполнѣ убѣдить своихъ слушателей, привелъ самое наглядное доказательство: „лѣстницу надо мести не снизу, а сверху. Начинайте съ верхнихъ, дойдете и до нижнихъ ступеней“. Слушатели, привыкшіе думать, что профессора всегда говорятъ правду, согласились съ нимъ. Покрайней мѣрѣ никто, даже передавшія это газеты не замѣтили, что вѣроятно отъ вящшей учености, духовнымъ взорамъ профессора лѣстница представилась „вверхъ ногами“. Вырастающій человѣкъ сперва любитъ, кромѣ мамы, только однѣхъ

куколъ, потомъ котятъ и щенковъ, а наконецъ уже человѣка. Слѣд. и надо идти этимъ путемъ. Всякое дѣло слѣдуетъ начинать съ легкаго конца; а помочь животнымъ много проще, легче, скорѣе и дешевле, чѣмъ помочь людямъ. Дѣти, къ которымъ, сколько помнится, профессоръ держалъ рѣчь, почти не въ силахъ оказывать существенную помощь людямъ, а замороженнымъ щенкамъ и котятамъ могутъ легко. Да кромѣ того здѣсь помощь можетъ ограничиваться одной отрицательной стороной: не бей, не мучь, не разоряй гнѣздъ. Видно, что или здѣсь нѣтъ ни какой лѣстницы, или лѣстница перевернулась. Кромѣ того профессоръ совсѣмъ забылъ, что бываютъ лѣстницы и безъ глухихъ перилъ, которыя значить можно мести какъ угодно. Затѣмъ профессоръ совсѣмъ несообразилъ, что его лѣстница слишкомъ велика и что по его системѣ метенія нижніе ступени дождутся своей очереди не ранѣе какъ послѣ кончины міра. А до тѣхъ поръ все время, не исключая и нашего, эти ступени будутъ завалены горами мусора, такъ что профессорская лѣстница перестанетъ служить, какъ таковая, и, значить, всякое метеніе ея сдѣлается из-

лишнимъ. А если „мести“, перемѣнить на „строить“, что будетъ вѣрнѣе, то придется начинать съ нижней ступени. Вообще—сравненіе не важное, а слѣдовательно и не убѣдительное.

Толстой же вѣроятно ясно понимаетъ, — что онъ за всю свою долгую жизнь не могъ бы съѣсть столько животныхъ, сколько ихъ гибнетъ совершенно безцѣльно, — что ихъ родится болѣе чѣмъ имѣется для нихъ пищи, значить дѣло не въ смерти сегодня или завтра, а въ жизни безмучительной, — и что слѣдовательно дѣло не въ недѣяніи убойнаго, а въ жгучемъ увлекающемъ словѣ, во множествѣ чудныхъ разсказовъ, которые, при его выдающемъ дарѣ, онъ съумѣлъ бы написать и при его богатствѣ смогъ бы въ тысячахъ экземпляровъ разбросать по всей Руси великой. Но онъ ничего подобнаго не сдѣлалъ. Онъ заботился не столько о страждущихъ, сколько о своей славѣ. Потому то народъ и не знаетъ его; потому то мастеровые и кричали: мы не знаемъ никакого Толстаго. Но за то его знаютъ тѣ, которые, расположившись на верхнихъ цвѣткахъ жизни, думаютъ, что все громадное и могучее дерево только ими и живетъ; думая такъ, играютъ

съ золотистыми жучками и пестрыми бабочками и не только не питають темныхъ, здоровыхъ корней, но еще стараются высосать изъ нихъ какъ можно болѣе соковъ для удовлетворенія своихъ жучковъ и бабочекъ, при чемъ имѣють дерзость называть себя друзьями народа. И не всегда умное солнце грѣеть ихъ. И толстовцы вѣрятъ, что слава ихъ учителя безмѣрно велика и незыблема. Онъ получаетъ письма изъ Америки и даже изъ дебрей Индустана, на великую радость захлебывающихся отъ восторга своихъ учениковъ. Что же будетъ съ ними, когда начнутъ получаться письма и отъ первобытныхъ жителей Океаніи? А великій мыслитель, слушая и читая все это, еще болѣе убѣждается, что слава его безмѣрно велика и незыблема и не желая быть неблагодарнымъ заявилъ въ своемъ жалкомъ „Воскресеніи“, что всѣ эти не столько парикмахерскія, сколько умственные и нравственные стрижки съ компаніей въ самомъ дѣлѣ хотять и могутъ послужить на пользу народа. Старческій изсыхающій мозгъ подлаживается подъ тонъ мальчишества. Это ли не великій мыслитель! Онъ въ своей необъятной гордости рѣшился объявить, что если бы ему дали волю, то онъ

сокрушилъ бы христіанство. Какое низкое понятіе составилъ этотъ „великій“ о русскомъ умѣ и даже объ умѣ всесвѣтномъ.

Съ другой стороны — какъ нужно мало уважать себя чтобы преклоняться предъ подобнымъ учителемъ! Онъ, упиваясь курящимся предъ нимъ фиміамомъ, и въ самомъ дѣлѣ подумалъ, что въ дѣлѣ Вѣры онъ изрекъ нѣчто новое и великое. Онъ, конечно, въ молодости зналъ, да въ старости забылъ, что его догматы и толкованія давно, за долго до него, были извѣстны чуть не всякому гимназисту. Эти догматы одни съ негодованіемъ отвергали; другіе относились къ нимъ безразлично; третьи принимали, но не отъ него. Возможно, что Толстой увеличилъ послѣднюю группу, но вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилъ и укрѣпилъ первую, въ силу того, что всякое дѣйствіе вызываетъ противодѣйствіе. Да и изъ третьей группы болѣе сильные духомъ ушли во вторую, не чувствуя ни малѣйшей сладости быть бараномъ даже у самого моднаго пастуха. Но если допустить, что третья группа отъ его ученія увеличилась значительно, хотя разумѣется далеко не до желаемыхъ имъ размѣровъ, то слѣдуетъ спросить: чего же

добился онъ, безтолково спутывая качество орудія съ качествомъ работы и не понимая, что въ чемъ повѣрять Сыну Божію, въ томъ не повѣрять сотнямъ такихъ Толстыхъ? Христосъ не нуждается въ полупризнаніи: или прими Его такъ, какъ Его приняли первые христіане, или оставь Его и не ухищрайся въ безпрестанныхъ ссылкахъ на Евангеліе. Середина составляетъ удѣлъ виляющей немощи. Видный ученый Запада сказалъ, что человѣческимъ міромъ управляютъ не идеи, какъ это обыкновенно принято думать, а чувства. Вся объемистая Толстовщина во всѣхъ строкахъ ярко подтверждаетъ эту вѣрную мысль.

XXXVII. ПРЕСТУПНЫЙ МАСКАРАДЪ.

Таковы въ изобиліи созрѣвающіе плоды новаго рая—просвѣщенія. Это только древесные высшіе плоды его. До кустарныхъ же травяныхъ, моховыхъ и грибныхъ лучше и не дотрогиваться. Таковъ новый рай, который, имѣя много сходнаго со старымъ, во многомъ и отличается отъ него. Обиліе, очевидно ни для чего не нужныхъ деревьевъ

все тоже. Древо познанія зла разрослось въ цѣлый лѣсъ, но съ другого бока сильно подсохло. Древо жизни одиноко ютится въ глуши, но не вянетъ. Лукавый по прежнему разгуливаетъ на свободѣ, но вмѣсто змѣиной шкуры, одѣвается по послѣдней модѣ. Вмѣсто одной Евы развелось великое множество. Всѣ онѣ по прежнему обольстительны, но вмѣсто яблочковъ угощаютъ „косящими“ стремленіями и совсѣмъ косыми мечтами. Адамы послѣ угощенія уже больше не прячутся подъ кусты, потому что и безъ этаго ловко прикрыты.

Но совсѣмъ новое, чего не было въ древнемъ раю—это особая особа, называемая прессою, еще—великой державой, еще—богиней, еще разными другими манерами, иногда не очень хорошими. Но это не правда; она ничего себѣ, баба хорошая, только ужъ очень неряшлива и нечистоплотна: подпускаетъ къ себѣ всякаго, безъ разбору, лишь бы умѣлъ перомъ водить. Да и разухабистая же! Какъ начнетъ ругаться, такъ такія штуки выкидываетъ, что иной даже и не стыдливый мужикъ покраснѣетъ. Спасибо еще, что старшіе сдерживаютъ, а то бы и-и-и... что было!

Впрочемъ это у ней въ родѣ жизненнаго элексира; безъ этаго она спала бы съ тѣла и даже совсѣмъ зачахла бы.

Кромѣ такой не совсѣмъ похвальной храбрости, она обладаетъ еще не очень похвальной стыдливостью. Для того, чтобы понимать газеты мало взять ихъ въ руки и читать; надо еще пройти предварительный курсъ газетовѣдѣнія. Но такъ какъ такого курса ни устно, ни заочно, черезъ почту, не преподается, то огромное большинство читателей находится въ интересномъ положеніи обманутыхъ жертвъ. Чтобы вывести ихъ изъ него, слѣдуетъ установить твердое руководство надъ чтеніемъ народа и слѣдуетъ отдать его въ умѣлыя честныя руки, а не въ какія попало. Слѣдуетъ разъяснить народу, чтобы онъ съ большой осмотрительностью выбиралъ газеты и съ большой обдуманностью довѣрялъ имъ, помня, что иные выводы необходимо принимать прямо въ обратномъ смыслѣ: если пишутъ, что этотъ человѣкъ дурной, значитъ надо понимать, что этотъ человѣкъ хорошій; если пишутъ — честнѣйшій человѣкъ, читай — одинъ изъ тѣхъ, которые это пишутъ. Необходимо на-

роду знать, что половина печати всего свѣта находится въ еврейскихъ рукахъ и что наша отечественная печать не составляетъ исключенія. И не одинъ простой народъ, но и среднѣе классы не только, захолустій но и большихъ городовъ находятся въ несчастномъ невѣдѣніи.

Тѣ лавки, гдѣ продаются маргаринъ, сахаринъ и т. п. обязаны выставлять на видныхъ мѣстахъ объявленія; но газетныя торжища пользуются до сихъ поръ очень вредной привилегіей. Если кадки съ маргариномъ безъ вывѣски считать проступкомъ, то не освѣщенные гнѣзда просвѣщенія уже преступны. Мало того, что при подпискѣ огромное большинство не знаетъ состава и характера редакцій со всѣми сотрудниками; но и читая газеты часто видимъ подъ статьями не фамиліи авторовъ, а какіе то гіероглифы. Пора бы, кажется, додуматься господамъ литераторамъ, что въ честномъ служеніи добру и правдѣ маскарады болѣе чѣмъ неумѣстны. Подъ чужую шапку необходимо прятаться только тому, кто за свои дѣла надѣется получить по шапкѣ. Правдивый свѣтоносецъ не закрываетъ лица. Если онъ сдѣлалъ ху-

до,—что можетъ случиться со всякимъ,—то онъ терпѣливо вынесетъ должное возмездіе. Если онъ ошибся, то съ благодарностью приметъ поправки. Если онъ сдѣлалъ хорошее, то не зачѣмъ скрываться; не хочешь людской благодарности—не бери, никто навязываться не будетъ. Если кого обуяла робость, тотъ долженъ помнить, что это болѣзнь, съ которой надо бороться. Страхъ передъ тѣмъ, что онъ будетъ поруганъ и осмѣянъ людьми не стоящими уваженія—еще того хуже. Люди достойные уваженія даже и противники не будутъ ни браниться, ни осмѣивать; они только постараются точными доводами разрушить имъ содѣянное. Если имъ это удастся, значить содѣянное было ложно, и **самъ** созидатель долженъ благодарить ихъ.

Давно пора изгнать изъ литературнаго міра псевдонимы, какъ простые, такъ и съ потугами на маскарадное остроуміе, инициалы, не полныя фамиліи и отсутствіе подписей. Мало того: каждая газета или журналъ въ началѣ года или въ извѣстное время долженъ представлять читателю на самомъ видномъ мѣстѣ подробный списокъ всѣхъ безъ исключенія участниковъ дѣла, измѣняя его

не медленно согласно измѣненію своего состава. Списокъ этотъ не долженъ ограничиваться только фамиліями, какъ это иногда дѣлается и теперь, но съ другими цѣлями, а потому всегда съ окончаніемъ: „и многіе другіе“. Онъ долженъ представлять краткіе формуляры участниковъ, подобные тѣмъ, какіе встрѣчаются въ отдѣлѣ некрологовъ, даже съ указаніемъ вѣроисповѣданія. Не слѣдуетъ думать, что знаменитости не нуждаются въ формулярахъ; не слѣдуетъ потому, что о знаменитостяхъ, какъ о вкусахъ, лучше не спорить, — да и гдѣ граница между ними и простыми смертными? — во вторыхъ потому что знаменитость, какъ и всѣ люди, можетъ портиться, чего отъ читателей скрывать не слѣдуетъ; наконецъ оттого, что мракъ исчезаетъ медленно и постепенно: постоянно открываются новые уголки, новыя кучки, впервые принимающіеся за чтеніе.

Еще слѣдуетъ посовѣтовать газетамъ, что бы они не подражали афишамъ загородныхъ кабачковъ, извѣщающихъ почтеннѣйшую публику, что съ такого то числа ихъ представленія пойдутъ при благосклонномъ и „ближайшемъ участіи“ знаменитой канканерши,

имя которой ставится выше другихъ и конечно самыми толстыми буквами. Вѣдь и другихъ то надо пожалѣть. За что же они бѣдненькіе нѣкоторымъ образомъ страдаютъ? Сама то звѣзда не догадается попросить избавить ее отъ такой чести.

Удивительное явленіе: во времена широкой гласности самая наигласнѣйшая область остается малогласною. Конечно подобно тому, какъ двери гласныхъ судовъ иногда затворяются, исключительные случаи могутъ быть и здѣсь. Если какой нибудь правдивый корреспондентъ живетъ въ печальной зависимости отъ дикихъ нравовъ, тогда можно и даже слѣдуетъ прикрыть его; но читателю такъ и объявить: по причинѣ дикихъ нравовъ корреспондентъ такой то мѣстности объявленъ быть не можетъ, — при условіи, что онъ дѣйствительно честенъ и не глупъ, что не всегда бываетъ. А то согласишься, что секретное подслушиваніе и напоптываніе даже и съ благой цѣлью, не можетъ считаться благомъ.

При нынѣшнихъ непроницаемыхъ острожныхъ казематахъ, куда добровольно и съ

удовольствіемъ заключаютъ себя жрецы прессы, несмѣтное число читающихъ находится въ крайне неудобномъ, даже жалкомъ положеніи. Предъ ними вѣстникъ правды, который, подобно средневѣковому инквизитору, весь закутанъ. Блестятъ только глаза. Конечно опытный читатель по нимъ вѣрно опредѣлитъ и душу; но вѣдь такихъ читателей не очень много, да къ тому же онѣ принадлежатъ къ тѣмъ, которые все равно не привыкли вѣрить всему написанному. Но большинство совсѣмъ сбивается съ толку. Хорошо, если проходитъ какая нибудь яркая полоса въ народной жизни, тогда газеты различить не трудно. Встрѣтишь бывало: „неповинный Дрейфусъ, благородный Лабори“, — ну, благородство газеты уже и опредѣлилось. А въ тихое время иному надо долго додумываться, что значить: „позорно считать божьего еврея за убійцу“, надо же дать свободу театральному искусству“; „Россія независима, поэтому странны въ ней и національный характеръ школы и какое то Русское Собрание“. Тутъ не всякій замѣтитъ, „честнаго“ Дрейфуса. Большинство благодушныхъ русачковъ, напротивъ, подумаетъ: а, вотъ вѣдь какъ! а я то думалъ совсѣмъ

иначе; какъ полезно читать газеты. Вотъ этимъ то благодушнымъ и должна подаваться современная и рѣшительная помощь.

Но иногда и понятливому читателю помощь не излишня. Пробуетъ онъ то ту, то другую газету, а время и деньги все уходятъ. Да гдѣ же наконецъ чистыя то газеты? съ отчаяніемъ восклицаетъ онъ и, бросая подъ столъ каталогъ, бѣжитъ къ знающему товарищу. Скажи, голубчикъ, ради Бога, гдѣ мнѣ найти чистую газету? Ужъ на что кажется „Русское Счастье“, издаваемое самымъ русскимъ купцомъ. Ну, думаю, отдохну. Выписалъ. И что же? Опять честный, да еще честнѣйшій Дрейфусъ. Это просто поразительно!

— Эхъ, дружище, отвѣчасть тотъ, что жетуть поразительнаго? Ну, задумалъ купецъ издавать газету. Тотчасъ бѣгутъ къ нему юркія фигурки.—Издавать газету надумали, ваше степенство, — хорошее дѣло, мы рады послужить. — Ну, ну, проваливай! говоритъ степенство, мнѣ такихъ не надо.—И какъ же можно намъ проваливать! И куда же мы будемъ проваливать? Вы такой умный, такой

просвѣщенный комерсантъ, составляющій, можно сказать, украшеніе и гордость всей Россіи, — неужели же вы захотите показать себя отсталымъ передъ Европой. Нѣтъ, не можетъ быть! Вы шутите, ваше степенство. Къ тому же съ нами и дѣло пойдетъ иначе. Мы въ Парижѣ нашего собственнаго корреспондента заведемъ, самаго отличнаго. Нашъ братъ вездѣ есть. Онъ съумѣетъ всюду расхвалить вашу газету, и подписка будетъ съ башню вавилонскую. Понимаете?—Теперь сообразилъ, отвѣчаетъ степенство, — жарьте!

Такъ издаются нѣкоторыя купеческія газеты. Объ аристократическихъ газетахъ тоже можно сказать нѣчто подобное, но только въ другомъ родѣ. Надо же аристократамъ показать, что они или отцы ихъ не даромъ сорили русскія денежки по заграницамъ, что они тамъ собирали все полезное для блага горячо любимыхъ соотечественниковъ. А карманы хоть какъ нибудъ пополнять все таки необходимо. Изданіе газеты не всегда требуетъ тяжелаго труда и замѣтнаго разума, а въ матеріальномъ отношеніи можетъ быть выгодно, особенно при нѣкоторыхъ поддержкахъ, за которыя, конечно, необходимо на-

пустить побольше распролиберального духу. Самому то барину можетъ быть этотъ духъ и не по нутру, самъ то баринъ можетъ быть не упустить при случаѣ „старого Гаврило двинуть разикъ въ рыло“, — ну да газета то совсѣмъ другое.

Все это долженъ знать народъ, чтобы успѣшно бороться со своими развратителями. Отшельники и затворники можетъ быть дѣлають прекрасно, что захлопываютъ двери передъ очень уже передовой россійской интеллигенціей, но если они затворяють ихъ въ наше смутное время передъ всѣми, то дѣлають большой грѣхъ.

Однако обо всемъ этомъ вставномъ, довольно. И такъ уже вмѣсто маленькой подстрочной картинки вышли цѣлые листы съ большими картинами. Впрочемъ нельзя сказать, чтобы эти картины были здѣсь совсѣмъ неумѣстны. Развѣ въ нихъ мало фигуръ изображающихъ Москву и ся памятники?

XXXVIII. ПРЕИМУЩЕСТВО СТАТУЙ.

Изъ всего прежде сказаннаго выходить, что о всѣхъ людяхъ двигающихъ человѣче-

ство по жизненному пути ни чуть не мѣшаетъ сохранять прочную пѣмь. Пѣмь эта должна выражаться въ чемъ либо вещественномъ, красивомъ и даже роскошномъ. Напрасно многіе возстають на блестящую внѣшность. Человѣкъ соединенъ съ окружающимъ міромъ внѣшними чувствами, которыя передають свои пріобрѣтенія внутреннимъ чувствамъ. Весьма естественно любить эти внѣшнія впечатлѣнія и дорожить ими. Человѣкъ горячо любитъ міръ зрѣнія и всѣ попытки ослабить эту любовь останутся безплодными.

Французскій романистъ, описывая блескъ папскаго служенія ставить его въ упрекъ христіанству, находя тутъ много фанатическаго язычества. Но вѣчному претенденту въ академики не слѣдовало бы забывать, что человѣкъ всегда склоненъ къ крайнимъ увлеченіямъ и что множество лучшихъ дѣлъ совершалось отъ этого двигателя. Что же касается собственно молитвы, то она всегда и вездѣ распадается на двѣ части: „подай Господи!“ и „Тебѣ Господи!“ Первая можетъ совершаться въ тиши, уединеніи и мракѣ, вторая должна быть въ блескѣ и всеобщемъ

ликованіи. Еще будущій „безсмертный“ вѣроятно понимаетъ, что ожидаемое имъ разрушеніе римскаго храма произойдетъ не отъ этихъ страстныхъ увлеченій и ослѣпительныхъ торжествъ, а въ силу того, что все земное преходяще,—что напротивъ безъ этого блеска храмъ давно бы палъ и даже совсѣмъ его бы не было. Самъ Христосъ ожидается въ такой славѣ, передъ которой померкнетъ всякая слава земная.

Осужденіе же вышихъ православныхъ священнослужителей за ношеніе брилліантовыхъ крестовъ такъ ничтожно, что на немъ не стоитъ останавливаться. Далеко не для всѣхъ понятно и то, почему при священнодѣйствіяхъ служители Церкви не должны надѣвать государственные знаки отличія. Неумѣстно только суетное тщеславіе,—а развѣ знаки честнаго служенія людямъ тоже сюда относятся? Служители Церкви всегда даже и при славословіи Божества, пока живы, должны оставаться служителями Царю и Отечеству и это служеніе также угодно Богу, какъ и первое.

Если разрушать значеніе внѣшнихъ чувствъ, то, слѣдую логическимъ путемъ, надо разру-

шать значеніе и чувствъ внутреннихъ, такъ какъ эти послѣднія служатъ только вторыми передатчиками внѣшняго міра въ глубину души, гдѣ уже слагаются основы жизни. Тогда не нужна и изящная литература, которая, минуя зрительный міръ, будить и создаетъ въ нашей душѣ образы все того же видимого міра. Человѣкъ не можетъ жить безъ этихъ представленій и хочетъ, чтобы эти представленія производили на него сильное впечатлѣніе и чтобы они ему нравились. Еще старинный пѣвецъ Іерусалима писалъ, что если хочешь поднести кому полезный напитокъ, намажь медомъ края сосуда. А нашъ недавній романистъ выразился прямо и откровеннѣе: публика! ты вѣдь глупа, тебѣ нужны—ночь, мостъ, выстрѣлъ,—ну, на, возьми; а теперь ты ужъ въ моихъ рукахъ. Конечно этотъ развязный шестидесятникъ счелъ долгомъ оговориться, что не все таковы. (Очень пріятно; а мы бы подумали, что все таковы.) Въ указаніи нужды есть правда; но глупости тутъ нѣтъ никакой. Человѣкъ трудящійся нуждается въ самомъ основательномъ отдыхѣ. Вмѣсто того, чтобы сѣсть за книгу съ модной болтовней, гораздо благоразумнѣе перелистовать передъ сномъ

ну хоть Конька-Горбунка и заснуть безмятежнымъ сномъ до трудового утра. Нѣтъ ничего глупаго, если человѣкъ интересуется яркими картинами и отъ нихъ уже переходитъ къ серьезному чтенію. Нѣтъ ничего глупаго отдавать предпочтеніе книгѣ съ картинками, передъ книгой безъ оныхъ.

Слѣдуетъ пользоваться полностію всѣми чувствами, которыми снабдила насъ природа, а въ особенности зрѣніемъ, важнѣйшемъ изъ всѣхъ внѣшнихъ чувствъ. Памятникъ непременно долженъ быть зрительный; а изъ такихъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе статуѣ съ пояснительными фигурами *). Имѣя такой, можно думать и о другихъ. Больницы, школы, читальни и т. п. въ сущности плохіе памятники: имя будетъ произноситься часто, а память будетъ просыпаться рѣдко. О самыхъ разукрашенныхъ колоннахъ, пирамидахъ, скалахъ, безъ статуи нечего и говорить, потому что при внутренней пустотѣ, онѣ даже и по внѣшней красотѣ не могутъ сравняться со статуей. Человѣческое лицо можетъ явить такую красоту передъ которой померкнуть и чудный цвѣтокъ, и тѣло

*) Но только не такими, какія мы видимъ на парижскомъ памятникѣ Гамбетѣ,—въ конецъ испортившими этотъ монументъ.

женщины, и лазурь съ животворнымъ солнцемъ. Это все радости земныя; лицо преобразившаго человѣка являетъ радости небесныя. Но для полнаго выраженія должна быть полная фигура т. е. статуя, а не бюстъ и тѣмъ болѣе не профиль лица въ рельефѣ. Конечно далеко не всякое лицо изображаемое на памятникахъ сіяетъ какъ божественное солнце; но все же всякій человѣческій чистый ликъ привлекателенъ. А иной разъ даже и совсѣмъ всякій.

Люди имѣютъ пристрастіе къ своему изображенію вообще во всѣхъ случаяхъ. Не только кумушки уѣздныхъ захолустій толпами со всѣхъ ногъ сбѣгаются „смотреть губернатора“, но и точъ въ точъ также будто бы просвѣщенные люди гоняются за поправившимся имъ грошовой горечью человѣкомъ до тѣхъ поръ, пока тотъ съ рублевой смѣлостью не крикнетъ имъ: стыдно! Значить человѣкъ имѣетъ такую же непреодолимую склонность къ оглядыванію, ощупыванію, обнюхиванію, какъ и его братья, можетъ быть много старшіе по возрасту, можетъ быть нерѣдко чище его душой, но лишенные суровой матерью возможности вступить на путь развитія. Пусть и будетъ такъ;

пусть люди видимо отличаютъ своихъ любимцевъ: умершихъ—разнаго рода изображеніями, живущихъ—общепринятыми внѣшностями. Связь между тѣмъ и другимъ очевидна; а потому остановимся и на послѣднемъ.

Но здѣсь встречаемъ несравненно болѣе шій расколъ, чѣмъ въ первомъ,—во первыхъ потому, что люди одержимы завистью къ живымъ, часто прикрытую какъ будто бы и въ самомъ дѣлѣ вѣрными разсужденіями (въ организмѣ мозгъ одинъ, значитъ онъ и долженъ управлять организмомъ; въ чловѣчествѣ чловѣковъ много значитъ... и т. д.); во вторыхъ потому, что многіе смѣшиваютъ почетныя отличія съ необходимымъ выдѣленіемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ жизни и въ третьихъ потому, что дѣйствительно бываютъ отличія на глиняныхъ ногахъ.

Особенному преслѣдованію со стороны извѣстнаго сорта людей подвергаются мундиры и съ ними сопряженные чины и титулы. Къ какимъ бы выводамъ не приводили общія разсужденія, болѣе вѣрное рѣшеніе въ данномъ случаѣ лучше искать въ

большинствѣ голосовъ. Американцы, — по мнѣнію того же сорта, — представляютъ высшій разцвѣтъ житейской мудрости; а эти самые американцы съ такимъ же жаромъ гонятся за высокими титулами, съ какимъ коллежскій регистраторъ въ Турухтанскѣ гоняется за титулярнымъ совѣтникомъ. Но послѣдній при этомъ рассчитываетъ еще и на увеличеніе жалованья; а первые сами на это тратятъ милліоны. Значитъ влеченіе къ отличіямъ повсюду очень сильно. Конечно можно, а иногда даже должно объяснять несостоятельность такого влеченія; но зубоскалить, какъ это часто дѣлается у передовиковъ, значитъ не умѣть сказать ничего путнаго.

Припоминаются два случая изъ недавняго прошлаго. Клоунъ увлекся своей ролью до того, что одного изъ своихъ хрюкающихъ товарищей назвалъ редакторомъ мѣстной газеты. За это серьезныя газеты осудили его, карикатурныя начертили карикатуры. Все какъ слѣдуетъ. Но вотъ вскорѣ послѣ этого одна изъ распространенныхъ петербургскихъ газетъ помѣстила статью какого то Криволюбова, по его собственному признанію, не

имѣющаго силъ отличить собаку отъ надворнаго совѣтника. Что подобная немощь встрѣчается безпрестанно у всѣхъ Криволобовыхъ,—это въ порядкѣ вещей, ибо они и себѣ не опредѣляютъ надлежащаго мѣста въ лѣстницѣ живыхъ существъ. Одинъ изъ подписчиковъ этой газеты указалъ ей на неумѣстность имѣть подобныхъ „сотрудниковъ“. Серьезная газета отвѣтила въ духѣ „Стрекозы“; карикатурная—помѣстила замѣтку съ видимымъ сочувствіемъ и фельетонисту и редактору. Можетъ быть и это все какъ слѣдуетъ по понятіямъ Криволобовыхъ. Но если Прямолобовы начнутъ говорить, что дѣйствительно иныхъ редакторовъ не сразу отличишь отъ дуровскихъ любимцевъ, — это ужъ будетъ печально.

Еще исторійка. Нѣкто изъ беззавѣтно преданныхъ слугъ яснополянскаго вельможи рассказывалъ, какъ тотъ обрѣзалъ какого то купца, явившагося къ нему въ мундирѣ, при медаляхъ и съ своимъ портретомъ, какъ тотъ гордо указалъ купцу на лакейскую. Находя все это „любопытнымъ эпизодомъ“, графскій слуга въ заключеніе уже отъ себя съ видимымъ удовольствіемъ прибавляетъ: „простому (т. е. безъ мундира и медалей) му-

жику графъ оказываетъ больше вниманія“. Какое ребячество и тутъ и тамъ, если только рассказъ вѣренъ. Какъ бы хорошо сдѣлалъ рассказчикъ и для себя и для своего владыки, если бы скрылъ отъ читателей этотъ „любопытный эпизодъ“.

Гоненіями на мундиры въ 60-е годы особенно любила услаждать себя краснокожая рептилія, такъ какъ болѣе серьезные коноводы того времени брезговали выѣзжать на подобныхъ конькахъ. Эта рептилія приравнивала мундиръ къ ливреѣ, находя это очень остроумнымъ,—послѣднее, по отношенію къ ней, весьма правильно, такъ какъ болѣе высокаго остроумія изъ такихъ головъ ожидать невозможно. Но сами они тоже имѣли пристрастіе къ разнымъ мундирамъ, конечно ихъ собственнаго изобрѣтенія: наилюбимѣйшій изъ всѣхъ—это волосы. Вторая половина челоуѣчества дабы не походить на обыкновенную женщину стриглась подъ гребенку. Выходило счастливо. Но первая половина оказывалась прямо въ трагическомъ положеніи: остричься нельзя въ виду возмутительнаго сходства; не стричься—сходство еще болѣе возмутительное. „Что тутъ дѣ-

лать? Какъ тутъ быть? Чѣмъ тутъ горю по-
собить?“

Впрочемъ новѣйшій еврейскій адвокатъ во всемірной столицѣ, снова нашелъ „ливрею съ побрякушками“ и потрясъ ею предъ лицомъ „генеральнаго штаба“ безславной гвардіи лжи и несправедливости“. Отъ этого вида и звука „генеральный штабъ“ со всѣми писарями пришолъ въ восторгъ неописуемый. Затѣмъ адвокатъ поднесъ ливрею къ носу писателя и воскликнулъ: „уничтожьте эти побрякушки!“ Отъ этого лысый (въ двойномъ смыслѣ) писатель,—кажется кующій въ тишинѣ какой то мечъ справедливости,—едва не задохнулся отъ восторга, но прокашлявшись сказалъ: пока еще нечѣмъ, а вотъ какъ скую мечъ, непременно уничтожу. „Раненый“ и физически (фальшиво) и морально (сомнительно) шутовской „Геркулесъ“ такъ брянчалъ своими собственными побрякушками, украшавшими его чело,—такъ брянчалъ, что привелъ въ дѣтское умиленіе и нашихъ корреспондентовъ. (См. „Рус. Сл.“ 1901 ¹⁶/XI, фельетонъ). Таково могущество побрякушекъ въ нашъ просвѣщенный вѣкъ! Но съ лязганьемъ побрякушекъ сливается звонъ милого сердцу

кошелька: „скорѣй, скорѣй, ко мнѣ, въ мой журналъ, почтеннѣйшая публика! Представленіе начинается по новой программѣ! Успѣхъ колоссальный! Скорѣй, почтеннѣйшая публика! „Когда вы видите человѣка въ черномъ сюртукѣ, вотъ такого какъ я, вы смѣло можете сказать: это честный человѣкъ!“ (Глухой шумъ сомнѣнія.) Ну честное же слово — я честный человѣкъ! Скорѣй, скорѣй, почтеннѣйшая публика!“ И вдругъ послѣ всего этого въ „генеральномъ штабѣ“, появились измѣнники, очевидно сами пожелавшіе звѣнѣть. Вотъ предатели! (Та же газета. № 322. Микроскопическій шрифтъ. — А все таки увидали.)

Знаю, знаю, что многіе читатели скажутъ: ишь нагородилъ ни къ селу ни къ городу. Буду оправдываться. Нагороженное все такое, о чемъ хочется потолковать съ читателемъ и по неволѣ обрадуешься, что хоть какъ нибудь его можно было пристегнуть къ главному предмету. Любители строжайшихъ системъ пусть сочтутъ эту книгу за сборникъ. А еще очень многое, о чемъ слѣдовало бы сказать, даже и къ сборнику не пристегивается. Это ужъ, Богъ дастъ, во второй книгѣ.

XXXIX. ТРЕТЬЯ ЦѢЛЬ.

Третья цѣль постановки памятниковъ — украшеніе мѣста стоитъ на послѣднемъ планѣ и въ отдѣльности даже не можетъ быть допускаемо, какъ оскорбительное для памяти изображаемаго лица. Чѣмъ выше значеніе памятника, тѣмъ прискорбнѣе видѣть, что изъ него хотятъ сдѣлать вещественное украшеніе города въ ущербъ украшенію духовному. Къ сожалѣнію книжные уставы о несліяніи архитектурныхъ начертаній, о несовмѣстимости статуй, слѣпая погоня за обширными и красивыми площадями и т. п. возводятъ эту послѣднюю цѣль постановки на самый верхъ. Къ выбранному по такимъ соображеніямъ мѣсту уже послѣ въ добавленіе начинаютъ придумывать разныя осмысленныя связи.

Такъ напр. избравъ для Гоголя Арбатскія ворота, разыскали, что гдѣ то тутъ недалеко на Никитскомъ бульварѣ есть домъ, гдѣ жилъ Гоголь. Значитъ связь выбрана-

го мѣста съ будущимъ памятникомъ, вслѣдствіе открытія этого дома, сдѣлалась крѣпкой и разумной. Но поправдѣ сказать это открытіе нисколько не увеличило разумность связи. Начать съ того, что памятникъ будетъ стоять у конца Пречистенскаго бульвара, а не Никитскаго. Но это еще ничего, а главное дѣло въ томъ, что жилище изображаемаго лица не можетъ служить притягательнымъ пунктомъ постановки памятника съ общимъ значеніемъ. Это потому, что первыхъ, такого дома могло и вовсе не быть въ выбранномъ городѣ; во-вторыхъ, ихъ могло быть нѣсколько въ разныхъ мѣстахъ; въ третьихъ, если даже и одинъ, то онъ можетъ стоять гдѣ нибудь въ глуши на окраинѣ города. Значить, если уже послѣ выбора мѣста дѣйствительно на разумныхъ основаніяхъ, окажется, что недалеко отъ этого мѣста жило изображаемое лицо, то это будетъ счастливая случайность, которой пожалуй можно порадоваться, но принимать ее за основу выбора не приходится. Правда, для Гоголя это и не принимали за основу, — что очень жаль; такъ какъ лучше хоть какая нибудь основа, чѣмъ совсѣмъ никакой.

XL. КОМИТЕТЫ.

Одной изъ главныхъ причинъ искаженія и порчи дѣла памятниковъ нерѣдко бываютъ сами комитеты по ихъ сооруженію. Примѣровъ много. Ограничимся двумя. Первый — тотъ же самый, — Гоголю. Комитетъ объявляетъ: „Памятникъ долженъ представлять изваяніе писателя въ сидячемъ положеніи, въ костюмѣ времени жизни его, на пьедесталѣ, соотвѣтствующемъ дѣйствительной обстановкѣ мѣста, предназначеннаго для памятника; проектъ долженъ быть оригинальнымъ, а не подражаніемъ; никакихъ аллегорическихъ фигуръ не допускается; также не допускаются барельефныя и горельефныя изображенія по сторонамъ памятника; простота и естественность замысла, ясность выраженія мысли, изящество и художественность очертаній признаются главнымъ условіемъ задачи“.

Кому ставятся такія условія?—ученикамъ, ремесленникамъ, мастерамъ неразбивающихся куколъ, или дѣйствительно талантливымъ,

свободнымъ въ своемъ творествѣ художникамъ? Не говоря уже о великихъ, если такіе у насъ есть, но даже и высокоталантливые творцы памятниковъ сочтутъ обиднымъ для себя принять такія условія. Ихъ примутъ только рабочіе изъ-за денегъ. Какой смыслъ въ томъ, что Гоголь долженъ изобразиться непременно сидя—въ противность Пушкину что ли? Отъ кого требуется костюмъ того времени—отъ лѣвщика куколъ, который могъ бы изобразить Гоголя или въ боярскомъ кафтанѣ или въ графской блузѣ? Что такое соотвѣтствіе дѣйствительной обстановкѣ предназначеннаго мѣста? Дѣйствительная обстановка Кремлевскихъ площадей, Красной площади опредѣлена и неизмѣнна. Но какая дѣйствительная обстановка Арбатскихъ воротъ, отличающихся порядочно такою уѣздной архитектурой? А отчего не допускаются рельефы—это, надо полагать, и самъ комитетъ затруднится объяснить вполне удовлетворительно. Отсутствие аллегорій, оригинальность, простота, естественность, ясность, изящество и художественность—признаются главными условіями. Все это прекрасно. Но кого учить комитетъ? Кого онъ считаетъ ниже себя по развитію?

Такія условія возможны только тогда, когда памятникъ имѣеть частное значеніе и ставится гдѣ нибудь въ залѣ, на дворѣ, въ крайнемъ случаѣ передъ домомъ на улицѣ. Если же онъ предназначается для открытыхъ центровъ столицы и составляетъ созданіе и собственность народа, то роль комитета должна быть ограничена слѣдующимъ. Онъ приглашаетъ черезъ газеты высказаться всѣмъ желающимъ относительно мѣста для памятника въ установленный имъ срокъ. Собравъ всѣ мнѣнія, комитетъ выводитъ изъ нихъ свое заключеніе и опять черезъ газеты оповѣщаетъ публику какое онъ выбралъ мѣсто съ яснымъ и подробнымъ объясненіемъ о предпочтеніи его. Если время позволяетъ, назначается срокъ для возраженій. Затѣмъ, когда мѣсто выбрано окончательно, комитетъ приглашаетъ опять непременно черезъ газеты, а не только по прямому адресу, представить подробное описаніе моделей, рисунковъ, которые ему будутъ посланы на конкурсъ и даже одни письменныя изложенія проектовъ безъ моделей. Это на случай втораго конкурса, или пожалуй хоть и для перваго, если они будутъ присланы заблаговременно, такъ что кто нибудь изъ художни-

ковъ захочетъ принять ихъ къ свѣдѣнію. Комитетъ выбираетъ по его мнѣнію лучший проектъ и опять отдастъ свой выборъ на судъ публики.

Пожалуй, иному покажется, что комитетъ при этомъ остается вѣдь все тотъ же, значить сдумаетъ поставить на своемъ. Но это не такъ. Безъ сомнѣнія комитеты составляются изъ людей образованныхъ, стоящихъ на высотѣ своей задачи, а не изъ упрямыхъ тупицъ, желающихъ непременно сдѣлать по своему. Болѣе чѣмъ возможно, что они разсмотрѣвъ всѣ мнѣнія и проекты, измѣнятъ кое что, а можетъ быть и многое въ своихъ первоначальныхъ взглядахъ. Точно также и сами художники, если увидятъ, что въ письменныхъ проектахъ есть такое, что ими упускалось изъ виду, на второй конкурсъ представлятъ измѣненныя въ этомъ направленіи модели. Но это все таки будетъ свободное творчество, ни чѣмъ не стѣсненное, ни кому не подчиненное,—чего не можетъ быть теперь. Тогда и самый памятникъ съ мѣстомъ его постановки будетъ желаемымъ всенароднымъ,—а не такой, какъ теперь.

Другой примѣръ еще лучше. Въ Петербургѣ предполагается поставить памятникъ Императору Александру II. Условіе памятника такое: Императоръ долженъ быть изображенъ читающимъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ, — и только. Неужели составителямъ такого условія неизвѣстно, что *читаютъ* манифесты посланцы Царя; Самъ же Самодержецъ *изрѣкаетъ* Свою Волю народу? Неужели составители такого условія не сознаютъ величія другихъ дѣлъ Императора Александра? Да и вообще выдѣленіе изъ всѣхъ дѣлъ Его одного освобожденія крестьянъ надо признать менѣе удачнымъ, чѣмъ выдѣленіе чего либо другого. Правда, съ разныхъ концовъ Россіи часто слышатся желанія и ходатайства объ установленіи даже праздника Освобожденія. Петербургскіе составители памятника не хотятъ отставать, вѣроятно, думая, что гласъ народа — гласъ Божій. Но всегда ли это такъ? Да еще это гласъ народа ли, не отдѣльных ли кучекъ, въ родѣ ничтожныхъ острововъ на великомъ морѣ?

Въ самомъ дѣлѣ, можно праздновать освобожденіе отъ монголовъ, отъ двадца-

ти языкъ. Но какъ праздновать освобожденіе народа отъ самого себя? И не лучше ли даже самое слово „освобожденіе“ замѣнить другимъ, выражающимъ не уничтоженіе гнета, а уравненіе и братство сословій? Ну, были темныя времена, созданныя тоже вѣдь правителями, когда одно сословіе давило другое. Но не лучше ли забыть это и протянуть всѣмъ другъ другу руки, а не колоть глаза брату, теперь уже неосмысленными упреками? Не слышится ли здѣсь вмѣсто гласа Божія, гласъ низвергнутаго архангела?

Конечно Петербургъ долженъ имѣть памятникъ Императору Александру II, кромѣ храма, имѣющаго особый смыслъ. Но этотъ памятникъ долженъ быть Ему всему, а не одному Его дѣлу.

Два послѣдніе примѣра вмѣстѣ со всѣмъ преждесказаннымъ по этому предмету ясно показываютъ то крайне нежелательное положеніе, въ какомъ находится у насъ въ настоящее время дѣло устройства памятниковъ. Надо желать и надѣяться, что этому придетъ же конецъ и можетъ быть въ недалекомъ будущемъ. Тогда Москвѣ придется рас-

плачиваться за нынѣшніе очень тяжкіе грѣхи: нѣкоторые памятники необходимо будетъ если не передѣлать, то хотя передвинуть, на что, конечно, потребуются не малые расходы. Что дѣлать! За ошибки почти всегда приходится переплачивать.

Если же этого не будетъ, то на поставленный ранѣе вопросъ: нужны ли такіе памятники? — пожалуй придется отвѣтить: не нужны.

ХІІ. ГДѢ ДЕНЬГИ?

Остается послѣдній и главнѣйшій вопросъ по сооруженію памятниковъ: гдѣ деньги? Дабы хоть не много ослабить силу этого страшнаго вопроса, слѣдуетъ вспомнить, что предлагаемый планъ хотя и очень обширенъ, но, не будучи разработанъ въ подробностяхъ, можетъ быть сокращаемъ по усмотренію. Однако и въ предлагаемомъ размѣрѣ онъ потребуетъ траты значительно меньше той, какая идетъ на театры и при постановкѣ и содержанію ихъ, не считая непрестан-

наго вытягиванія въ пустоту народныхъ сбереженій. Кромѣ того, если онъ заслуживаетъ вниманія, можетъ исполняться постепенно, не спѣша. А при этихъ условіяхъ деньги, конечно, найдутся. Ихъ дастъ сама Москва, потому что это очень богатый городъ. Такъ покрайней мѣрѣ слѣдуетъ думать, если изрѣдка пробѣгать въ газетахъ замѣтки о думскихъ денежныхъ дѣлахъ. Часто пробѣгать ихъ не москвичу не зачѣмъ. Онъ читаетъ ихъ только тогда, когда выполнить всю суточную порцію труда и чтенія, а до сна еще время есть.

Вотъ въ такія полусонныя минуты не москвичъ узнаетъ, что въ Москвѣ, въ Думѣ ея нерѣдко поднимаются вопросы о прибавкахъ, надбавкахъ, наградахъ, вспоможеніяхъ—все своимъ служащимъ,—и все такіе вопросы рѣшаются въ самомъ благопріятномъ смыслѣ. Говоря вообще, старательность и честность признаются настолько существенными и необходимыми качествами всякаго общественнаго дѣятеля, что даже и упоминать о нихъ нечего. Говорятъ объ отсутствіи ихъ.

Но Дума думаетъ не такъ: она считаетъ честность своихъ служащихъ,—если вѣрить газетамъ, — явленіемъ настолько необычайнымъ, что признаетъ себя обязанной выразить за нее свою глубокую признательность тоже какимъ либо необычайнымъ, высшимъ способомъ. А такъ какъ высшимъ, благороднѣйшимъ проявленіемъ человѣческой признательности считается, надо полагать, выдача денегъ,—то и изъ ряда вонъ, — т. е. изъ обыкновеннаго, значить нечестнаго ряда,—выходящая честность награждается выходящей тоже изъ обыкновеннаго ряда вонъ денежной выдачей. Отсюда всякій думскій дѣятель долженъ всѣми силами стараться быть честнымъ, ибо это выгодно не менѣе того, какъ если бы онъ былъ нечестнымъ.

Правда, иные, опьяненные лукавыми мудрствованіями, а то и просто винными парами, пробуютъ объявлять благородный металлъ презрѣннымъ и для награды за честность не подходящимъ; но дѣйствительность скоро отрезвляетъ ихъ. Въ какомъ то журналѣ приводился случай, когда поужинавшіе на благотворительномъ ужинѣ, послѣ многихъ тостовъ и спичей, вздумали лобы-

затѣ неувличенныхъ въ похищеніи бутылокъ официантовъ, говоря: примите же и вы нашу сердечную благодарность!—тогда лакеи весьма резонно спросили: а за благодарностью то завтра что ли придти?

Приведенный случай даже не можетъ быть признанъ за случай; это широко распространенное убѣжденіе. А потому московская дума поступаетъ весьма правильно, если за честность выдаетъ денежныя преміи. Но дѣло вотъ въ чемъ: конечно, разѣ, другой выдать сверхъ положеннаго нѣсколько тысячъ за честность не составитъ большаго расчета; но что, если большинство служащихъ, или, спаси Богъ, все они окажутся честными,—что тогда?

Впрочемъ иные обстоятельства, какъ напр. съ года два тому назадъ, скотобойни или что то въ родѣ этого, показываютъ, что можно и не отличаться очень высокими качествами, чтобы получить сверхъ-уставную пенсію. Предсѣдательствующій въ засѣданіяхъ (если газеты не календари) такъ прямо и сказалъ: вы, господа, можете рѣшать эти дѣла „не по уставу, а по убѣжденію“.

Вѣроятно потому эти дѣла и рѣшаются вопреки обыкновенному ходу мысли и съ 200 руб. дѣлается переходъ не на 300 или даже 400, а прямо на 800. Очень богатому человѣку назначается пенсія въ 3000. Да иначе и быть не можетъ: очень богатый человѣкъ обидится, если ему дадутъ меньше. Все это случилось въ прошломъ или позапрошломъ году; а въ нынѣшнемъ совершилась надбавка жалованья въ такихъ размѣрахъ, что даже боязно выписывать цифры. Получившіе поблагодарили, расписались въ полученіи и какъ джентльмены не сказали, что мало. Грядущіе года разумѣется не отстанутъ отъ своихъ предшественниковъ.

Это одна сторона, сторона расходная ясно показываетъ, что денегъ дѣвать не куда, такъ ихъ много. Другая сторона—приходная подтверждаетъ это. Изобрѣтательность налоговъ неистощима. Изобрѣтенъ пока еще не принятый налогъ на квартирный налогъ. Подъ налогомъ вообще подразумѣвается сборъ съ доходовъ, превышающихъ насущную потребность или съ расходовъ, порождаемыхъ прихотями и роскошью. Значить и самый квартирный налогъ не рѣдко можетъ

противорѣчить общему смыслу налоговъ. Онъ не противорѣчитъ ему только въ роскошныхъ палатахъ и тамъ не только не противорѣчить, но въ установленныхъ размѣрахъ, даже благоволить роскоши. Слѣдовательно во многихъ случаяхъ квартирный налогъ можетъ быть названъ налогомъ второй степени, налогомъ въ квадратъ, налогомъ на неизбѣжную плату, или на жизненный налогъ. А своеобразный ростъ этой идеи въ Москвѣ породилъ налогъ уже третьей степени, налогъ въ кубъ. Принявъ его, нѣтъ никакихъ логическихъ основаній останавливаться на налогѣ съ налога на налогъ и не идти далѣе. До какихъ же степеней? Это желательно бы знать не однимъ москвичамъ, потому что и другіе думы тоже любятъ думать. Впрочемъ московскій кубическій налогъ, если бы и былъ принятъ, не былъ бы обидѣнъ, потому что онъ предлагался въ пользу самыхъ бѣдныхъ. Трогательная забота! Видно, сытое брюхо къ милостямъ не глухо, но изъ чужаго кошелька. Было бы многое трогательнѣе, если бы гг. гласные установили, ну хоть 10⁰/₀-ный сборъ съ своего собственнаго содержанія въ пользу бѣдныхъ.

Всѣ эти выводы и разсужденія немосквичъ дѣлають, какъ уже было сказано, въ такое время вечера, которое, слѣдую моднымъ теченіямъ, можно назвать никудашнымъ; значить и сами они, эти выводы могутъ оказаться такими же. А слѣдовательно вмѣсто предположенія, что въ Москвѣ денегъ куры не клюють, можетъ выйти совсѣмъ наоборотъ, что клюють исправно. Тогда возлагаемая на нее надежды по сооруженію памятниковъ рунуться сами собой, и останется надежда на московскихъ крезовъ. Вотъ они выбрали бы что нибудь себѣ по сердцу—выборъ здѣсь великъ. Да и не одни московскіе, это дѣло общерусское.

XLII. ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Что касается очереди памятниковъ, то надо замѣтить, что очень давніе люди могутъ обождать, потому что память о нихъ съ теченіемъ лѣтъ не сдѣлается ни больше, ни меньше. Совсѣмъ другое недавніе дѣятели, о которыхъ память и къ которымъ чувства еще очень живы у современниковъ.

Этимъ и надо пользоваться. Послѣ уже принятыхъ къ постановкѣ, слѣдуетъ неотложно, теперь же соорудить памятникъ Каткову. Этого требуютъ не только его великія заслуги, но и ясно выраженный взглядъ на нихъ почившаго Монарха въ незабвенныхъ словахъ:

„Вмѣстѣ со всеѣми истинно русскими людьми глубоко скорблю объ утратѣ человѣка, сильное слово котораго, одушевленное горячею любовію къ отечеству, возбуждало русское чувство и укрѣпляло здравую мысль въ смутныя времена. Россія не забудетъ его заслугъ“.

Однако Россія до сихъ поръ еще не выразила ясно того, что она его не забыла. Или можетъ быть только во дни великихъ торжествъ, за трапезными столами возжигается пламя признательности благодарнаго потомства? Нельзя же думать, что мы идемъ по стопамъ тѣхъ лохмато-мыслителей, которые, къ чести ихъ сказать, не стѣсняясь, открыто поклоняются своимъ божкамъ, составляя рѣзкую противоположность нашей печальной и порой постыдной скромности.

Имъ, этимъ мыслителямъ такой памятникъ, конечно, будетъ не по вкусу; конечно, они не въ состоянїи будутъ смотрѣть на него „безъ печали и гнѣва“. Но не принять ли и это также за причину скорѣйшаго сооруженія памятника?

Будемъ же надѣяться, что постепенно, одинъ за другимъ появятся въ толковомъ порядкѣ изображенія великихъ русскихъ людей и украсится ими Москва къ своему 800-лѣтїю, которое уже не за горами: современное юношество на закатѣ дней встрѣтитъ его. Это будетъ достойный юбилей Москвы и праздникъ всей Россїи. Великій народъ долженъ имѣть полную, простую, всѣмъ понятную, всегда открытую книгу своей исторїи, и такой книгой для русскаго народа можетъ быть и должна быть только Москва.

К О Н Е Ц Ъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

ГЛАВЫ.	СТРАНИЦЫ.
I. Вступленіе	3
II. Памятникъ Императору Александру II	6
III. Памятникъ Императору Александру III	14
IV. Выбранное мѣсто	16
V. „Мотивы высшаго порядка“ г. Цеѣтаева . . .	23
VI. Положеніе памятника. Кремль	28
VII. Выборъ мѣста	35
VIII. Выборъ вида	46
IX. Развѣтѣе выбраннаго вида	52
X. Прочіе памятники существующіе и предполагаемые	57
XI. Кремлевскія зданія	66
XII. Красная площадь	68
XIII. Узкіе ходы. Воскресенская площадь	75
XIV. Мосты	82
XV. Площади на Тверской.	91
XVI. Названія улицъ	95
XVII. Бульвары	102
XVIII. Тверскія ворота	106
XIX. Тверская Ямская	110
XX. За триумфальной аркой	117
XXI. Вторая линія. Пруды	122
XXII. Фонтанъ. Красныя ворота. Мясицкая	129
XXIII. Театральная площадь.	134

ГЛАВЫ.	СТРАНИЦЫ.
XXIV. Гостиницы	149
XXV. Деньги	170
XXVI. Последнія группы памятниковъ	172
XXVII. Нужны-ли такіе памятники?	180
XXVIII. Три цѣли постановки. Первая	189
XXIX. Театръ	191
XXX. Музыка.	197
XXXI. Музыка будущаго.	210
XXXII. Египетская туча	215
XXXIII. Конецъ главы XXVIII.	219
XXXIV. Вторая цѣль	220
XXXV. Вставныя картинки	229
XXXVI. Графъ Левъ Толстой	240
XXXVII. Преступный маскарадъ	254
XXXVIII. Преимущество статуй	264
XXXIX. Третья цѣль	276
XL. Комитеты	278
XLI. Гдѣ деньги?	284
XLII. Заключение	290

Тверь.

21 ноября 1901 г.

Прошу читателя

исправить хотя только тѣ опечатки, искажающія смыслъ, которыя здѣсь показаны крупнымъ шрифтомъ. Остальныя не мѣшаютъ чтенію. Совсѣмъ мелкія не указаны.

Авторъ.

Стран.	Строк. с.	Напечатано.	Надо читать.
7	5 н.	сооружающими	окружающими
20	3 в.	связываетъ	связывать
25	5 в.	Императоромъ	Императорамъ
29	9 н.	изъ	ихъ
45	5 в.	-выхъ	-вныхъ
85	2 н.	съ	къ
91	1 в.	общественнымъ	общеизвѣстнымъ
146	7 н.	мостовъ	мостковъ
164	8 н.	-нятся	-тятся
187	12 в.	странное	страшное

* *
*

9	8 н.	великія	великіе
25	1 в.	играть!	играть! ^а
28	2 в.	Филосовское	Философское
29	7 н.	все	всѣ
31	1 н.	-биваться	-виваться
38	2 н.	прозвище	прозвищъ
68	7 н.	разнятся	равняются
75	16 н.	такъ	такъ какъ
79	7 в.	тогда	тогда
94	14 в.	Бѣлости-	Бѣлостѣн-

Стран.	Строк. с.	Напечатано.	Надо читать.
99	11 н.	мы	бы
104	4 в.	могло	могло бы
107	9 н.	непропадетъ	не пропадетъ
117	14 в.	-тельствую	-тельствующую
118	4 н.	безъ за-	безза-
—	3 н.	развязностью	развязности
121	11 в.	ставить	ствдуетъ ставить
122	15 н.	назначенію	значенію
—	8 н.	прѣзжающимъ	прѣзжающимъ
123	11 в.	прехращенному	перекращенному
126	5 н.	по-	на-
137	6 н.	оно	его
142	1 н.	чучше	лучше
146	4 н.	длаться	длится
147	13 в.	да	да и
155	12 в.	полубу-	полбу-
157	10 н.	свойствамъ	свойствомъ
168	14 в.	за все это	за все это (крѣмъ граммофона)
184	5 в.	и барона	и на барона
190	8 н.	и въ	въ
192	12 в.	выражаться	выразиться
207	3 в.	разрушая	разрушающая
218	6 в.	израль	израиль

* *

*

Стран.	Устрок. с.	Напечатано.	Надо читать.
183	1 в.	рожицы	рожищи
189	12 в.	-страмъ	-ствамъ
245	13 в.	невѣрую-	невѣрую-
257	9 н.	видимъ	видить
286	13 н.	Отсюда	Отсюда: